

**ТВОРЦЫ
ЯДЕРНОГО
ВЕКА**

В.Ф.КОНОВАЛОВ

**ТВОРЦЫ
ЯДЕРНОГО
ВЕКА**

В.Ф. КОНОВАЛОВ

*Страницы
жизни*

Москва
ИздАТ
2002

УДК 623.4518+621.039

ББК 355.9+6П28

К 64

К 64 В.Ф.Коновалов: страницы жизни. — М., ИздАТ, 2002 — 272 с. — илл. — (Творцы ядерного века).

ISBN 5-86656-130-1

В судьбах людей второй половины XX века отразилась вся история страны и ее наиболее засекреченная область — атомная наука и техника.

Ярким представителем славной плеяды атомщиков является Виталий Федорович Коновалов, прошедший все ступеньки профессиональной карьеры от молодого специалиста до Министра.

УДК623.4518+621.039

ISBN 5-86656-130-1

© Авторы, 2002

© Оформление ИздАТ, 2002

Предисловие

Наши судьбы с Виталием Федоровичем Коноваловым во многом схожи. И это естественно, потому что мы принадлежим к одному поколению, на долю которого выпало немало испытаний и трудностей. Два десятилетия шагал я от сменного мастера до директора Уралмаша, приобретая тот бесценный опыт, без которого нельзя стать одним из руководителей страны. Таким же путем и в это же время — от сменного мастера до директора крупнейших оборонных комбинатов — шел и В.Ф. Коновалов.

О подборе и расстановке кадров в советское время написано и наговорено очень много. В последние годы все это имеет негативный, а то и злопыхательный, злобный характер. Лейтмотивом "критики" бывшей политики в этой сфере было то, что партия, крепко удерживая в своих руках расстановку кадров, не допускала якобы выдвижения талантливых людей.

При всех имеющихся здесь действительных недостатках не могу согласиться с таким огульным обвинением. Да, были перекосы. Конечно, среди выдвинутых партией кадров были разные люди, но подавляющее большинство составляли профессионально подготовленные, талантливые организаторы. И все хорошее в стране создано при их активном и позитивном участии.

На наших глазах в последние годы проводится кадровая политика, и не снисвавшая коммунистам. Тогда в ее основе была преданность идеалам партии, государству, народу. Сейчас же все определяет личная преданность одному человеку. Понятие профессионализма ушло при этом в небытие.

В правительстве, которым мне довелось руководить, в основном работали преданные делу, замечательные люди — настоящие профессионалы. И среди них Виталий Федорович Коновалов. После трагедии в Чернобыле ему было поручено обеспечить стабильную, надежную и безопасную работу атомных станций. Он с этой задачей справился. В очень трудное для страны время он

стал министром Средмаша (название у министерства изменилось, но только оно...), и это было очень нелегкое время, так как кризис в стране, начавшийся при "перестройке", разрастался и был виден его печальный итог — распад великой страны. Немногие выдержали суровые испытания того времени, они не предали свою Родину, свой народ, во имя которого работали всю жизнь. Среди этих людей и Виталий Федорович Коновалов.

Стремительно летит время. Меня радует, что и сегодня настоящие профессионалы, с которыми мне довелось вместе работать, продолжают верно служить нашей Родине. Низкий поклон им!

Н.И. РЫЖКОВ,
Депутат Государственной Думы

Н. Рыжков

НАЧАЛО

Е. Букаева

Школа воли

...Погожим днем 4 августа 1950 года Виталий Коновалов отправился в приемную комиссию Уральского политехнического института им. С.М. Кирова, подавать заявление о приеме на новый — физико-технический — факультет, где готовят специалистов в новейших областях науки и техники.

Коридоры были переполнены абитуриентами. Вся атмосфера, само здание главного корпуса института с его величественным фасадом, внушали гордость и ощущение счастья. А того, кто стремился на физтех, еще и томило прикосновение к большой тайне, чувство избранности.

Виталий был уверен в себе, в том, что сделал правильный выбор... И все же он волновался, заполняя анкету, излагая автобиографию, короткую, но уже насыщенную событиями и достижениями.

"АВТОБИОГРАФИЯ.

Я, Коновалов Виталий Федорович, родился 14 сентября 1932 года в городе Свердловске, — здесь он остановился, на секунду задумался.

...У Маяковского есть стихи о Свердловске: "У этого города нету традиций, бульвара, дворца, фонтана и неги. У вас на глазах городище родится из воли Урала, труда и энергии". Судьба индустриализации — это и Витина судьба, быть коренным свердловчанином — уже немало. Две первые строчки автобиографии самые важные, Витя оставляет большие пробелы между словами. "...В городе Свердловске, — тут он ставит точку. И дальше с большой буквы: — Где и живу до сих пор.

Мать моя, Коновалова Мария Михайловна, вышла из крестьянской семьи. В настоящее время она учитель школы № 5. Отец, Коновалов Федор Константинович, родился в Сибири, в семье рабочего".

Как же много нужно рассказать о себе! Так и листа бумаги не хватит...

"Учиться пошел в 1940 году, в школу № 5. Потом учился в школе № 2 и № 9, 10-й класс закончил в 1-й школе. 3-й, 4-й и 7-й класс окончил с похвальными грамотами, а 10-й класс с отличием. В члены ВЛКСМ вступил в мае 1947 года. В школе вел общественную работу. Был членом комитета, учкома, классным организатором, группоргом.

Свою учебу в школе сочетал со спортом"...

— Мы учились в параллельных классах. Оба школу закончили с золотой медалью, — **вспоминает Евгений Самуилович Левин, сегодня — профессор кафедры физики УГТУ-УПИ.** — Мне он нравился всегда. Во-первых, он был просто симпатичным, во-вторых, целеустремленным и толковым парнем. Мне нравилось, когда ребята хорошо учились. Не просто шалопаи какие-нибудь... В общем, многим он меня подкупал, поэтому я всегда старался затянуть его во все свои увлечения. И в шахматы я его затянул, и в баскетбол.

После школы наши пути-дороги разошлись. (Виталий Коновалов стал большим человеком, но я, если можно так сказать, стоял с ним у истоков, и мне это приятно.) ...У нас был очень сильный директор школы — Сергей Васильевич Иванов. Крепкий такой мужик, который сделал из первой школы действительно "конфетку". Он просто душой болел за всех и всех заставлял работать, и это нам позволило идти дальше — сначала в институт, а потом в науку и на производство, где практически все чего-нибудь да достигли. Но директор держал власть, режим вообще-то был авторитарным. Он был очень строгим и с каждым индивидуально работал. Каждого вызывал к себе в кабинет и подолгу беседовал. Спрашивал: как ты хочешь дальше работать, хочешь ли ты золотую медаль или серебряную, или ты хочешь "как-нибудь, между прочим"... У него еще была такая привычка — голову тебе нагнет и поцелует. Очень любил всех целовать, и вот мы каждый раз рассказывали друг другу про все эти унижения... Но он был хорошим человеком.

Я перед встречей с вами думал, что нужно о чем-нибудь смешном вспомнить. Но нет, не получилось. Виктор всегда был серьезным. У нас часто устраивали всякие проверки знаний. И всегда после очередной неожиданной контрольной мы собирались в коридоре и обсуждали, что да как. Было интересно проверить, не ошибся ли в чем-нибудь, все ли сделал правильно. Эти "совещания" были для нас очень важными.

г. Свердловск, 2, Втузгородок, Главный учебный корпус, Приемная комиссия
Директору Уральского политехнического института им С. М. Кирова

Без отрыва от производства
Ж. В. Савельев
21.8.50
Коновалова Виталия Фёдоровича,
(фамилия, имя и отчество)

окончившего в 19 50 году _____
(указать название

Жуковскую среднюю школу №1
учебного заведения)

г. Свердловске
(указать адрес учебного заведения)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Приемную комиссию Уральского политехнического института

им. С. М. Кирова ~~допустить меня к вступительным экзаменам~~
зачислить меня как окончившего средн. школу с медалью

на физико-технический факультет
факультет по специальности _____

В случае заполнения вакансий на указанную мою специальность, прошу
зачислить меня на другой факультет и специальность, а именно: _____

При этом прилагаю следующие документы:

1. Аттестат об окончании _____ (в подлиннике)
2. Автобиографию и три фотокарточки размером 3×4 см. (без головного убора).
3. Мне известно, что:

Паспорт и учетно-воинский билет я должен предъявить при личной явке:
При приезде в институт я должен иметь при себе не менее двух смен постельного белья и полотенец и одеяло.

Ваше решение прошу сообщить по адресу: _____

Подпись

Коновалов

Дата 4 / VIII - 50г.

№ 2001

Тираж 3300

Заказ 369

Тип. УПИ, Свердловск, Втузгородок, 8 студ. корпус.

В 9-м классе каждую субботу и воскресенье мы ходили в оперный театр, давали вахтерше рубль и устраивались на галерке. А вот в 10-м классе и он, и я, и все наши друзья все время сидели в Белинке (областная публичная библиотека – Ред.). Мы просматривали, кто что сказал, и как все происходящее надо воспринимать: уж очень мы боялись этого сочинения по литературе, оно нас больше всего пугало...

– Чем объяснить, что и у вас, и у ваших сверстников было так много увлечений?

– Огромное значение играл двор. Там, где я жил, было очень интересно. Помню, до войны у нас в компании были ребята от первого до десятого класса. Мы тянулись за старшими. Кто-то играл в шахматы, кто-то играл в карты. Играли мы и в очко, и в домино, но потом как-то отошли от этого дела, оно нас не затянуло.

Другой школьный приятель **В. Коновалова**, теперь – уважаемый **Игорь Сергеевич Плахотин**, работает в Ассоциации экономического содействия развитию Уральского региона, – жил с ним в одном доме. До сих пор вспоминает дворовую жизнь: как играли в футбол, катались на коньках и проявляли чудеса смелости – с помощью "провилки" (это такая проволока, длиной примерно в метр, с одной стороны загнута в ручку, с другой – в крючок), которой цеплялись за борт грузовика и ехали.

Виталий был старшим в семье, он заботился о двух братьях и сестре, помогал матери, жилось им нелегко, но о трудностях знали только самые близкие друзья.

– Мы были очень спортивными, – продолжает свой рассказ Е.С. Левин. – Виталий (не сразу, конечно, пришлось сначала потренироваться) попал в сборную школы по баскетболу. В 9-10-м классах мы играли за общество "Спартак", были чемпионами города.

Спортивного зала у нас не было, мы ходили просили у всех: "Дайте нам потренироваться!" В "Динамо" клянчили, в "Локомотив" обращались, как только не хитрили... Ампула у него было – защитник. Он хорошо, цепко играл в защите, прикрывал сильных нападающих. Потом мы закончили 10-й класс, попали в сборную города...

А дальше – Женя и Игорь поступят в УПИ на металлургический, а Виталий выберет совершенно новый факультет – физтех. Е.С. Левин объясняет:

– Я сам с ВИЗа (район знаменитого металлургического завода – Ред.), и у меня в окружении были всякие прокатчики, просто из всех "металлургий" я выбрал электрометаллургию – она красивее всех звучала.

А Виктор больше был физикохимиком, проявлялась у него склонность к анализу. Уже на первом курсе он охладил к баскетболу. В. Стрекаловский появился, там у них много талантливых ребят собралось. А я, наоборот, отвязался от шахмат (Е.С. смеется): был чемпионат института, по-моему, две партии я проиграл, что-то две или три ничьи получил, и с тех пор шахматы меня не очень интересовали".

О шахматах мы поговорим позже, а сейчас, забегая вперед, скажем: только кажется, что жизнь разлучит школьных друзей, да; встречаться они будут редко, но далеко не случайно, испытывая при этом искреннюю радость и интерес друг к другу.

20 августа 1950 года подписан приказ о зачислении Виталия Коновалова на первый курс физико-технического факультета. На медалиста и хорошего спортсмена сразу обратят внимание. И уже 15 сентября институтская газета "За индустриальные кадры" публикует заметку "Школа воли" за его подписью. В ней, в частности, говорится:

"Спорт закаляет человека, делает его сильным, бодрым, жизне-радостным, воспитывает в нем волю, приучает ценить секунды, развивает чувство времени.

Я очень люблю спорт и увлекаюсь им. Занимаюсь я шахматами и баскетболом и почти все свободное от учебы время отдаю этому. Я -выпускник шахматного клуба Свердловского дворца пионеров, где мне присвоили первый разряд. Влечение мое к спорту не мешало мне учиться в школе, а, наоборот, учило меня дорожить каждой минутой.

В институте я тоже буду заниматься спортом. Это не только не будет мешать учебе, а, наоборот, приучит к строгой требовательности к себе.

Советую всем студентам, которые до сих пор не занимаются спортом, полюбить его и посвятить этим занятиям свободное время. Для хорошей спортивной учебы в Уральском политехническом институте имеются все возможности.

**В.Коновалов,
первокурсник физико-технического факультета".**

Он попал в число студентов второго призыва "секретного" факультета. И сразу выделился на общем фоне. Однако именно этот уникальный, особенный "фон" сыграл решающее значение в жизни нашего героя — личной, общественной, профессиональной.

Ода физтеху

"Альма-матер!

Родное гнездо. А мы, как птенцы, выросли и окрепли в нем. И разлетелись по всей стране.

Альма-матер! Родной УПИ!

Ты, как орел, приготовившийся взлететь с одного из высоких холмов города. Зоркие глаза твои смотрят в будущее.

Первые послевоенные годы. Новые задачи встали перед страной. Новые проблемы. Нужны новые кадры для новой науки и техники. И институт еще шире расправил свои крылья – создал физтех и радиофак.

И как хорошо пелось у нас:

"Расправил крылья для полета
родной навеки институт".

Для полета в новую половину века. Годы учебы. Наша молодость. Шумные сборища. Споры. Кроссы. Соревнования. Спорт и самодеятельность. Колхозы, практика, свадьбы. Сколько свадеб! Мужской факультет.

Судьба свела нас вместе в годы нашей молодости, которые так дороги и приятны сердцу. Мы стали частицей жизни друг друга. А потом – работа. Юбилейные встречи".

Эта "Ода физтеху" написана через 33 года после того, как Виталий и его друзья поступили в УПИ. А опубликована в 1999 г., в сборнике, изданном к 50-летию уральского физтеха.* Прошли не просто десятилетия, целые эпохи выстроились чередой, но и в новом, XXI веке большинство физтеховцев скажут: все, что написано в этой оде, было и остается правдой, без которой немислима жизнь.

У Виталия Коновалова и его ровесников была особенная юность. Что ее отличало? "Бескорыстие. Оптимизм. Ощущение, что весь мир существует потому, что ты есть", – считает Юрий Вениаминович Пермяков.

"Незабываемо первое общее собрание первого курса в "римской" аудитории, – вспоминает Сергей Николаевич Новиков. – Нас оказалось человек сто пятьдесят. В основном вчерашние десятиклассники (много медалистов), однако кое-где зеленели гимнастерки

* В данном очерке цитируются воспоминания, рассказы о встречах и ассамблеях, стихи и проза, ответы на анкету уральских физтехов – однокурсников В.Ф. Коновалова, опубликованные в сборнике "Уральские физтехи в Москве и Подмосквье о времени и о себе". – М.: ЦНИИатоминформ, 1999, также в альманахе "Физтехи о физтехах". – Екатеринбург: Издательский дом "Ява", 1999.

и кителя бывших фронтовиков. Хорошо помню, как шли по проходу красиво одетые парни в ярких пиджаках и длинных галстуках (будущие стилиаги). Они сразу образовали дружную группу... Еще одна маленькая группа приковывала внимание всей аудитории — девушки. Их было всего пятеро, наш "редкий элемент". Они все были симпатичные, но их было так мало... Выступали перед нами руководители факультета, студенты старших курсов. В основном на тему о факультетском патриотизме".

Факультету второй год отроду. И преподаватели, и студенты одержимы новыми идеями, планами, связанными с инженерной физикой, новой энергетикой. Было нелегко, ведь нужно было организовать не только процесс передачи знаний, но и "на ходу" эти знания добывать. Потребность в выпускниках была неотложной, на старших курсах учились ребята, переведенные с других факультетов, многих из них сразу готовили для преподавания. Вся работа шла под руководством самых крупных ученых и специалистов. Каждый, кто попадал на физтех, сразу погружался в творческую атмосферу активно растущего коллектива. С самого начала здесь подняли планку уровня фундаментальной подготовки инженеров не только на физических, но и на химических специальностях.

С первых дней формировался "характерный особый физтеховский дух, суть которого я сформулировал бы так: я способен освоить любое дело и взяться за любую физико-техническую проблему, — рассказывает А.А.Кокин, выпускник УПИ 1954 г. — ...Причина универсальности такого духа связана, как мне представляется, не только с высоким качественным составом самих студентов, но не в последнюю очередь с методами обучения". Физтеховцы отличались от других "большей энергией, стремлением к самосовершенствованию, самостоятельности, целеустремленностью, наличием деловой хватки".

Им повезло с преподавателями. На всю жизнь студенты физтеха сохранили теплые воспоминания о первом декане факультета Е.И. Крылове. Он не просто здоровался со всеми студентами за руку и был для них не столько администратором, сколько старшим товарищем, он являл собой пример мудрости и честности. Именно Крылов брал на себя ответственность и принимал на работу опальных, но талантливых преподавателей. Все чувствовали, как он молча переживал "борьбу с идеализмом и реакционными научными теориями", как он исподволь учил своих подопечных искусству бороться за здравый смысл в непростых условиях сталинизма и так называемой "оттепели".

О преподавателях, которым сдавал экзамены и зачеты В. Коновалов, до сих пор ходят легенды. Рассказывают, как В.Л. Золотавин дал взаймы солидную сумму студентам, захотевшим купить в складчину... мотоцикл. Артефакт 50-х – перчатка Виглина. "Великолепный лектор, он рационализировал даже работу с мелом. Он брал старую перчатку, отрезал большой, указательный и средний пальцы и таким образом обретал возможность держать мел и одновременно стирать написанное". Все эти байки лишь оттеняют главное в системе физтеховского обучения .

Преподаватель "теормеха" И.В. Волк запомнился тем, что был очень выразительным, математик М.А. Саксонов – крайне экспансивным, С.И. Попель – своим надменным превосходством над всеми, А.К. Кикоин – интеллектуализмом, В.Л. Золотавин – интеллигентностью... Вот какие разные люди оставили свой автограф в зачетке В. Коновалова! Их влияние на становление будущего профессионала бесспорно.

Особо нужно упомянуть о когорте молодых преподавателей физтеха. Они были ненамного старше студентов, но запомнились навсегда. "Пах и Пех" – В.С.Пахолков и И.С.Пехташев читали спецкурсы, хлопотали при поездках на практику. "Словом, это были близкие люди".

Рассказывает Иван Самсонович Пехташев, самый известный за всю историю начальник учебной части УПИ:

– Виталий Коновалов пользовался большим авторитетом не только среди студентов, друзей и товарищей, но и среди преподавателей. Вся его академическая группа была очень сильной! Я прочел им два спецкурса. Дело у нас с ними было совершенно новое. Литературы мало, приходилось много переводить... Меня подстегивала их неумная жажда разбираться во всем до мелочей. Они занимались с таким прилежанием, с таким интересом!

С огромным желанием.

Знаете, я со своим глухим голосом... А на занятиях, бывало, такая тишина, муха пролетит – слышно. И посещаемость была 100-процентной.

У кого не спроси, все уверенно скажут: Виталий Коновалов всегда очень хорошо учился. Между тем, он не был круглым отличником, и, похоже, совсем не стремился любой ценой заполучить "красный диплом". Более того, в его зачетке есть тройка – как "посредственные" оценены знания по экономике социалистической промышленности. Это у Коновалова, у человека, который впоследствии прошел путь от производственного мастера до министра, топ-менеджера! Теперь-то, конечно, можно этому

обстоятельству даже порадоваться. Ведь если бы он получил твердые знания (и убеждения) по этому вполне партийному предмету, то вряд ли бы сумел не на словах, а на деле заняться принципиально новым производством и принципиально новыми технологиями. Что касается "четверок", то, по мнению ветеранов физтеха, не надо путать их с оценкой "хорошо".

Трудно удержаться, чтобы не заметить: годы наших ветеранов не меняют, они помнят все и всех, до сих пор работают, являя новым поколениям физтехов примеры любви и преданности делу. Пах и Пех – не единственная "парочка старших товарищей". До сих пор неразлучны Сергей Павлович Распопин и Иван Федорович Ничков – этих профессоров и сегодня хорошо знают не только в научно-преподавательских, но и в широких студенческих кругах. Вот фрагменты нашей с ними беседы, записанной в апреле 2002 г.

"В те времена складывалась система подготовки специалистов, мы сами даже не представляем, насколько она оказывается не то что полезной, а действенной. Конечно, сейчас все вспомнить очень трудно. В самый пик его учебы мы были "немножечко" оторваны от студентов, проходили аспирантуру в институте электрохимии, но мы прекрасно знали, что происходит на факультете, и что таких, как Коновалов, немного. Мы знали, что он играет в баскетбол и шахматы.

В один день люди не меняются, каким ты был студентом – таким ты стал и молодым специалистом. Нам проще рассказать о том, как мы наблюдали за его профессиональным ростом. На производстве его сразу заметили. Только подумайте, ведь он смог организовать совершенно новые, уникальные производства тантала и сверхпроводников. Думается, потому, что еще в юности обладал каким-то особым подходом к делу. Он умеет определять задачу в том масштабе, в каком нужно. Выделить самое главное и подобрать нужных людей. У него особая требовательность к людям. Студентам, которых привозили к нему на практику, он говорил: "То, что вам рассказали на лекциях, – это одно, а вот производство"... Поначалу могло показаться, что он держится слишком жесткой линии поведения, вместе с тем никто не сомневался в его доброжелательности, чувствовалось, что он просто хочет передать то, что знает. Не только студентам, но и нам, преподавателям, он и нас учил тому, чем занимался, причем все это было весьма тактично и весьма полезно".

Позволим себе сделать небольшое отступление от хронологии и предоставим слово сегодняшнему декану физтеха, профессору, доктору технических наук Аскольду Рафаиловичу Бекетову:

— В 1986 году я, став деканом физтеха, пришел к Ивану Федоровичу Ничкову, он тогда был проректором УПИ по учебе, и рассказал о своей "головной" боли, которая закрывает перспективы. Иван Федорович подумал и сказал: "Давай готовить письмо с нашими предложениями на Минсредмаш, там у нас есть выпускник нашей кафедры В.Ф. Коновалов, он заместитель министра и, безусловно, нам поможет"... И я поехал с письмом к Виталию Федоровичу. Он меня принял и, действительно, все так и оказалось — помог. Проблемы в тот момент были связаны с широким внедрением компьютерной техники в образовательный процесс и научные исследования. А наши компьютеры можно было по пальцам пересчитать! Так вот, первые средства на развитие современной учебно-материальной базы Виталий Федорович и помог нам добыть. И сегодня, если посмотреть на факультет, то мы в общем-то оснащены очень хорошо. У нас почти 300 компьютеров, в каждой лаборатории есть Интернет, у нас есть свои компьютерные классы...

Далее. Когда Виталий Федорович учился, его декан много сил вкладывал в строительство учебного корпуса, волновался за создание лабораторно-исследовательской базы. Физтехам, знаете же, всегда чего-то не хватает. Нам и сейчас крайне необходим более современный исследовательский центр, и мы им занимаемся. Я думаю, за этот год, максимум за следующий, мы приведем в порядок физтеховский двор и заложим настоящий нулевой цикл под лабораторный комплекс общей площадью около двух с половиной тысяч метров.

Без Виталия Федоровича мы бы не могли об этом даже мечтать: первые деньги на это строительство пошли от Минатома.

Когда Виталий Федорович бывает в Екатеринбурге (на Урале достаточно много предприятий ОАО "ТВЭЛ" и Минатома), он обязательно появляется на кафедре. Он нам много рассказывает, делится с нами впечатлениями относительно сегодняшнего состояния дел в промышленности, в науке, в технике. Мы с удовольствием обсуждаем с ним проблемы развития атомной науки, и каждый раз он обращает наше внимание на те вопросы, которые мы обязательно должны доводить до студентов. Вот это чувство сопричастности к тому, что у нас происходит, у него всегда остается. Где бы не был Виталий Федорович: начальник отделения цеха, директором завода, начальником главка, заместителем министра, первым заместителем министра, министром, он всегда был внимателен к физтехам. В любое время, когда мы появляемся в Москве, ему только стоит напомнить о физтехе, и он все сделает для того, чтобы помочь решить наши проблемы. У него всегда находится минута, чтобы расспросить о том, как живут его учителя, поинтересоваться, как

у них дела. И надо отметить, что в сегодняшнее непростое время он прямо заявил, что нужно помогать развитию кафедр, которые готовят специалистов для Минатома.

Мы сохранили свои традиции. Конечно, мы немножко постарели, у нас поменьше молодежи, но в то же время все кафедры укомплектованы, везде ведется научная деятельность, мы каждый год принимаем около 30 аспирантов. И, если посмотреть в прошлое, то, безусловно, в этом большая заслуга именно Виталия Федоровича, потому что он своим настроем, своим пониманием особенностей жизни факультета всегда способствовал нашей работе. Он помогал и помогает нам формировать научные темы, заключать договора с теми или иными предприятиями. Я думаю, что все члены нашего коллектива весьма и весьма ему благодарны. Общение с ним дает всем нам более правильное понимание положения дел в стране, в регионе, в отрасли и в высшей школе. И это общение всегда будет эффективным благодаря участию и помощи Виталия Федоровича Коновалова...

А все потому, считают физтеховские старейшины, что еще в юности Виталий Коновалов "очень был заострен на внедрении нового — не просто технологий, а нового оборудования". Это они к тому ведут, что вырос Виталий "на очень хорошей физтеховской почве".

Специалиста формирует кафедра. В.Коновалов сознательно выбрал кафедру редких металлов (в его времена название, конечно, было засекречено, все подразделения физтеха были "номерными"). Она была создана для подготовки инженеров-технологов первичного цикла производства урана, тория и вспомогательных материалов ядерной техники: лития, бериллия, кальция, циркония, ниобия и других редких металлов, их сплавов и соединений, а также ядерно-топливного цикла.

К преподаванию были привлечены крупнейшие специалисты из академических и научно-исследовательских институтов, возглавляла кафедру профессор А.К. Шарова. С первых дней работы здесь особое внимание уделялось "содержательным докладам по экспериментальным работам", участию в этих работах студентов, которые получали грамоты и подарки не только за хорошие рефераты, но и за результаты своих опытов. На кафедре сразу же появились аспиранты. Результат: в 1954-2002 гг. очную и заочную аспирантуру закончили 161 человек, кандидатами наук стали 484 выпускника кафедры, 97 человек защитили докторские диссертации. На этой кафедре, когда рассказывают о НИР, часто приводят слова Томаса Карлейля о том, что "опыт, во всяком случае, берет большую плату за учение, но и учит лучше всех учителей".

За полвека здесь подготовлено около 2500 специалистов. Среди выпускников — министры и академики, директора и ректоры, лауреаты престижных премий, в том числе четыре лауреата Ленинской премии и 54 лауреата Государственной премии. Кафедра редких металлов считается одной из лучших в УГТУ-УПИ, а количество наград, дипломов и свидетельств подтверждают ее авторитет в научно-техническом сообществе...

Но вернемся в прошлое, в годы послесталинской оттепели, когда на "хорошей физтеховской почве" появились первые всходы.

Особый физтеховский дух формировался и в активной общественной жизни. Вовсю кипела комсомольская работа.

Весь цвет студенчества, полгорода Свердловска буквально штурмовали клуб УПИ, который был настоящим центром культурной жизни столицы индустриального Урала. "Особенно запоминающимися были моменты, когда мы — физтехи, первенствовали во всем. Когда наш хор в составе 100 парней исполнял "Ноченьку" Даргомыжского"

Физтехи оставили свой след не только в художественной самодеятельности, но и в жизни знаменитого БОКСа (Боевого Органа Комсомольской Сатиры), ставшего ярким символом послесталинской оттепели, которым восторгались даже Кукрыниксы.

Они создавали агитбригады, совершали агитпоходы, пешком и на лыжах, участвовали в эстафетах и мотокроссах, играли в волейбол — у них была масса возможностей заявить о себе. Из всего этого многообразия Виталий Коновалов выбрал шахматы.

"Он был Капитаном физтеховской шахматной команды, - подчеркивают мои собеседники. — Сразу было заметно: такой никому ничего не уступит. Помните эту песню: "...Горю и невзгодам вопреки мы всегда и всюду были первыми, всюду были первыми, милого УПИ выпускники". Не случайно же ее до сих пор считают гимном нашего вуза"...

Любовь и шахматы

Рассказывает мастер спорта по шахматам, ныне сотрудник Института высокотемпературной электрохимии УрРО РАН Виктор Алексеевич Стрекаловский:

— Мы познакомились с Виталием Коноваловым уже на первом курсе, хотя и учились разным специальностям. Он сам меня нашел. Дело в том, что я приступил к учебе не в сентябре, а в октябре, потому что участвовал в командном первенстве, наша

команда РСФСР заняла тогда первое место, и мне присвоили звание кандидата в мастера спорта СССР. Это, видимо, его заинтересовало, и он подошел ко мне. Познакомились — и сразу нашли общий язык. Он все-таки городской был, а я — из Архангельска. Он ввел меня в шахматную среду Свердловска, познакомил с городом, со спортивными организациями.

С первых дней знакомства мы начали вместе играть, тренироваться. Организовывали вместе работу как на факультете, так и в институте в целом. В разное время возглавляли шахматную секцию УПИ. Выступали на соревнованиях за факультет и институт. Мы практически все время жили шахматами...

Мне нравилась его игра. В шахматах ведь как: есть позиционная игра, и есть композиционная. Ему была присуща и та, и другая, именно за счет этого он добивался успехов. Играл всегда активно. Болел, переживал за каждого, когда командные соревнования были... Еще мы писали заметки в газету "За индустриальные кадры"

Листая подшивки "ЗИКа" (так называли и называют в УПИ это издание), можно восстановить историю "шахматной жизни" двух друзей.

Уже в октябре 1950 года, как сообщает "ЗИК", В. Коновалов добился первых побед. Но в целом, по мнению газеты, в шахматной работе физтех отстает от других факультетов. Чтобы побеждать, нужно не только выигрывать отдельные партии, нужна сильная команда, на создание которой приятели не жалеют ни времени, ни сил.

Заканчивается второй семестр, пока физтех уступает химфаку, но все же уверенно претендует на лидерство в шахматном Кубке института.

Студкор В. Стрекаловский подводит итоги, он пишет достаточно смело и самокритично. Среди прочих недостатков, считает он, "необходимо отметить и низкий спортивный результат наших ведущих шахматистов — Стрекаловского и Коновалова"; "необходимо также отметить и равнодушие спортклуба к этому крупнейшему соревнованию института и вообще к шахматной секции. За время прохождения этого мероприятия никто из представителей спортклуба не удосужился побывать хотя бы на одном турнире! А это было бы полезно. Руководители спортклуба посмотрели бы, сколько людей интересуется и играет у нас в шахматы".

Все-таки шахматы — спорт для элиты, в плане массовости ему трудно конкурировать с лыжами или легкой атлетикой. По тем временам настырность студентов могла не понравиться и руководителям другого толка и ранга. Но нет, ничего такого, к счастью, не было. В своем интервью В.А. Стрекаловский заметил:

"Не помню, чтобы нам говорили: сделай это и это. Инициатива была за нами, мы сами все делали, и ничего плохого не происходило. Именно в шахматной жизни.

Понимаете, это сейчас в шахматах превалирует спортивное начало, выигрывать надо потому, что фактически игра идет на деньги. А раньше играли из любви к шахматам".

И эта любовь помогала им учить игре других, увлекать за собой все больше и больше народу. Выступив с критикой в газете, наши шахматисты сдали сессию и отправились на каникулы. Но буквально в первые дни нового учебного года наши шахматисты, теперь уже второкурсники, вновь напомнили о себе, написав в газету следующую заметку.

"В шахматной секции

В этом году в наш институт пришло хорошее шахматное пополнение. Среди них четыре перворазрядника-шахматиста и более десяти второразрядников. Шахматная секция уже начала свою работу". Далее перечисляются проблемы прошлого года: "слабо велась работа на факультетах с шахматистами младших разрядов, недостаточно вовлекались в ряды секций девушки". Шахматные капитаны сообщают о новых задачах: "С 16 сентября начались турниры шахматистов второго разряда, в зимние каникулы запроектировано провести товарищескую встречу с Ленинградским политехническим институтом. Но самыми главными и самыми ответственными соревнованиями в настоящий момент, несомненно, являются командные межвузовские соревнования.

Наша задача — как можно лучше готовиться к ним, чтобы быть в этом году первыми. А для этого у нас есть все данные: и достаточные силы разрядников, и, что всего важнее в командных соревнованиях, хорошая спаянность коллектива секции".

У второкурсников есть своя команда! Они ходят по общежитиям и устраивают блиц-турниры, играют в городских клубах, проводят встречи с командами других вузов. Жизнь бьет ключом.

У многих выпускников сохранились фотографии тех лет, одну из которых мне показал С.П. Распопин. Он долго жил с семьей в студенческом общежитии, частенько играл в шахматы и был очень уважаемым болельщиком. Так вот, на этом снимке запечатлена "шахматная массовка", сеанс одновременной игры В. Коновалова в красном уголке студенческого корпуса № 8. Видно, что в кадр вошли далеко не все доски и далеко не все игроки и болельщики. Один думает, другой размахивает руками, третий вообще встал и завис над доской... За окнами уже темно, допоздна играли...

Друзья были полны решимости продвигаться вперед. Ничто не могло их остановить. Акция, задуманная ими в честь Спартакиады

народов СССР, просто поражает воображение. Они написали в газете об институтском турнире, в котором должны принять участие 2000 (!) человек в составе 250 (!) команд. И ведь они провели этот турнир!

...Шахматы принесли Виталию Коновалову множество побед. Одна из них особая. Судите сами. Вот что написала в своей анкете его однокурсница: "В связи с малочисленностью на факультете девушек, мне приходилось принимать участие во всех соревнованиях, хотя я никогда раньше спортом не занималась: эстафета "ЗИК", стрельба из винтовки, метание гранаты, шахматы. После первого шахматного матча для развития способностей ко мне прикрепили сокурсника, кандидата в мастера Коновалова Виталия, фамилия которого потом стала и моей"... Виталий Коновалов завоевал Нинель, Нэлку-Нэлочку – редчайший из "редких элементов", хрупкую девушку-мечту (всего курса и не только)! Факт, который будет будоражить физтехов всю оставшуюся жизнь. В 80-е годы, например, появятся на свет физтеховские "Мадригалы" и В.Ф. Коновалову посвятят такие строчки:

Коновалов Витя был хороший мальчик.
Коновалов Витя по-грузински пел:
"Будем мы лауреаты, нани, нани, на".
Покорить большие выси он один сумел.
Молодец! Сдержал он слово.
Но открою вам секрет:
Для него преграды нет —
Рядом Нелла Плыгунова.

Все это будет. Он станет кандидатом в мастера спорта СССР, лауреатом двух Государственных премий, переедет в Москву... А пока... Своим чередом идет студенческая жизнь: сессии, практики, наконец, дипломный проект...

Трудно представить студента Виталия Коновалова пребывающим в грусти. Но также трудно подумать, что он не сидит в компании выпускников физтеха, собравшихся летом 1956 года по случаю окончания института и не поет вместе со всеми факультетский гимн, написанный их однокурсником Васей Кобяковым:

"Мне стало грустно отчего-то...
Здесь тополя стоят в цвету,
Расправил крылья для полета
Родной навеки институт.

Мы здесь, любимая, бродили,
Когда вокруг сады цвели.
Смотреть отсюда мы любили,
Как в затуманенной дали

Огоньки голубые мерцают,
Огоньки, словно звезды сияют,
Огоньки золотые горят
И как будто бы мне говорят:

– Смело в путь! Мы тебя провожаем,
Весел будь! Мы твой путь освещаем,
О, как сердцу милы и близки
Дорогих городов огоньки.

Неповторимые минуты...
Передо мною путь далек.
Прощайте, стены института,
Прощай, родной Втузгородок!.."

Огоньки, огоньки, огоньки...

КТО НЕСЕТ ЯДЕРНЫЙ ФАКЕЛ?

В. Губарев

Диалоги с последним советским министром Средмаша и первым президентом ОАО "ТВЭЛ", а также воспоминания, отступления и комментарии автора и людей, поддерживающих его и несогласных с ним

От автора

Много дней я обращался к тем, кто знал Виталия Федоровича Коновалова: "О чем бы вы хотели спросить его?". Вопросов было много, на большую часть из них отвечает книга, но о некоторых упоминается лишь вскользь. А потому вместо официальной биографии я решил представить интервью, которое случилось у нас в самом начале того длительного и разнообразного разговора, продолжавшегося много дней.

— *Что вам в себе нравится?*

— Я привык отстаивать свою точку зрения и доводить начатое дело до конца.

— *От какой черты характера вам хотелось бы избавиться?*

— Может быть, надо вмешиваться поменьше во все дела. А исправиться уже поздно...

— *Быть больше равнодушным?*

— Я бы так не сказал! Человек не имеет права быть равнодушным.

— *Что больше любите: пиво, вино или водку?*

— Не пиво. Может быть, вино и водку — в зависимости от настроения и компании.

— *Что больше нравилось в отце?*

— Работоспособность.

— *А у матери?*

— Она была заслуженной учительницей России. У нее было особенное отношение к ученикам, к тем тетрадям, которые она приносила домой... Нас было четверо детей у нее, и она заботилась о каждом из нас.

— *Был ли самый счастливый день в жизни? Или их было много?*

— На каждом этапе жизни они случались...

— *А самый неприятный?*

— Тот самый день, когда я неожиданно оказался на улице, без работы...

— *Много ли у вас друзей?*

— Больше товарищей.

— *И как часто вы встречаетесь с ними?*

— Довольно часто. В частности, по работе. Да и многие события, к примеру, юбилеи, отмечаем вместе. Всегда нахожусь в большом кругу людей.

— *Самая большая страсть?*

— Работа.

— *А кроме нее?*

— Рыбалка.

— *Почему она?*

— Это отдых от людей. Рыбалка — труд индивидуальный. Один на один с водой, с рыбой... Отвлекаешься от работы, от повседневности. Мне достаточно недели, чтобы привести себя в порядок.

— *Вы женились по любви или расчету?*

— По любви.

— *Что больше всего цените в женщинах?*

— Отношение в семье, к дочери, отцу. Я это очень ценю, потому что в женщинах это не всегда ценится.

— *А в мужчинах?*

— Нормальный характер, не мелочный.

— *Бывали ли в казино?*

— Один раз в Венгрии.

— *Выиграли или проиграли?*

— Я просто смотрел.

— *Не хотелось играть?*

— Нет.

— *По сути вы не игрок?*

— В шахматы — игрок. Однажды мне пришлось сделать выбор между работой и шахматами. Глупый поступок — но тем не менее я сжег всю свою богатейшую шахматную литературу. Вместе с шахматами.

— *У вас не было выбора?*

– Это был порыв. Я работал на предприятии мастером, ездил на первенство Казахстана по шахматам. Директор завода был против. Он и поставил ребром вопрос: работа или шахматы?

– *Самое приятное место для вас в России?*

– Из тех, где я был – Кольский полуостров.

– *А в бывшем СССР?*

– Пожалуй, Алтай.

– *А за рубежом?*

– Я куда-нибудь приезжаю на два дня, и все! Нигде на курортах там я не отдыхал...

– *Не тянет?*

– У меня здесь есть излюбленные места. Мне их хватает.

– *Какую самую большую рыбу вы поймали?*

– На восемнадцать килограммов сазан.

– *Где?*

– В Усть-Каменогорске. На Зайсане.

– *Рыба хорошо клюет... Вы можете остановиться и уйти?*

– Маловероятно.

– *У вас один внук?*

– Один.

– *Кем бы вы хотели его видеть?*

– Он уже выбрал себе специальность юриста. Учится в институте.

– *Чем гордитесь из сделанного?*

– Что значит "гордитесь"? Я считаю, что на тех заводах, где работал, оставил свой след. Те цеха и предприятия, которые создавались, работали и работают до сегодняшнего дня успешно.

– *Когда получали новую высокую должность, перестраивали ли вы кабинет "под себя"?*

– Нет. Я работал в тех кабинетах, где и мои предшественники.

И в основном работал с теми же людьми.

– *Сны вам снятся?*

– Очень редко.

– *Какие именно?*

– О том, что думал перед сном.

– *Хотели бы снова стать министром?*

– Сейчас, пожалуй, нет.

– *Правда, что власть не только искушает, но и развращает?*

– Все зависит от человека. Если он равнодушный, то он должен решить какую-то проблему. А это можно сделать только с людьми, и нужно в полной мере использовать их потенциал. Для этого и дается власть. А все остальное – наносное...

- *Верите ли вы, что правда всегда побеждает.*
- Нет.
- *Что вы любите на завтрак?*
- Чашка чая и бутерброд.
- *А как вам нравится проводить свободный вечер?*
- Их мало у меня бывает. На своем участке люблю работать...
- *А что выращиваете?*
- Все понемножку. Огурцы и помидоры растут у меня ста-
бильно.
- *Умеете ли сдерживать свой гнев?*
- Да.
- *А скрывать радость?*
- Переживаю в себе.
- *Вы верите в судьбу?*
- По натуре я – оптимист...

Встреча первая:

Одна фраза Президента и осколки великой империи, именуемой Средмаш, разлетаются по республикам. О прошлом не стоит сожалеть, но знать его необходимо, хотя бы для того, чтобы не делать подобных ошибок в будущем. Впрочем, нам это не грозит...

Из хроники августа 1991 года историки особо выделяют несколько событий:

"19-21 августа – ГКЧП..."

20-21 августа – Лидер грузинских националистов З. Гамсахурдия заявил, испугавшись, о своей готовности к сотрудничеству с ГКЧП...

- В "Обращении к гражданам России" Ельцин заявил о том, что в ночь с 18 на 19 августа отстранен от власти президент страны. "Мы считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром". "Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет"...**
- Опубликован Закон СССР "Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий"...**
- Президиум Верховного Совета Украины провозгласил независимость республики...**
- Покончили жизнь самоубийством маршал С. Ахромеев, управляющий делами ЦК КПСС Кручина и министр внутренних дел СССР Пуго...**
- Президент Горбачев упразднил военно-политические органы в армии и на флоте, в МВД, КГБ и железнодорожных войсках...**
- Президент Казахстана Н. Назарбаев издал указ о закрытии Семипалатинского ядерного полигона...**

Естественно, историки подробно исследуют роль и поведение каждого политического и государственного деятеля в связи с ГКЧП. Подробно описаны действия всех "силовых министров", но ни единого слова не сказано о министре Виталии Федоровиче Коновалове. Почему?

Наш разговор с ним и начался с воспоминаний об августе 1991 года.

– Где вы были тогда? Что делали? Меня интересует именно 19 августа, думаю, что этот день запомнил каждый, кто пережил его?

— Это был первый день отпуска. Я был на даче. Телевизор я не включал, радио тоже: если уж отпуск, то для меня это отдых от всего привычного, что окружает тебя весь год. Стараюсь отключиться полностью. Вдруг мне звонит заместитель министра Верховых и говорит, что только что по телевидению передали о смене власти, — в общем происходит то, что позже назвали "путчем". Я пытаюсь что-то выяснить у него, но ему известно только то, что говорят по телевидению, то есть ничего... Я беру свою машину, сажусь за руль и быстро еду в Москву. Выезжаю на Кольцевую дорогу и вижу — идут танки.

— *Каждый из нас по-своему переживал это... В тот день я ехал с дачи на работу. В начале Кутузовского я увидел танки... Когда они идут в город, это действует на психику очень сильно — слишком уж непривычное и страшное зрелище... Но тут я увидел колонну окопкопателей. Это громоздкие, нелепые машины, чем-то напоминающие детские игрушки... И сразу я развеселился. Приехал на работу, началось заседание редколлегии "Правды", начали обсуждать распоряжения ГКЧП... А я не могу сдержать смех... Меня заставили объясниться. Я и сказал, что к танкам отношусь серьезно, но когда меня стараются запугать окопкопателями, то это вызывает лишь смех... По-моему, меня в тот день приняли за сумасшедшего, потому что сразу же отстранили от ведения номера... Но неужели вы ничего не знали и о ни о чем не догадывались?!*

— Абсолютно!.. Я распорядился срочно собрать Коллегию министерства... Я не имел права что-то решать самостоятельно, слишком много людей стоит за креслом министра, да и определиться верно в той ситуации можно было лишь коллективно... Не очень ясно было все, что происходило... Ни о Ельцине, ни о ком другом речи не шло, а ведомство у нас серьезное, ошибок нельзя было допускать... Думаю, каждому понятно, что в Средмаше прежде всего занимались делом, но не политикой...

— *Может быть, имеет смысл добавить слово "к сожалению"?*

— Нет, я по-прежнему убежден, что поступал верно! Такое министерство, как наше, несет особую ответственность перед народом, страной, обществом, а потому допускать "вольности" не имеет права... Так я считал всегда, и сегодня, по прошествии десятка весьма нелегких лет, своей точки зрения не меняю... Вот почему я считал, что надо посоветоваться с товарищами по работе и коллективно выработать "линию поведения", чтобы не допустить срывов на наших предприятиях и объектах... Соратники поняли меня сразу, а потому уже на следующий день — а ведь было время отпусков! — почти все члены коллегии были в Москве.

– "Почти"?

– Не было только Михайлова...

– Не смог?

– Не захотел. Он был в Австрии. Хотя командировка у него уже закончилась, он продлил ее. В те дни безопасней было за границей...

– Он просто предвидел, что будущим министром станет тот человек, который в эти дни не будет принимать решений, которые не понравятся команде Ельцина и ему самому?

– Мы работали над каждым словом текста решения Коллегии (понимали последствия для всех). Большой вклад внесли самые уважаемые и мудрые – это А.Г. Мешков и А.Н. Усанов. В тот день мы приняли, на мой взгляд, историческое решение. Вопреки распоряжениям Ельцина мы запретили устраивать на рабочих местах и предприятиях митинги. Причем Коллегия так и записала: "Никаких митингов на атомных объектах не проводить! Под личную ответственность руководителей предприятий!"

– Насколько я помню, команда Ельцина как раз призывала к митингам, неподчинению начальству и прочей "бузе"...

– Мы не возражали против митингов, но после работы и за пределами предприятий... Это решение Коллегии очень помогло нашим руководителям: когда им предъявляли претензии, что они запрещают трудящимся демонстрировать свою волю (тогда все говорили о демократии), они ссылались на решение коллегии министерства.

Заметки на полях. Судьба этого решения.

Спустя десять лет текст решения Коллегии найти удалось не сразу: оказывается, ни в архивах Министерства, ни на предприятиях его не сохранилось. Тут остается только гадать: официально никто (по крайней мере, мне) не признался, что было указание его уничтожить. Очевидно, просто руководители предприятий и главков Министерства "перестраховались": зачем хранить "странный", мягко говоря, документ, который свидетельствует, что пришествие "эпохи Ельцина" приветствовали далеко не все, как это нас пытались убеждать многие годы... Да и люди, пришедшие вместе с ним к власти, быстро и решительно, особо не церемонясь, расправлялись с теми, кто был не с ними. Примеров тому множество, в том числе и многие люди – выходцы из Минсредмаша и его работники – убедились в этом на собственной судьбе.

Но вернемся к решению Коллегии. В конце концов, одна из копий попала на мой письменный стол. Фрагменты этого документа, на мой взгляд, заслуживают того, чтобы стать известными общественности. Итак:

"РУКОВОДИТЕЛЯМ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ МИНИСТЕРСТВА АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ И ПРОМЫШ- ЛЕННОСТИ СССР.

В сложившихся в стране условиях Коллегия Министерства просит принять чрезвычайные меры по обеспечению деятельности наших предприятий и жизни трудящихся отрасли и их семей.

Для этого:

1. Обеспечить стабильную работу предприятий и организаций отрасли, провести в трудовых коллективах работу, направленную на разъяснение сложившейся ситуации, во избежание негативных явлений, нарушающих нормальный рабочий ритм, принять все необходимые меры.
2. Установить особый режим управления предприятиями и организациями, предусмотрев круглосуточное дежурство сотрудников из числа руководящего состава, а руководителям находиться на месте с начала рабочего дня и до 20.00 местного времени.
3. Осуществить дополнительные мероприятия по усилению трудовой дисциплины и организованности на производстве, пропускного и внутриобъектового режима, экологической и пожарной безопасности на предприятиях и в организациях.
4. Обеспечить надежную сохранность специзделий, секретных документов, взрывчатых и сильнодействующих ядовитых веществ, огнестрельного оружия и боеприпасов, особенно при транспортировке.
5. Усилить охрану предприятий, радиостанций, телетайпов, электронно-вычислительной и множительной техники. Исключить возможность использования их в ущерб общественным и государственным интересам. Контроль за использованием указанных средств возложить на руководство режимно-секретной службы предприятия (организации).
6. Специально назначенным комиссиям из числа ответственных лиц проверить исправность охранной сигнализации и средств пожаротушения...
7. Учитывая сложности этого года и в целях создания нормальных условий работы, принять действенные меры по своевременной подготовке к осенне-зимнему периоду...
8. С целью оперативного руководства предприятиями и организациями отрасли и своевременного принятия решения в Министерстве создан штаб под руководством Министра... Ежедневно информировать руководство Министерства (Главки, Концерны) о ходе работы на предприятиях и в организациях, об обстановке в трудовых коллективах, а также о всех вопросах, заслуживающих внимания и требующих решения Министерства...
9. Коллегия обращает внимание: ... в случае неприятия должных

мер по обеспечению устойчивой работы трудовых коллективов (нормального функционирования производства, бесперебойной работы транспорта, предприятий общественного питания, детских дошкольных учреждений, жилищно-коммунального хозяйства и других объектов социальной сферы), а также предупреждению и устранению причин, нарушающих нормальный ритм работы и жизни трудящихся, руководители предприятий и организаций будут привлечены к персональной ответственности.

10. Коллегия рекомендует обеспечить тесное взаимодействие с общественными организациями, которые своей деятельностью способствуют стабилизации общественной жизни и развитию сферы материального производства и услуг.

Председатель Коллегии
Министр СССР
19.08.91

В.Ф. Коновалов"

Руководство России рассылает телеграммы в различные уголки страны, настаивая на митингах и забастовках, призывая к неповиновению власти, а Коллегия Министерства от своих работников требует дисциплины и порядка. Ельцин практически призывает народ к восстанию и революции, а Коллегия напоминает об ответственности руководителей за свои действия и о приближающейся зиме.

Я спросил Виталия Федоровича Коновалова:

— Неужели накануне этих событий вы ничего не знали?!

— Абсолютно ничего!

— А министром уже были почти два года?

— Да, я был назначен в сентябре 1989-го...

— И не участвовали в "закулисной борьбе"?

— Происходящее наблюдали по телевидению, как и большинство.

— Все-таки странные события происходят иногда в нашей стране! Ваше министерство — особое, играет решающую роль в стране, в ее обороне, и вам, министру, ничего не известно!? Фантастика!

— Все чувствовали, что происходит что-то неладное, ненормальное... После объявления о власти ГКЧП нас, министров, собрали у Павлова, он тогда премьером был. Сразу бросилось в глаза, что он "под мухой"... Какой-то представитель от Горбачева пытался разъяснить позицию руководства страны, но было трудно что-либо понять... Павлов его прервал, что-то начал сам вещать... Речь у него бессвязная... Мы разъехались...

— И так члены ГКЧП хотели руководить страной?

– Они хотели предотвратить развал страны...

– *Но ведь все рассыпалось?*

– К нам это не относится! Никакой растерянности, непонимания на наших предприятиях не было. Руководители их, директора, приучены у нас выполнять распоряжения Коллегии Министерства, а потому полный порядок в отрасли сохранялся. В те смутные времена это было чрезвычайно важно.

– *Но новая власть не могла оставить Минатом в прежнем виде, не так ли?*

– Это очень сложное ведомство... Потом началась длительная борьба вокруг Минатома. В ней принимало участие множество людей, и я убежден, многие из них участвовали в этой борьбе не бескорыстно. Пришло время, когда появилась когорта "царедворцев", начались интриги в Кремле, новые властители начали ценить угодничество и кампанейщину...

– *А разве раньше этого не было?*

– Все выросли в советское время, расцвет самых гнусных пороков пришелся на начало 90-х годов.

– *И главный из них?*

– Пожалуй, стремление казаться лучше, чем есть на самом деле.

– *Это коснулось Министерства?*

– Его в первую очередь...

– *Требуется пояснение...*

– У нас особое ведомство. Я не устаю это повторять, потому что у нас есть и военные дела, и атомная энергетика. Причем есть крупные принципиальные достижения и одновременно Чернобыльская трагедия... Но у нас министр не назначался. Нужен был указ Президента, но его не было, так как Ельцин, мне кажется, опасался ошибиться. Шесть месяцев длилась весьма странная ситуация: я не был освобожден от должности министра, ходил на работу, принимал все необходимые решения, наконец, получал зарплату министра, а исполнял обязанности министра заместитель министра – Никипелов.

– *Не могли придумать, как преобразовать Средмаш?*

– Мнения были самые различные, то есть оставить Министерство или преобразовать его в Госкомитет, или создать нечто похожее на акционерное общество, хотя в то время их еще официально не существовало... Хотелось реформаторам чего-то "новенького", но ничего не получалось...

– *Естественно, кто же посмеет так легко обращаться с ядерным оружием?!*

– Нет, не это определяло суть сомнений. Весьма "облегченное" отношение к этому оружию у нового руководства явно

наблюдалось... Тут играла роль та особенность, что суть наших технологий сразу говорила, кому что принадлежит. То есть государство не имеет права отдавать нас в частную собственность, потому что часть нашей промышленности работает на энергетику, но большая часть — на оборону. В общем, казалось бы, дело ясное — надо сохранять Министерство, но во времена Гайдара руководители страны старались избавиться от всего "советского", а мы оставались яркими представителями его. Это было напоминание о прошлом, и оно мозолило глаза реформаторам. Кстати, они и до сегодняшнего дня не могут успокоиться: хочется им "увести" у государства хотя бы "кусочек атомного пирога" (я использую термины, которые время от времени появляются в печати). Но нельзя откусить часть пирога, не нарушив его целостность.

— *Гайдар это понял?*

— Он вынужден был создать комиссию, которая определила бы судьбу нашего ведомства... Я не слишком подробно рассказываю о тех временах?

— *Очень мало людей знает, что происходило вокруг Минатома, а потому свидетельства непосредственного участника событий, как мне кажется, не только интересны, но и важны для истории Минатома! Так что продолжайте, пожалуйста...*

— Большинство специалистов, не только из нашего ведомства, поддержали мою точку зрения. Кстати, это была не только моя точка зрения: она разделялась и формулировалась Мешковым, Усановым, Никипеловым, Сидоренко, Верховых, Тычковым, Решетниковым — выдающимися людьми нашей отрасли, глубоко понимающими происходящие изменения. Да и другие члены коллегии соглашались с нашими предложениями. А заключались они в том, что создавался Государственный комитет по атомной энергии (или Министерство, как кому нравится) и в его подчинении Государственный промышленный холдинг "Средмаш", в который вошли бы все промышленные предприятия отрасли на всей территории бывшего СССР, включая атомные станции, оборонные заводы и прикладную науку. Это позволило бы нам сохранить отрасль как единое целое, централизовать часть прибыли, расходовать ее в нужном направлении, включая оборонную тематику. Этого не могло сделать ни Министерство, ни любое отдельное предприятие, что и было подтверждено последующими событиями. Этого не могли или не хотели понять наши оппоненты... Я считал, что если республики СССР начнут разбегаться по своим квартирам, то мы полностью лишимся урана, потому что основная его добыча шла в двух республиках — в Узбекистане и Казахстане. В России немного добывалось в Краснокаменске, на Украине — в Желтых Водах. Да и перспектив

у России не было, потому что никакой разведки на уран в последние годы не проводилось... Я считал, что структуру надо было сохранить, тем более, что экономические проблемы полностью передавались в систему ведомств и министерств. В общем, мы хотели собрать в общий промышленный холдинг предприятия, связанные с добычей и переработкой урана: Узбекистан, Казахстан, Украину, Киргизию и, конечно же, Россию. С такими предложениями Верховых и объехал президентов этих республик, все они согласились с таким предложением, все подписали соответствующие документы...

Здесь мы прервемся, чтобы посмотреть на происходящее другими глазами. Иная точка зрения принадлежит В.Н. Михайлову. Он смотрит на события того времени не так, как В.Ф. Коновалов. Возможно, кто-то из них обидится, что я обоим предоставляю слово, но иначе поступить не могу, потому что, как известно, в споре рождается истина. Да и не писателю быть кому-либо судьей, наша задача гораздо скромнее: представлять людей и их восприятие окружающего мира, ну а выводы пусть делает читатель. Драматургия же событий при столкновении героев развивается в этом случае захватывающе, интереснее...

Хочу сразу отметить: у меня самые дружеские отношения как с Виталием Федоровичем, так и с Виктором Никитовичем. Уважение к обоим всегда было и остается до этой минуты. Я считаю, что оба сыграли важнейшую роль в том, что Минатом России прошел через лихолетье 90-х с минимальными потерями, хотя у ведомства были все основания кануть в Лету. И в битве за будущее Минатома роль Коновалова и Михайлова велика.

Сначала заместителем был Михайлов у Коновалова, потом — Коновалов у Михайлова. Естественно, это сказывалось на их личных отношениях. Но у нас есть право подняться над событиями, и посмотреть на происходящее из будущего, и этим я сейчас пользуюсь...

Естественно, что Коновалов и Михайлов по-своему оценивают прошлое и события тех памятных для обоих дней. А так как они сыграли ключевую роль в истории Минатома, то мы должны видеть все грани.

Слово В.Н. Михайлову:

"В отрасли, как и во всей стране, наступили смутные времена, когда решались в основном политические проблемы. Члены Коллегии и руководители главков союзного министерства формально продолжали исполнять старые обязанности, а общее руководство осуществлял бывший первый заместитель министра Б. Никипелов. Заняв кабинет неподалеку от министерского, исправно

приходил на работу и В.Ф. Коновалов. В этот сложный период ощущалась растерянность, многие стремились уйти в тень, чувствуя страх за свое будущее.

Некоторые отставные чиновники, наоборот, стремясь продемонстрировать особую приверженность провозглашенным рыночным отношениям и политическим переменам, были готовы разрушить достижение страны – ее единый ядерный научно-производственный комплекс... В министерстве была образована группа, разработавшая предложения по созданию на базе единого министерства двух структур – Атомной корпорации и Государственного комитета по ядерному оружию. Такое предложение полностью отвечало чаяниям "доброжелателей" и "пятой колонны" внутри России, ибо наносило нокаутирующий удар по нашему ядерному оборонному комплексу, лишая его финансовой и других видов отраслевой поддержки. В средствах массовой информации появились публикации о том, что вслед за распадом СССР последует "цепная реакция деления его ядерного потенциала".

В декабре 1991 г. и в январе 1992 г. прошла целая серия заседаний Коллегии Министерства, на которых обсуждались эти предложения, не встречая существенных возражений. И вдруг на одной из них с альтернативными предложениями о создании ядерного федерального министерства выступили заместитель министра атомной энергетики и промышленности профессор В.Н. Михайлов, начальник Главного управления по проблемам ЯТЦ Е.И. Микерин и директор Института атомной энергии им. И.В. Курчатова академик Е.П. Велихов. Принятие такого предложения, естественно, исключало из числа возможных кандидатов прежнего министра.

Возникла конфликтная ситуация, переросшая в открытую борьбу... Понимая, что решение Коллегии важно, но далеко не достаточно, конфликтующими группами были предприняты колоссальные усилия по ознакомлению нового руководства страны со своим видением атомного будущего страны...

Осознав нависшую над ядерным комплексом угрозу, в защиту сохранения отраслевого федерального министерства выступили авторитетнейшие ученые – Ю.Б. Харитон, Е. Негин, С. Кочарянц, Б. Литвинов, Н.Н. Пономарев-Степной и другие. Ю.Б. Харитон имел встречу по этому вопросу с президентом России Б.Н. Ельциным, остальные – с влиятельными лицами в Верховном Совете и Правительстве России..."

А теперь продолжение беседы с Виталием Федоровичем Коноваловым. Он остановился на том, что согласие у президентов республик, которые поддержали идею создания единого Атомного холдинга,

получено. Интересно, прислушивается ли к их мнению Борис Николаевич Ельцин? Тогда его поведение и характер еще трудно было прогнозировать, так как он до конца не понимал, сколь велика у него власть...

Итак, Коновалов продолжает:

— С глубоко продуманными и убедительными материалами мы подошли к совещанию у Президента России. Еще раз хочу подчеркнуть, что в состав Государственного комитета по атомной энергии входил и Государственный промышленный холдинг "Средмаш". Структура холдинга была тщательно проработана, в его состав входили отдельные самостоятельные хозяйственные объединения технологически связанных предприятий, как сегодняшние "Росэнергоатом", ОАО "ТВЭЛ" и другие.

— *Это было специальное совещание, посвященное судьбе нашей атомной промышленности?*

— Да. Дело не только в том, что очередь подошла с нами разбираться, но Ельцин собирался в США со своим первым официальным визитом и ему хотелось заявить там о чем-то необычном, эффектном. Единственное, чем он мог удивить американцев, это ядерное разоружение. Но что именно нового он мог сказать? Вот и решили тогда провести совещание у Президента, чтобы найти "сюрприз для американцев".

— *А может быть, вам только так кажется?*

— Хотелось бы так думать, мол, Президент начал беспокоиться об отрасли... Однако события свидетельствовали о другом.

— *Что вы имеете в виду?*

— Были составлены списки участников этого совещания. Были директора предприятий, руководители закрытых "объектов", крупнейшие специалисты. Совещание было назначено на 10 часов утра 21 января 1992 года. Я приезжаю чуть раньше, и вдруг выясняется, что состав участников полностью поменялся! Наши директора приехали со всей страны, явились к Кремлю, а пропусков на них нет, никого не допускают... Я пришел в Кремль, спрашиваю: что случилось? Мне отвечают, что это распоряжение Президента, который утвердил новый список. Я смотрю, а там только те ученые, которые занимаются ядерным оружием из Сарова и Снежинска, то есть список составлен весьма тенденциозно, в нем нет представителей атомной промышленности. Я зашел к Ельцину и сказал ему, что прошу пустить на совещание всех наших директоров, которые были раньше приглашены, чтобы обсуждение было объективным и важным не только для оружейного комплекса, но и отрасли в целом. И добавил, что, на мой взгляд, в зале должны присутствовать и все заместители министра.

– Их тоже вычеркнули?

– Конечно, так как Ельцина интересовало только оружие... Он был недоволен тем, что я настоял на своем, но он вынужден был согласиться и через пять минут всех приглашенных пустили в зал... Совещание продолжалось целый день с непродолжительным перерывом на обед. Предполагалось при подготовке этого совещания, что основной доклад сделаю я, но слова мне не предоставили. Сначала выступил Михайлов, который рассказал о состоянии оружия, о тех проблемах, которые остро стоят перед оружейным комплексом. Он выступил неплохо, со знанием дела. Однако дальнейшее обсуждение пошло совсем иначе, чем предполагалось... Ельцину от встречи с нами нужно было совсем иное – его в этот конкретный момент мало интересовала судьба атомного комплекса. Он потребовал: "Скажите, я еду в Америку, что мы можем предложить там?" Нам было понятно, что ему надо нечто необычное, такое, чтобы о его предложениях заговорили во всем мире...

– Заговорили, а потом долго-долго разбирались бы, что он сказал и что именно имел в виду?

– Конечно... Академик Велихов сказал, мол, давайте предложим оставить по сто зарядов с каждой стороны!

– Я не ослышался: "по сто"! Или вы ошиблись?!

– По сто! Я цитирую дословно!.. Я сидел справа от Президента. Он поворачивается ко мне, спрашивает: "Ну что?" Я отвечаю: "Борис Николаевич, во-первых, здесь нет военных, а потому обсуждать эту проблему без них нельзя, и во-вторых, насколько я знаю, американцы не согласятся, потому что места дислокации, рода войск и система носителей, – это комплексная система, и она складывалась много лет, разрубить ее одним махом невозможно. Поэтому я не могу одобрительно относиться к такого рода экспромтам!" Ельцин посмотрел на меня неодобрительно, но промолчал. В процессе обсуждения этого вопроса назывались и более реальные цифры, но это уже не имело значения. Потом выступает академик Аврорин. Совещание уже продолжается более часа, а нас предупреждали, что если что-то хотите "вложить в голову Президента", то укладывайтесь в первые двадцать минут...

– Почему?

– А потом он уже не воспринимал ничего адекватно... Итак, выступает Аврорин. Говорит: "Борис Николаевич, скажите, что мы не будем направлять наши ракеты на США. Может быть, и они ответят нам тем же!" Ельцин оживляется, ему предложение нравится. Смотрит на меня. Я спрашиваю: "А на кого будем их направлять? Мы должны сказать, что снимаем их с боевого дежурства или перенацеливаем на Украину или Китай. Но так

как существует паритет по зарядам, то американцы должны сделать то же самое, то есть перенацеливать свои ракеты, например, на Мексику и Англию. Все это нереально..." Я вновь заметил его весьма странный взгляд. Теперь-то я понимаю, что это было "высшее неодобрение", но, честно говоря, меня это особенно не волновало, так как я чувствовал, что ситуация "уходит в песок": вместо обсуждения реального положения дел в атомной промышленности и вокруг нее, мы занимаемся какими-то непонятными и примитивными политическими играми. Однако Президента интересовало только это, но я еще не до конца понимал происходящего, надеясь вернуть ход совещания в нужное русло... Наш президент при встрече с президентом США все же внес эти предложения, а мы только позже узнали ответ госсекретаря США: предложения технически реализовать невозможно... Но вернемся к совещанию. Выступает Никипелов, который предлагает тот плутоний, что вывобождается из ядерного оружия, направить в атомную энергетику. Ельцин восклицает: "О, перекуем мечи на орала!"... Я все-таки не удержался: "Борис Николаевич, давайте к таким проблемам подходить осторожно – проведем опытные работы, исследования, посоветуемся с наукой. Период полураспада плутония 24 тысячи лет. Если бы реактор в Чернобыле был на таком топливе, то пару сотен тысяч лет нам пришлось бы ждать, чтобы начать там ликвидацию аварии... Там вышли несколько килограммы плутония, а мы до сих пор решить проблему не можем... Не будем торопиться!"...

– *А основной доклад-то дали сделать?*

– Тут-то Ельцин и предоставил мне слово: "Пять-семь минут"... Я говорю, что мне мало времени, так как речь идет о реконструкции, модернизации отрасли, о новых подходах в сотрудничестве с республиками СНГ... Ельцин вдруг встает, подходит к плакатам, которые были развешаны, и говорит: "Ничего совместного у нас с ними не будет! Останется только одно здание и две уборщицы, которые будут убирать бумаги после наших с ними заседаний!"... Тогда было сильное противостояние с Украиной, и это, видимо, определяло отношение Ельцина с соратниками, с которыми он делил Советский Союз.

– *Этой одной фразой все прошлое и будущее атомной отрасли было перечеркнуто?*

– Так сказать нельзя, но были созданы большие трудности, которые преодолеваются и сегодня, особенно в ядерно-топливном цикле...

А теперь посмотрим на то же совещание глазами В.Н. Михайлова:

"Накануне совещания была проведена завершающая Коллегия с докладом В.Ф. Коновалова. От участия в ней со ссылкой на

дела в правительстве уклонился сверхосторожный и.о. министра Б. Никипелов. Поэтому председательствовал заместитель министра В.А. Сидоренко. На Коллегии вновь рассматривалось предложение о создании Атомной корпорации и Государственного комитета по ядерному оружию и предложение В.Н. Михайлова, Е.П. Велихова и Е.И. Микерина о сохранении федерального отраслевого министерства. Подавляющим большинством (15 : 3) было принято предложение В.Ф. Коновалова.

Казалось, что оно может быть одобрено и президентом. Однако вечером того же дня К. Куранов пригласил Е.И. Микерина к 23 часам в Кремль к Г. Бурбулису. На этой короткой встрече Г. Бурбулис сообщил, что Ельцин считает необходимым сохранение федерального министерства, а министром предлагает назначить В.Н. Михайлова. Но радоваться было рано, ибо наше беспокойство за судьбу отрасли оставалось. Еще предстояло совещание в Кремле с основным докладом В.Ф. Коновалова. Волнения же оказались излишними.

Президент России изменил порядок проведения совещания. Первое слово он предоставил В.Н. Михайлову, благодаря чему я получил возможность всесторонне обосновать необходимость сохранения в правительстве России федерального министерства. Затем состоялось трехчасовое обсуждение проблем, стоящих перед атомной отраслью. Выступали в основном ученые и руководители промышленности. Лишь в конце совещания президент Б.Н. Ельцин предоставил слово В.Ф. Коновалову, который по броско нарисованному плакату начал, сильно нервничая, обосновывать целесообразность ликвидации единого министерства. Прервав В.Ф. Коновалова, Борис Николаевич со словами "У нас будет атомное министерство" подошел к плакату и толстым красным карандашом перечеркнул это "произведение искусства".

Сейчас я уверен, что решение Б.Н. Ельцина было хорошо продумано..."

Заочный спор продолжается. Слово В.Ф. Коновалову:

— В.Н. Михайлов, на мой взгляд, преувеличивает свою роль. На самом деле Россия одним росчерком пера Ельцина потеряла все сырьевые источники и атомную энергетику Украины. А ведь подписал Кравчук бумагу, по которой АЭС Украины входили в состав нашего холдинга. И это было бы разумно по многим причинам... Так, наши предприятия были предоставлены сами себе без единой технологической и экономической связи, без единого хозяйственного механизма, и только через несколько лет мы пришли к образованию "ТВЭЛ" и остановили разрушение промышленных

предприятий отрасли, да и прикладной науки. Решение, принятое Ельциным, безусловно, было подготовлено заранее. Интересна технология этого: Куранов идет к Бурбулису, у которого и принимается решение о судьбе отрасли. Не были даже заслушаны профессионально подготовленные и знающие отрасль люди – нужно ли еще что-либо объяснять по этому поводу? Думаю, что нет...

– *А позже к той идее не возвращались?*

– Через несколько лет на одной из своих последних коллегий Михайлов сказал, что необходимо вернуться к той схеме, которую в свое время предлагала бывшая часть членов коллегии. Но время уже было другим, каждая республика шла своим путем и, к сожалению, в разные стороны.

– *Мне кажется, что одна из величайших ошибок, свершенных в то время, это "расчленение" Чернобыля: из общей беды он по сути дела превратился в беду трех народов. Это разделение не только искусственное, но и трагическое по сути, потому что дальнейшие события вокруг Чернобыля у меня, по крайней мере, вызывают лишь грусть и печаль, так как отчетливо видны попытки "заработать на Чернобыле". Это видно и по тому, как постоянно выклянчиваются на Западе деньги, которые там не дают, и как в зону беды нынче организуются туристические поездки, цена каждой из которых 150 долларов...*

– "Разделение" должно было идти грамотно, с пониманием того, что в нашу отрасль, в частности, несколько поколений советских людей вложили свой труд и талант, и их наследие общее... И достижения, и беды... Глубоко убежден сохранить урановое производство в Узбекистане и Казахстане мы были просто обязаны так же, как совместную эксплуатацию атомной энергетики России и Украины. Естественно, и все, что связано с Чернобылем. Ведь хорошо известно, что поодиночке бороться с бедой гораздо сложнее, чем всем миром.

– *В свое время Ельцин был секретарем обкома, где сконцентрирована мощная атомная промышленность, а потому он обязан был понимать, что делить ее нельзя – слишком велики будут потери для России?*

– На том совещании четко прослеживалось, что он хочет выделиться из СССР, отделиться от союзных республик, мол, мое "хозяйство" – это мое, а все остальное – ваше... Он заявил, что никаких совместных предприятий с тем же Казахстаном у нас не будет...

– *Он не мог простить самому себе, что не позвал в Беловежскую пущу Назарбаева?*

– Нет, он понимал, что Н. Назарбаев не поддерживает его... А личные отношения он проецировал на государственные. Это был его стиль работы и жизни.

Только факты: 28 января 1992 года Б.Н. Ельцин подписал Указ № 61 о Министерстве Российской Федерации по атомной энергии (Минатоме России). Ему теперь принадлежало 80 процентов предприятий, которые были в союзном ведомстве. В Минатоме работало около одного миллиона человек: почти половина в промышленности, в науке — 17 процентов, в строительстве — около 20 процентов. Действовало 9 атомных станций, на которых было 28 энергоблоков. Остальные АЭС остались на Украине, в Армении и Литве.

— Я понимаю, что то совещание в Кремле закончилось вашим полным поражением. Что последовало дальше?

— Через несколько дней Ельцин поехал в Саров. Естественно, принимал его там Михайлов... Ельцин посмотрел "изделия", встретился с руководством Федерального ядерного центра. И там же был подписан Указ о назначении министром Виктора Никитовича Михайлова.

— А почему вас с собой не взяли в Саров?

— Наверное, уже все было предрешиено, а потому зачем создавать всем неудобства...

— Что вы имеете в виду?

— Если бы я был в свите Президента, то ему, наверное, в какой-то форме пришлось объяснять, почему он выбрал Михайлова, а не меня... Ельцин же не любил, а я думаю, у него просто не хватало мужества объяснять людям, почему он с ними расстается. Как известно, он снимал с работы даже своих близких соратников и недавних друзей тихо, тайком, никогда не приглашал их к себе, чтобы просто поблагодарить за работу.

— Простите, но это психология подростки...

— Мне такое непонятно, но что было — то было: министром стал Михайлов.

— Мне рассказывали, что в Сарове Ельцин спросил у "издельщиков", кого именно они видят в министрах. Те назвали две фамилии — Рябева и Михайлова. Для Ельцина такое предложение было неожиданным, так как к Рябеву он, конечно же, не мог относиться хорошо: Лев Дмитриевич был заместителем председателя Совета Министров СССР и, конечно же, не поддерживал те изменения, которые произошли в стране... Поэтому Ельцин бросил: "Нет, Рябева нельзя! А почему не Коновалова?" И тогда "издельщики" сказали, что вы ни разу не приезжали в Саров, а потому они на вас обижены. И тогда Ельцин сказал: "Пусть будет Михайлов!", и подписал Указ о его назначении... Правда, что вы никогда не были в Арзамасе-16?

— Правда.

— Я понимаю арзамасцев: они привыкли быть в центре внимания, а министр Коновалов их игнорирует. Это, безусловно, крупная ваша ошибка!

— Что же, грешен... Но вспомним, что при преобразовании Минсредмаша в Минатомэнергопром в его состав были включены все работающие и строящиеся АЭС в СССР, включая и Чернобыль. Это было новое для нашего министерства, да и очень ответственное дело. Я вынужден был после назначения министром заниматься в первую очередь этими проблемами, чтобы снизить и в какой-то степени успокоить людей, что атомной трагедии не повторится. Для этого нужно было принять ряд принципиальных решений по безопасности атомной энергетики. Потом неожиданно произошла крупная авария в Усть-Каменогорске на нашем заводе по производству бериллия. Но тем не менее поездки по "закрытым городам" планировались... Оружейным комплексом занимался мой заместитель Михайлов, он его хорошо знал, и я на него надеялся. К поездке в Федеральный ядерный центр надо было тщательно подготовиться, а просто являться туда "свадебным генералом" не хотелось... Так что в Саров я просто не успел приехать будучи министром, хотя, конечно же, такая поездка планировалась. У нас традиция в Министерстве, появившаяся при Ефиме Павловиче Славском, высшие руководители должны обязательно бывать на всех предприятиях и объектах отрасли.

— У вас последняя поездка в качестве советского министра была по предприятиям Средней Азии. Я до сих пор жалею, что не смог тогда принять ваше предложение и поехать вместе с вами, направил своего сотрудника Игоря Мосина...

— Мне он запомнился. По-моему, хороший человек... Что сейчас с ним?

— У него агентство "Новости науки". Выпускает журнал "Женское здоровье". К сожалению, оставил атомную тематику, но поездку с вами по Средней Азии запомнил на всю жизнь — ему было очень интересно...

— Но все-таки самая последняя моя поездка в ранге министра была на Украину. Это Запорожская и Чернобыльская станции. Кстати, тогда приняли ряд принципиальных решений по локализации катастрофы, определили главные направления работ по 30-ти километровой зоне... Особенно запомнилось, что народ был сильно напуган.

— Радиацией?

— Нет, будущим страны. Ситуация была тревожной, люди будто предчувствовали новую беду. Чернобыль оставался одной из

главных забот нашего министерства. Надо было не только грамотно организовать все работы на аварийной станции, но и избавиться от "кухонь с радиацией".

— *Не понял...*

— Одна бабуля жаловалась, что приходит домой, а там кухня, полная радиации!.. Вот и приходилось нам, атомщикам, организовывать широкую разъяснительную и просветительскую работу по всем проблемам, связанным с радиацией.

— *Потом Чернобыль тихо "ушел" из Минатома?*

— В 91-м году разделили не только Чернобыльскую беду. Все, что находилось на территории той или иной республики, оставалось там. В том же Усть-Каменогорске были очень большие запасы урана, наработанные по всей стране. Весь этот обогащенный уран ушел Казахстану.

— *А что с ним делать там?*

— Его начали тут же продавать... Но тем не менее связи между предприятиями мы старались сохранить. На государственном уровне они рвались, но на человеческом оставались, потому что мы всегда работали вместе и сильно зависели друг от друга. После того, как разошлись, Узбекистан начал продавать уран на Запад, не согласовывая цены с нами...

— *Речь идет о Навои, где золото и уран?*

— Да.

— *Это ведь был один из лучших комбинатов отрасли!*

— Это так... Комбинат сразу же отошел от нас, начал работать самостоятельно и продавал уран. Потом это начал делать и Казахстан. Украина же не смогла выйти на рынок со своим ураном, так как он дорогой. Они накапливали уран, а потом мы его покупали...

— *По завышенной цене?*

— Нет. Мы покупаем уран по той цене, которая утверждена в калькуляции на изделия... В Желтых Водах уран добывался под землей шахтным способом, да и геологические условия там сложные. Так что на мировой рынок Украине выйти не удалось, а Узбекистан и Казахстан присутствовали там весьма заметно.

— *И чего добились?*

— Сбили цены на уран. В конце концов, проиграли все... Потом начали пытаться создавать совместные предприятия с США, Канадой, Францией, Германией. Думали, что там их ждут с распростертыми объятиями. Оказалось, не так. Их восприняли как конкурентов. Огромные материальные средства были потеряны. Возможно, какие-то конкретные люди и нажились на этих сделках, но сами республики сильно проиграли... Только сейчас они начинают поворачиваться к нам, то есть к России. В частности,

предлагают создать совместные предприятия, работать вместе. А вот если бы в самом начале был Атомный холдинг, о котором я говорил, то сейчас не пришлось бы начинать все сначала.

— *Оказались у разбитого корыта?*

— И без золотой рыбки! А ведь она была у нас в руках! Жаль, что так произошло...

— *Я неравнодушен к Навои. Бывал там еще в те времена, когда город и комбинат только создавались... Что же там сейчас?*

— Там ведь часть производства — золото. Это так сказать, "царево добро"...

— *Президента Узбекистана?*

— Ну, конечно... Мне известно, что он покрывает издержки производства, а остальное уходит в его распоряжение... Ну а с ураном ситуация иная. Если комбинату удастся его продать, то вся выручка остается у него.

— *Есть же еще народ, общество, республика в целом?*

— Это уже вопрос не ко мне...

— *А в Казахстане?*

— Там были благоприятные условия для добычи урана. Это подземное выщелачивание. Метод эффективный и дешевый.

— *Комбинаты в республиках быстро "ушли" от России?*

— Очень. Мы добывали урана в четыре-пять раз больше, чем требовалось для работы наших предприятий. И поэтому уже в 1989 году Минфин и Правительство сказали нам, что брать уран в Госрезерв не будут и разрешили его продажу. Раньше этого не было... Но на Западе нас никто не ждал, а потому продать уран было трудно. Поэтому приблизительно в два раза упало производство урана. Это было еще в СССР. Останавливались нерентабельные производства, некоторые шахты консервировались или закрывались. Процесс шел болезненно, но социальную обстановку удавалось смягчать — все-таки возможности у отрасли большие... Однако пришел 1991 год. Комбинаты в республиках быстро отошли от нас. А это были лучшие предприятия отрасли, и их можно было использовать по-разному. На одном из них, к примеру, появился монетный двор, где чеканилась не только собственные деньги новой республики, но и соседних... И началась сильнейшая борьба за продажу урана на мировом рынке. Конкуренция началась между нашими же предприятиями, а потому цены снижались. Естественно, Запад этим сразу же воспользовался. Ради сиюминутной выгоды мы теряли огромные средства... Наши же российские предприятия были завязаны на Усть-Каменогорск, где делались урановые таблетки. Это было единственное такое предприятие в СССР. И пришлось срочно исправлять положение...

— *Об Усть-Каменогорске поговорим особо, но чуть позже. А пока хотелось прояснить одну особенность отрасли. Как известно, в Казахстане и Узбекистане были построены суперсовременные предприятия, равным которым в России не было. Но отделившись, они сами очень многое потеряли, так как единая цепь производства уранового топлива порвалась. Я правильно понимаю ситуацию?*

— Конечно. Для сохранения ее и нужен был промышленный холдинг или иная структура, которая позволила бы сохранить ту технологическую урановую цепочку, что создавалась многие— многие годы. Однако политические амбиции Ельцина и его коллег-президентов превалировали над экономикой, что в конце концов и привело к огромным материальным потерям. Были предприятия, которые даже не знали — кому они теперь должны подчиняться. К примеру, тот же Кирово-Чепецкий комбинат. Потом он практически ушел от Минатома. Тот же Атоммаш. Он не "вписался" в новую систему. И все случилось потому, что были порваны связи, которые мы и предлагали сохранить с помощью Государственного промышленного холдинга.

— *Чувствую, что до нынешнего дня болит?*

— Просто теперь, спустя десяток лет, мы вынуждены пытаться делать то, что упустили тогда. А это уже не только очень трудно, но и подчас невозможно.

— *Будучи министром Вам удалось побывать почти на всех объектах министерства. Где понравилось особенно?*

— Трудно ответить на этот вопрос. Почти везде я испытывал чувство удовлетворения от тех людей, с которыми встречался, от работы предприятий. Они давали прибыль, остановка им не грозила. Крупные комбинаты поддерживали социальную сферу, и, что греха таить, люди жили в таких городах намного лучше, чем по стране в целом. Особенное удовлетворение доставляли, конечно же, атомные станции. Мне очень понравилась Запорожская АЭС. Впрочем, и Балаковская тоже, и Ленинградская... Ну, а состояние предприятий топливного цикла зависит от грузов. Возьмите, к примеру, Электросталь или Новосибирск. Здесь сосредоточены новейшие технологии нашей отрасли, любо-дорого смотреть, как работают современные цеха, где рождаются топливные сборки...

— *А закрытые города Красноярск-26, Томск-7?*

— Сами города, конечно же, выгодно отличаются от других. Красноярск-26 — культурный современный город. И комбинат там уникальный, необычный. Мне до сих пор жаль тот туннель, который прорыт под Енисеем на другую сторону. К сожалению, его не довели до ума — "перестройка" началась, а ведь идея проекта была весьма любопытна... К сожалению, сейчас Красноярск-26

лишается хорошей, нормальной работы. Приходит время, когда надо закрывать последний реактор, и с точки зрения ядерных материалов там практически ничего не останется. Конечно, хотелось бы, чтобы в этом прекрасном городе работала атомная станция.

Заметки на полях. О судьбе Красноярска.

Эрик Николаевич Поздышев в среде атомщиков в представлении не нуждается. Много лет работал вместе с В.Ф. Коноваловым. Был президентом "Росэнергоатома". Мы дружны с ним еще с событий в Чернобыле, куда после аварии Э.Н. Поздышев приехал директором... Однажды мы разговаривали с ним о жизни, о судьбе атомщика, о том пути, который должен пройти каждый, кто так или иначе связан с АЭС.

Путь Поздышева в атомную энергетику начинался в Красноярске-26. А коль уж в разговоре с Коноваловым мы затронули судьбу этого комплекса, то вначале послушаем, как вспоминает о своей работе там Эрик Николаевич. Я поинтересовался у него, как он попал туда:

– После института. Я закончил физический факультет университета. Мне сказали, что на этом объекте есть и хорошая физика, и очень интересная работа. И это была вся информация, которую мне могли сообщить – ведь тогда секретность была страшная... Я попал туда и сел за пульт управления атомной станции. И случилось это в 1960 году.

– *Это промышленный реактор по наработке плутония?*

– В то время он был и военным, и энергетическим, то есть одновременно шла наработка плутония, но и энергию получали.

– *И что вас поразило в Красноярске-26?*

– Там многое могло поражать...

– *Ну, например?*

– Те циклопические сооружения, которые были там сделаны... Они не могли не поражать! Представьте себе: скала, и в ней расположен целый город: заводы, электростанции, перерабатывающие предприятия. Туда, в глубь скалы заходит электричка, она привозит людей – смена отработывает целый день, а потом эта электричка вывозит людей назад. На меня, молодого специалиста, это произвело огромное впечатление. Туннели, переходы... Тыходишь, цифра "15" – у дверей часовой. Он тщательно проверяет документы... и ты сразу же попадаешь в огромное помещение, ярко освещенное – кругом приборы... Поначалу все это ошеломило меня, произвело незабываемое впечатление, и в конце концов определило всю мою дальнейшую жизнь.

– *А не было ощущения, мол, не нужно это? Зачем уходить под землю? Понимаю, вдруг ядерная война, но разве потом нужно будет делать новое ядерное оружие?!*

— Такие вопросы и ответы на них появляются гораздо позже... В те времена мы не задумывались над такими проблемами. Было ясно, что государство нужно защищать, и мы обязаны это делать...

— *И долго были там?*

— На разных должностях я проработал в Красноярске-26 одиннадцать лет. Все было связано с управлением атомной станцией, семь лет проработал начальником смены.

— *Наверное, за это время "прошли" самые разные критические ситуации?*

— Нет, все шло гладко, никаких чрезвычайных происшествий! За все эти годы лишь однажды случился "козел", то есть один из каналов вышел из строя — причин тому множество: от ошибок персонала до распухания урана... Реактор остановили, и сразу же множество комиссий, так как реактор был военный. Почему? Что? Как? Ремонтные работы прошли нормально, топливо загрузили, и блок начал работать нормально — он простоял всего несколько суток. В конце концов, все закончилось благополучно... Так что это самая "крупная неприятность" была у меня с реактором.

— *Вы гордились, что работаете на таком престижном предприятии?*

— Вся обстановка секретности, ответственности, сложности работы, — все это, безусловно, поднимало молодого специалиста. Сначала я работал в 4-м цехе, потом в 6-м, а рядом строился 8-й цех — следующий аппарат. И однажды мы пошли на экскурсию. В это время был готов лишь котлован. Представьте, внутри скалы вырублена полость, в которую поместили современную атомную станцию! Мы вошли на отметку где-то в середине этой полости. Настолько она была велика, что когда посмотрели вниз, то там увидели экскаватор, который по размеру казался меньше спичечного коробка! А вверх — будто бездонное черное небо... Это было настолько величественное, циклопическое сооружение, что человек казался в нем муравьем... А ведь все это сделали люди!.. Да, гордились, что работаем на таком предприятии! И с жильем было неплохо, и зарплата хорошая, и работа интересная — что еще молодому человеку надо!?

Такова всего лишь грань прошлого одного из самых современных и лучших городов России. А каково же его будущее?

С кем бы я ни говорил о завтрашнем дне отрасли, речь о Красноярске-26 заходит обязательно. Что надо сделать, чтобы такие города как Красноярск-26, Томск-7, Челябинск-40 навсегда остались на карте России?

Мне кажется, что убедительно ответил на этот вопрос нынешний министр академик Александр Юрьевич Румянцев:

— У нас эффективность управления предприятиями весьма высокая. Как выстроил в свое время всю систему Ефим Павлович Славский, так она до сих пор и действует. Наше производство — это жизнь многих тысяч людей, и свою душу они вкладывают в производство. Именно поэтому с управляемостью в ядерно-топливном цикле все нормально, хотя проблем, конечно же, очень много и, действительно, в отрасли назрела пора реформ. С прекращением "холодной войны" и понижением уровня арсеналов наработка плутония не нужна в том объеме, котором она была раньше. А это реакторы и радиохимическое производство... Они — наша гордость, потому что в их создании вложен огромный труд и талант наших людей. Сокращение этих производств, конечно же, очень сильно сказывается на людях, и о них мы должны заботиться. Они полностью отдавали себя, когда были востребованы. Ситуация изменилась, но они не должны пострадать, и поэтому нужно перед ними поставить новые задачи, соответствующие их квалификации, но уже без оружейного плутония. В первую очередь это касается Томска-7 и Красноярска-26, где реакторы через четыре-пять лет должны быть полностью заглушены. Но нужно создавать энергозамещающие производства, так как эти реакторы кроме плутония производили тепловую энергию и электричество, которыми снабжаются наши города.

— *Была попытка "конвертировать" реакторы. Не удалась?*

— Хотели так переделать активную зону, чтобы плутония там образовывалось как можно меньше, а не больше. Однако такая "конверсия" оказалась чрезвычайно дорогой, да и наши зарубежные партнеры проявляли слишком большой интерес к тонкостям работы этих реакторов... В общем, надо идти иным путем. Для меня совершенно ясно, что по всем нашим закрытым городам нужно решать проблему стратегически: например, в каждом из них строить атомную электростанцию. Кадры есть, население образованное, хорошо известны все проблемы радиационной безопасности, да и все экономические показатели "за". Это не ведомственный подход, а сугубо государственный — ведь речь идет как о будущем страны, ее энергетической мощи, так и о судьбах очень многих людей. Проблема закрытых городов существует, рано или поздно они должны стать открытыми, а следовательно, влиться в нормальную жизнь страны. Как в Заречном, где мы не раз бывали вместе на конференциях "Урал атомный". Поселок режимный, в нем живут работники АЭС, но и в то же время въезд туда свободный...

— *Пожалуй, это наиболее разумный выход!*

— Объем оружейных материалов падает, специальное производство сокращается, но в то же время возникают в закрытых городах как обычные предприятия, так и коммерческие структуры. Появление

здесь атомных станций, убежден, позволит существенно изменить ситуацию к лучшему.

— *Что имеется в виду?*

— Как известно, в наших городах практически не было наркотиков, криминальная обстановка была не столь тяжелой. К сожалению, положение стало хуже в последние годы, так как демократия принесла не только благо в общество, но и многие беды, с которыми мы сейчас только начинаем бороться. Появление АЭС даст не только новые рабочие места, но и позволит сохранить традиции, на которых воспитывалось уже несколько поколений наших людей.

Я привел столь длинные цитаты из своих встреч с атомщиком не случайно: просто за каждой строкой нашего разговора с В.Ф. Коноваловым стоит огромная проблема, над решением которой бьются лучшие умы не только Минатома, но и государства. Было уже несколько попыток направить могучий локомотив атомного ведомства на другие рельсы (хватит нам ядерного оружия!), но каждый раз оказывалось, что сделать это не так просто. Во-первых, оборона страны должна быть обеспечена в будущем столь же надежно, как и в прошлом, а во-вторых, не так легко "перековать мечи на орала", как это представляется обывателю.

Я спросил Виталия Федоровича:

— *Конверсия, о которой так много говорилось и писалось в конце 80-х, для вашей отрасли оказалось великой иллюзией?*

— В атомной энергетике никакой конверсии не было. Иное дело военный комплекс. Многие постепенно потеряли работу. Особенно после того, как было объявлено, что Россия перестает производить новый уран и плутоний, а будет регенерировать старые материалы. Это сильно ударило по многоцелевым реакторам, которые производили как тепловую и электрическую энергию, так и накапливали оружейный плутоний. Такие реакторы стали сразу же экономически невыгодными, не эффективными...

— *Но судьба Красноярка-26, как мне кажется, связана именно с таким понятием, как "конверсия" — вот только в это слово нужно вкладывать иной смысл, не так ли?*

— Есть несколько проблем, на которые нужно посмотреть профессионально, нормальными глазами, объективно. В том числе обязательно учитывать точку зрения тех людей, которые возмущаются происходящим.

— *Что вы имеете в виду?*

— В частности, проблему отработавшего ядерного топлива. С моей точки, решать ее нужно следующим образом. У нас есть три типа отработавшего ядерного топлива: ВВЭР-1000, ВВЭР-440

и канальных реакторов, то есть РБМК. В Красноярке-26 есть бассейны выдержки ядерного топлива, достраивается еще один бассейн. На мой взгляд, этого для Красноярска-26 достаточно. Там топливо ВВЭР-1000 выдерживается, а затем перерабатывается. Другого топлива туда не надо завозить! Второй вид топлива – ВВЭР-440. Для него есть Челябинск-40, где оно перерабатывается вместе с топливом с подводных лодок. И наконец, третий тип топлива, который мы получаем из канальных реакторов. Маловероятно, что это отработавшее топливо вообще когда-нибудь будет перерабатываться, потому что там очень мало урана-235 и мы еще далеки от создания мокс-топлива, в котором используется плутоний. Логично было бы образовать третий пункт хранения для такого топлива.

– *Есть какие-то особые требования для этого?*

– Нужен малонаселенный район. И второе – поменьше влаги. А мы отработавшее топливо с РБМК везем к Красноярск, чтобы там его хранить рядом с огромным городом и великой сибирской рекой. Более нелепой ситуации и придумать трудно! С моей точки зрения, лучше всего хранилище организовать в степях, там, где находится наш Краснокаменск. Кстати, в "ТВЭЛ" мы разрабатываем такой проект хранения отработавшего топлива РБМК, надеюсь, что нас поддержат и в Министерстве, и в Правительстве. Это поможет снять болезненную реакцию жителей Красноярского края на наши действия.

– *Будем надеяться, что разумные предложения будут приняты на этот раз. А теперь продолжим наше "путешествие" по предприятиям. Итак, где особо вам полюбилось?*

– Мне нравится Красноярк-45. Один из лучших наших городов и комбинатов... Конечно же, люблю Челябинск-40. Там я проработал год, когда делал дипломный проект... В общем, каждое предприятие и каждый город заслуживают особого рассказа.

– *Тем не менее первый об Усть-Каменогорске?*

– Естественно, ведь там мы начинали...

Разговор второй:

Его можно определить как муки Тантала и дочери его Ниобы

Греческие мифы переживают века, потому что их герои умеют становиться современниками любых поколений. Сегодня нам ближе, пожалуй, Тантал, который за обман богов был ими наказан справедливо, но жестоко. Он стоял по горло в воде, но напиться не мог, так как она "бежала от его губ". С ветвей деревьев свисали плоды, но Тантал не дотягивался до них, а потому оставался голодным. И наконец, над его головой нависала скала, готовая сорваться каждую секунду. И что самое страшное – в этот камень Зевс превратил дочь Тантала Ниобу, которая погубила десять своих сыновей и столько же дочерей. Так наказал ее все тот же Зевс за стремление дочери Тантала приблизиться к богам, а в Древней Греции это было столь же кощунственно, что и сейчас.

Молодому специалисту, закончившему Уральский политехнический институт и приехавшему на завод в Усть-Каменогорск, пришлось интересоваться и древней мифологией, потому что в его жизнь вошли тантал и ниобий – два удивительных и причудливых металла с характерами столь же сложными, как и герои мифов, в честь которых они были названы.

Оказалось, что мифы близки в реальности... Впрочем, об этом стало известно позже, а пока Виталий и Нелла Коноваловы должны были сделать первый шаг к своему будущему.

– Почему именно Усть-Каменогорск?

– У нас был выбор распределения...

– У нас?

– Мы с женой заканчивали физико-технический факультет (УПИ) в Свердловске. Но распределяли нас в Москве. Предлагали Киев, Эстонию, Челябинск... Но мы выбрали "глушь" – Усть-Каменогорск. Вот и поехали в Казахстан. Поистине: "Поезд шел на Восток" – ехали очень долго...

Заметки на полях. О Славском и конверсии.

В этот момент я почему-то вспомнил о поездках в Казахстан Ефима Павловича Славского. Он считал, что "Восток – сердце страны, и от его биения зависит ее будущее". Он любил Казахстан, Среднюю Азию. Ежегодно выезжал туда, бывал на комбинатах

и рудниках. Думаю, не пропускал и Усть-Каменогорск, а потому спросил Коновалова:

— Вы встречались в те годы со Славским?

— Конечно. Он приезжал на комбинат часто, так как он был депутатом Верховного Совета СССР от Восточного Казахстана. Обязательно посещал наш цех, так как всегда интересовался всеми новыми технологиями. Подробно расспрашивал о наших контактах с учеными. В моей судьбе Ефим Павлович, конечно же, сыграл решающую роль. Я старался оправдывать его доверие.

— Потом вы работали с другим министром — Львом Дмитриевичем Рябевым. После его ухода в Совет Министров, вы сами стали министром. Кто для вас стал примером?

— Честно говоря, для меня, да и для большинства тех, кто вырос в Средмаше, министр всегда был один — Ефим Павлович Славский. Даже в весьма преклонном возрасте он всегда мыслил четко, разумно. Он приезжал в Усть-Каменогорск часто, обязательно ходил по цехам. Всегда решал любые проблемы, помогал нам... Однако память хранит не какие-то деловые контакты, а забавные случаи.

— Подчас они больше характеризуют человека...

— Однажды он решил улететь на сутки раньше. У Славского был свой самолет, на нем и летал... Мы поехали провожать его на аэродром. Как и положено, экипаж выстроился, чтобы доложить о готовности к полету. И вдруг командир говорит: "Товарищ министр Советского Союза, экипаж к вылету не готов!" Все опешили. А Славский рассмеялся, он понял, что экипаж, ожидая его, изрядно повеселился, так как рассчитывали, что вылет еще не скоро. Ефим Павлович принял приглашение местных властей — они его звали к себе давно, и уехал. Как известно, о Славском шла слава "крутого" министра и человека, но мне этот случай показал, что это не так... Позже доводилось видеть его в разных ситуациях, единственное, что могу еще о нем сказать и что сделало его "великим министром" — это то, что никогда он не думал о себе, только о благе тех людей, которые работали в Средмаше, о благе страны.

— А главная черта Рябева как министра?

— Исключительная эрудированность и доверие к тем, с кем он работает... При нем я был начальником главка, потом заместителем министра. Кроме обычных дел, мне поручили тогда машиностроение...

— Это когда вашему Министерству поручили поднимать молочное производство?

— Оборудование для переработки молока, то есть получение сыра, сметаны, масла и т. д.

– Вам же об этом ничего не было известно?!

– Пришлось начать изучение с литературы, а потом объехать огромное число предприятий. Нам было передано восемь заводов, где производилось такое оборудование. Побывал на них. Такое впечатление, будто они не менялись с прошлых веков! Потом поехал по нашим комбинатам, чтобы определить – где и какие заказы можно разместить. Дело потихоньку пошло...

– Я видел на "Авангарде" узлы для молокозаводов. Они валяются на складе невостребованными до сегодняшнего дня. Простите, но отношение к таким "заказам" там было сугубо отрицательным. Они выполнялись лишь по "высокому распоряжению", и естественно, об экономике и речи не шло: оборудование получалось слишком дорогим. А может быть, и не стоило такую "конверсию" затевать?!

– Мне кажется, напротив – надо было ее продолжать! Уже была подготовлена качественная документация. Причем подготовлена она была по тем же стандартам, что и для наших технологий, то есть на высочайшем уровне. Думаю, что до нынешнего дня ничего подобного не существует. Возможно, даже в мировой практике...

– Но я видел собственными глазами на "Авангарде" заброшенное, никому не нужное оборудование...

– Это еще одно свидетельство нашей бесхозяйственности! Раз уж сделали что-то хорошее, значительное, то нужно в полной мере использовать опыт и сделанную продукцию – именно так поступает рачительный хозяин.

– Вы придерживались такого принципа везде, где работали?

– Конечно. А иначе ничего не получится ни в цехе, ни на заводе в целом. И даже во всем Министерстве! Вне зависимости от того, к какой отрасли оно относится... Именно такой подход я старался культивировать, когда мы занимались молочным оборудованием. Убежден, все было бы сделано на самом высоком уровне. Однако мал был "разгон" – всего полтора-два года, а потом произошел обвал...

Заметки на полях. Мнение директора "Авангарда".

Юрий Кузьмич Завалишин написал книгу о своем родном "Авангарде" – первом "атомном заводе" страны, который и сегодня является одним из лучших предприятий страны. Упоминает Генеральный директор о "молоке". Он пишет:

"По распоряжению Правительства мы начали осваивать клапаны для молочной промышленности. Она у нас, как известно, далеко не отличается передовой технологией и оснащенностью. Все лучшее долгие годы "забирала" оборонная промышленность. На техническую модернизацию производств пищевой и легкой промышленности всегда

денег не хватало. В конце 80-х годов вроде бы повернулись к этим отраслям. Но...

Поручение по "молочным" клапанам мы восприняли как важную и первоочередную задачу. Ведь за долгие годы выполнения разных правительственных задач мы привыкли к редкой исполнительности. Надо, так надо! Очень срочно, значит сделаем в кратчайшие сроки, не считаясь со временем и трудностями. Изучали опыт Запада в этом деле, сами подумали... Короче, сделали довольно быстро и ...прогорели! И не только мы, но и все Министерство. Почему же так получилось?

А очень просто – перестали строить новые молочные заводы, для которых предназначались наши приборы. Такое развитие событий надо было прогнозировать тем, кто выдает оборонке подобные заказы. Однако прогноза не было, ситуация на "рынке" молочных клапанов складывалась стихийно, а она предполагала полную неостребованность. В результате на наших складах до сих пор лежат эти самые клапаны, а производство новых мы, естественно, свернули...

Хотя, нужно сказать, совсем не исключено, что в будущем оборудование для молокоперерабатывающей промышленности будет востребовано. Уже сейчас около десятка организаций, проектирующих молокозаводы, запросило у нас техническую документацию на производимые клапаны и насосы для включения их в состав оборудования вновь проектируемых заводов. А это значит, что надежда есть".

– Мы изрядно отвлеклись и совсем забыли про Казахстан. А остановились в тот момент, когда вы с женой приехали в Усть-Каменогорск. Как вас встретил город?

– В нашем ведомстве не было правил объяснять что-либо. Еще в Москве был назван "Усть-Каменогорск в Казахстане". Вечером мы развернули карту и начали там искать, где этот город находится. Оказывается, на этой карте его тогда не нашли... Потом мы выяснили, что это в Восточном Казахстане, рядом Алтай. Так что представление о том, куда едем, у нас было весьма смутное... И вот приехали. Нас поразило даже не то, что очень жарко и сильный ветер, а то, как мы встретились с секретностью... В Москве нам было сказано: "Почтовый ящик 10. Ищите за водокачкой". Мы намеревались расспрашивать, где она находится, чтобы сориентироваться. Интересуемся у прохожего. Он улыбается, говорит: "Вам не она нужна, а Почтовый-Десять. Идите в ту сторону..." Нашли свою "Десятку" быстро, она на окраине городка была. Поселили нас в общежитии на кухне. На полу и спали первое время. Будили нас рано, потому что умывальник был один, и все, кто жил тогда в общежитии, ходили к нам умываться... Это сейчас за Иртышом и Ульбой большой и красивый город вырос, а тогда этого не было...

– *Расстроились?*

– Нет, нисколько! Напротив, был какой-то внутренний подъем, мол, на большое дело приехали, начинаем почти с первого колышка... Да и радоваться умели малому...

– *Например?*

– Понравились помидоры, по-моему, "заульбинскими" назывались. И еще поразило обилие рыбы. Покорил многоводьем Иртыш. Да и много ли человеку надо?!

– *Работа еще, наверное?*

– Ради нее в такую даль и ехали!

– *А что тогда в Усть-Каменогорске было?*

– Было производство бериллия. Точнее: оно только начиналось...

– *А зачем он нужен?*

– В атомной промышленности как замедлитель и отражатель нейтронов, легирование стали, меди, алюминия. Он шел в машиностроение, – везде, где нужны легкие конструкции. А потому бериллий, кроме нашей отрасли, шел в электротехнику, в авиацию и ракетостроение. Потребность в то время в нем была большая... Одновременно шли попытки получать тантал и ниобий, которые были нужны нашей промышленности...

Все о тантале и ниобии: для любознательных.

Тантал – металл серого цвета со слегка свинцовым оттенком. Чистый тантал исключительно устойчив, характеризуется чрезвычайно высокой коррозионной устойчивостью к действию большинства неорганических и органических кислот: азотной, соляной, серной, хлорной и других, царской водки, а также многих других агрессивных сред.

Руды, содержащие тантал, редки, комплексны, бедны танталом. Перерабатывают руды, содержащие до сотых долей тантала.

Танталовые сплавы характеризуются высокими механическими свойствами при обычной температуре, жаропрочностью, коррозионной устойчивостью.

В производстве высокотемпературных материалов перспективны бериллид тантала – для авиационной и космической техники при температуре около 1500 градусов Цельсия, бориды тантала – покрытие листов тантала, контактирующих с расплавленными ураном и кальцием, силициды, нитриды и карбиды – материалы для оболочки тепловыделяющих элементов.

Ниобий – металл серо-стального цвета. В биосфере геохимия ниобия изучена плохо. Установлено только, что в районах щелочных пород (например, на Кольском полуострове) он мигрирует в виде соединений с органическими и другими комплексами.

По химическим свойствам ниобий близок к танталу. Основные области применения ниобия: ракетостроение, авиационная и космическая техника, электроника, радиотехника, химическая аппаратура, атомная энергетика.

...Получили, конечно, и уран. Причем переработка урана от концентрата до таблеток.

— *А вы непосредственно чем занимались?*

— Меня направили в опытный цех. Его называли "Шестым".

— *Чем именно там занимались— остальным было неизвестно?*

— Конечно, 56-й год. Секретность было жесткой, даже слишком... Дома не имели права говорить, чем мы занимаемся. Дочка долгое время считала, что мы ложки выпускаем. Иногда спрашивала: "Неужели тебе интересно этим заниматься?!" Отвечал, что интересно. Она недоумевала... В "Шестом цехе" было производство урана. Вначале я работал мастером-дублером. Рождалась новая схема работы с ураном, мы ее осваивали. Постепенно осваивал все ступеньки этого производства...

— *Что-то необычное для вас было?*

— Мы понимали, что занимаемся очень важным делом. Еще в институте было некое чувство гордости: нас готовят к очень важной для страны работе. Здесь же, на урановом производстве это сознание твоей ответственности многократно усиливалось — мы ведь понимали, что уран идет и на создание ядерного оружия. И в то же время на наших глазах начинала развиваться атомная энергетика. "Пусть атом будет рабочим, а не солдатом!" — говорил Игорь Васильевич Курчатов. Это был лозунг, но для нас не просто крылатое выражение, а реальность. Мы ее ощущали каждую рабочую смену. Кстати, рождалось не только собственное чувство достоинства, но оно поддерживалось и развивалось окружающими: все общественные организации показывали, что нет ничего важнее того, что мы делаем, а потому страна, народ ждут от нас полной самоотдачи... На мой взгляд, только такой труд человеку в радость.

— *Но вам пришлось уйти из "Шестого цеха"?*

— В это время началось новое дело: танталово-ниобиевое производство. Мне предложили перейти в этот цех, и я с удовольствием согласился... Кстати, так уж получилось, но я всегда был "первым лицом": мастер, начальник отделения, начальник цеха, начальник производства, директор завода.

— *Это хорошо или плохо?*

— Это приучало к ответственности. Конечно, должности повышались, но вместе с ними возрастала ответственность. Причем многократно!

– Это как в боксе: умение держать удары?!

– Нет, не так: умение принимать решения.

– А какое труднее всего далось?

– Сразу и не припомню...

– *Может быть, выводы после аварии на бериллиевом производстве? Я недавно узнал, что такое случилось на том самом заводе, где вы начинали... И естественно, о ней ничего широкой публике неизвестно?*

– В одном из цехов произошел взрыв. Там были мощные подземные вытяжные шахты, в которых постепенно накапливалась бериллиевая пыль. Неосторожность с огнем привела к тому, что пыль воспламенилась – удар пришелся по аппаратам, в которых осуществлялись технологические переделы и процессы, что привело к выбросам...

– *Началась "цепная реакция аварий"?*

– К сожалению, чаще всего именно небольшая небрежность, всего лишь незначительное, казалось бы, отступление от технических норм неизбежно в нашем деле приводит к тяжелым авариям и даже катастрофам. Так было в Челябинске-40, когда взорвалась одна из емкостей с радиоактивными отходами. Конечно, на наших производствах происходили разные "чрезвычайные происшествия", но к чести работников и руководителей отрасли могу сказать: каждый случай не только тщательно анализировался, но и всегда делались очень серьезные выводы... Так и в происшествии с бериллием. Кстати, это было уже в ту пору, когда я работал министром. Мне сразу же сообщили с завода, а потом позвонил Н. Назарбаев и попросил, чтобы я сам прилетел и тщательно разобрался в случившемся. Так уж считалось, что это "мой" комбинат.

– *На самом деле так и есть – ведь путь в министерское кресло начинался на нем! Впрочем, а в те годы, когда осваивали новые технологии, аварии случались?*

– Бывало, конечно, всякое.

– *Казалось бы, новое дело – много неизвестного?!*

– Просто опасные производства. Разделение тантала и ниобия идет при высокой температуре. При получении металлического тантала используется кальций и вода. Однако если кальций попадает в воду, начинается бурная реакция – взрыв. Два таких случая было на моей памяти. Никто не погиб, но стекла во всем здании выбивало – такая мощная ударная волна прошла...

– *Тантал и ниобий стали для вас в Усть-Каменогорске главным воспоминанием?*

– Конечно. Начинали буквально "с нуля". При мне три новых корпуса было построено, вся технологическая цепочка выстроена.

Из концентрата тантала и ниобия до конечного продукта, — все делалось в нашем цехе. Это и гидрометаллургия, и металлургия, и лучевая плавка, и прокат тантала — получение листа и проволоки. "Цех" — просто привычное название, а на самом деле это был крупное самостоятельное предприятие по производству тантала и ниобия.

— *Где использовались эти металлы?*

— В основном они шли в электронную промышленность, причем в основном в специальные отрасли.

— *Что имеется в виду?*

— По постановлению Правительства тантал можно было использовать (его все-таки было мало!) только "под водой" и "в воздухе". На нашем сленге это означало: использование тантала для подводных лодок, в авиации и ракетостроении.

— *А в обычном машиностроении?*

— Запрещалось его применение! Лишь в исключительных случаях, по специальному решению тантал выделялся для медицинских целей. Дело в том, что тантал очень устойчив: ни щелочи, ни кислоты на него не воздействуют... Производство тантала — сложнейшее, это высочайшие технологии, а потому на первом этапе его не хватало...

— *А потом?*

— Потом не стало машиностроения...

— *Танталовое производство было единственным в Союзе?*

— Да. После распада СССР ситуация на комбинате обострилась. Танталовое производство на какое-то время было заморожено, потом оно начало постепенно восстанавливаться. Но сырье теперь завозят "от Дяди", и ему же отправляется вся продукция.

— *"Дядя" — значит, не Россия?*

— Нет, западные страны.

— *Даже в странах СНГ они взяли под контроль высокотехнологичные производства?*

— Они делают это в первую очередь! Причем во всех областях, так как "тот, кто владеет высокими технологиями, тот владеет миром". Фраза хоть и несколько выпендренная, но точная...

— *Почему же Россия не брала тантал? Не давали?*

— Нет, ситуация сложнее. Он нужен, как я уже говорил, для сложной новой техники — авиации, ракет. Но в России ничего нового не производилось, а на Западе покупатели и потребители нашлись быстро. Теперь же ниша уже занята, и России приходится отвоевывать потерянные рынки. Ну а платить, конечно же, приходится дороже... Так что винить наших коллег в Казахстане не стоит, мы сами подталкивали их на Запад. Такая политика была у России

в последнее десятилетие XX века. Но повторяю, сейчас идет возрождение наших контактов, совместной работы. Сейчас мы начали в России добывать тантал и ниобий. Это в Забайкалье. Построили фабрику в горах. Добываем 40 тонн тантала и 60 тонн ниобия в год. Дальнейшая переработка их будет идти в Глазове.

— *Как вспоминается то время? Как прекрасное или как очень тяжелое?*

— Тогда удовлетворения от жизни и работы у нас было больше, чем сейчас. Один выходной день был, и мы ждали его с нетерпением, потому что обязательно куда-то ездили. Каких-то особых затруднений с питанием не было, хотя в стране в целом дефицит был огромный. Но в городе баранины было полно, рыбы — в изобилии... Сам город лежал в котловине, где были свинцово-цинковый и другие комбинаты. Конечно, "экология" там была страшная. Однако рядом — удивительные места: Восточный Алтай со своими красотоми... Мы обязательно уезжали на природу, с удовольствием встречались компаниями. Отправлялись в пойму Иртыша, где много речек... Везде было хорошо! 19 лет в Казахстане пролетели как один год, и воспоминания, конечно же, самые лучшие. Кстати, даже во время отпусков я не уезжал ни в Крым, ни на Кавказ — отдыхал там же. Ездил по республике, забирался в Киргизию на озера.

— *Итак, начали с кухни...*

— Потом получили комнату в коммунальной квартире — три семьи еще было. Затем двухкомнатную квартиру получил... В это время любопытная история приключилось. Мне было поручено принимать японцев. Представляете, японцев! Это было как пришествие марсиан. Ко мне был приставлен сотрудник КГБ, он постоянно находился рядом. Японцев было двое. Я не только работал с ними в цехе, но и обязан был с ними завтракать, обедать и ужинать, а также обеспечивать им "культурную программу". Японцы приехали пускать стан для фольги из тантала. Он был закуплен в Японии, и министр распорядился пустить японцев в цех... Это было зимой, один из них впервые увидел снег. Купались в нем! Радости предела не было... Вместе с ними отработали технологию, пустили стан. По программе мне нужно было принимать их дома. Нелла очень беспокоилась — все-таки в гости иностранцы придут! Забавно такое вспоминать... А очень запомнилась одна деталь во время обеда. Жена попросила нарисовать японца место, где он живет. Тот взял карандаш и нарисовал Японию, причем так отчетливо и детально, что можно карту брать и сравнивать: полное совпадение! До крошечных деталей — заливы, проливы, очертания береговой линии... И на этой нарисованной карте показал свой городок... Японцы уехали,

а мне дали трехкомнатную квартиру. Видно, работник КГБ доложил кому следует, что начальник цеха живет тесновато... Потом много и часто встречался с иностранцами, в том числе и с японцами, но тот первый случай запомнился на всю жизнь.

— *Судьба не столкнула вновь с теми же японцами?*

— Нет, встречаться не довелось, хотя в Японии бывал. Думаю, они и представить не могут, что начальник цеха из далекого Усть-Каменогорска стал министром — а именно в этом качестве я бывал в Японии.

— *А судьба стана?*

— До сегодняшнего дня работает... Создание танталового производства было отмечено Государственной премией СССР. А цех начал расширяться в "иную сторону". Так как у нас была готовая продукция из тантала — фольга, проволока и так далее, — на этой базе мы постепенно начали организовывать производство сверхпроводящих материалов.

— *Но ведь это не имеет отношения к атомной промышленности!?*

— Тут два момента. Наше Министерство очень разнообразное: у нас большая фундаментальная наука. Сверхпроводящие материалы — одно из фундаментальных открытий в мировой науке. Они необходимы для суперколлайдеров (один из них строится в ЦЕР-Не), для термоядерных установок (возведение первой из них планируется в Японии). И дело не только в том, что использовать для них суперсовременные технологии, но и в ином: по пути к ним появляется множество инженерных технологий, которые используются во всех областях техники и промышленности. Поэтому к таким исследованиям наше Министерство всегда было предрасположено. Особую роль в этом играет "Девятый институт". Его сотрудники разрабатывали технологию бериллия, и вместе с курчатовцами они до сих пор занимаются самыми современными технологиями. Сейчас мы стараемся в Глазове создать своеобразный "Центр электроники".

— *Но ведь тогда денег было мало, казалось бы, трудности невероятные, но вы занимаетесь реализацией фундаментальных исследований?! Звучит, как мне кажется, странно...*

— Был энтузиазм, желание сделать как можно больше для страны... Этот опыт мне очень пригодился в жизни. Я прошел великолепную школу, и очень многое, что есть во мне, осталось с того времени.

— *И друзья?*

— Конечно, и друзья, и товарищи по работе. Особенно бурно развивался комбинат, когда его директором был В.П. Потанин.

Он очень много сделал для завода, практически вывел его в число лидирующих и весомых предприятий отрасли. Много хорошего было сделано и при Ю.И. Мурина. К сожалению, он ушел из жизни очень рано, в самом расцвете сил. Хочу упомянуть Е.Д. Иванова, В.П. Плотникова, В.Н. Рождественского, И.М. Ахроменкова, А.К. Герасимова, Я.Г. Ганенко, А.И. Морочнова, Г.И. Силаева, В.П. Надеждина, А.Е. Гофмана, А.П. Сатина, В.М. Ухоботова, А.И. Ерасова, А.А. Белогорцеву, В.И. Маркова, В.К. Ходько, Ю.П. Неляпина, П.А. Запрягаева, В.А. Ухоботову. Память хранит и многих других, с кем мне довелось работать тогда.

— Тем более, что занимались совсем новым делом, не так ли?

— На комбинате всегда отдавали должное науке. Это касалось и тантала с ниобием, и бериллия, и урана. Ученые были не только желанными гостями, но и отчасти хозяевами на комбинате. Если говорить о их роли в нашей промышленности, то в первую очередь следует говорить о тех ученых, которые работали на комбинат... Но если рассматривать основные причины успеха комбината, то обязательно следует сказать о дисциплине. Она всегда была жесткой, как это и положено для особо опасных производств.

Заметки на полях. Что скрывает "Девятка"?

Иногда мне чудится фантастическая картина: из глубин могучего океана поднимается архипелаг с красивыми городами, с лесами и полями — это неведомая земля, которую ты начинаешь открывать...

"Океан" — это наше прошлое, укутанное в великое множество тайн...

"Архипелаг" — это крупный научный центр, который еще вчера был настолько секретным, что даже всезнающее ЦРУ о нем не подозревало...

Преувеличиваю? Отнюдь... И примером тому может служить история "Девятки": Государственного научного центра Российской Федерации — Всероссийского научно-исследовательского института неорганических материалов имени академика А.А. Бочвара. Это нынче у Центра такое длинное название, а полвека среди атомщиков он значился как НИИ-9 (были еще и другие названия — Главгорстрой и База № 1, но они не прижились из-за своей, думаю, малой благозвучности).

"Девятка" — это сердце великого атомного архипелага, и от его работы зависела как судьба ядерного оружия нашей страны, так и создание и развитие ее атомной энергетики.

С НИИ-9 были связаны все производства, где рождалось новое в атомной промышленности. И конечно же, практически всю жизнь в той или иной форме Виталий Федорович Коновалов контактировал

с сотрудниками "Девятки". Да и сейчас связи очень тесные. Совсем недавно первым заместителем министра был назначен Михаил Иванович Солонин, который много лет возглавлял "Девятку". Что греха таить, в самые трудные годы институт выживал и благодаря тому, что его поддерживал "ТВЭЛ", президентом которого был В.Ф. Коновалов. Так они "связаны единой цепью" как подшучивает иногда Солонин. А если к этому прибавить, что оба страстные рыболовы, то их единство на работе и в жизни понятно каждому...

С Михаилом Ивановичем Солониным наш разговор состоялся еще в то время, когда он был директором "Девятки". Я спросил его:

— Предположим, что перед вами сидит человек, который ничего, а точнее — очень мало знает об Институте. Что вы ему рассказали бы в первую очередь? — так начал я беседу с член-корреспондентом РАН Михаилом Ивановичем Солониным. Кстати, именно Виталий Федорович познакомил меня с Солониным и разрешил побывать в "Девятке". Насколько мне известно, я стал первым журналистом, переступившим порог этого Института. Итак, что директор в первую очередь расскажет о своем институте?

— Пожалуй, я начну с того, что о существовании нашего института знали только в округе, мол, есть такая "Девятка" и все... Когда мы начали выходить на международную арену, то приходилось долго объяснять, что представляет собой Институт и чем занимается. Для многих это было большим откровением... Ранее по легенде всю атомную проблематику представлял Курчатовский институт...

— Итак, вы были в его тени?

— Для внешнего мира — да... А рождение Института связано с тем, что в самом начале "Атомного проекта" необходимо было решать проблемы, связанные с получением материалов и приданием им требуемых технологических и эксплуатационных характеристик.

— В первую очередь с плутонием, не так ли? Когда стало известно о том, что именно этот материал нужен для бомбы?

— Ситуация была не столь однозначна... Плутоний — это самый короткий путь, так как еще не было возможности получать высокообогащенный уран по изотопу-235 — в то время еще не было "разделительных" технологий...

— Но ведь о плутонии ничего не было известно!?

— Какая-то небольшая информация все-таки приходила, но полной уверенности в ее достоверности не было. Что это за материал? Какие у него свойства? Каким образом его надо получать? Как из такого металла делать конструкции?.. На эти вопросы предстояло ответить до мельчайших деталей. И если по конструкции ядерной бомбы все-таки материалы поступили, то по технологии получения плутония — ничего!

— *Только сам факт, что используется плутоний?*

— Да, только это... Впрочем, сомнения оставались: а вдруг это дезинформация?! Однако руководителям "Атомного проекта" сразу же стало очевидным, что нужно создать то, что сейчас мы называем "тепловыделяющим элементом". Тогда же он именовался просто: "блочок". Нужно было, чтобы он наработал в реакторе плутоний, не разрушаясь и не меняя своей формы. Затем из него нужно было выделить плутоний, превратить его в металл, который можно использовать в ядерной бомбе. Эта комплексная материаловедческо-технологическая проблема и была поручена "Девятке".

— *И ключевой фигурой стал?*

— Андрей Анатольевич Бочвар, чье имя носит наш Институт...

— *Нельзя ли сформулировать главную особенность работы в то время?*

— Коллективу Института приходилось решать сугубо как теоретически-фундаментальные проблемы академического уровня, так и разрабатывать реальные технологии и процессы. Тот самый случай, когда "большая наука" сразу же реализуется в практику. Это создание установок, приборов, специальной аппаратуры. Надо было постоянно знать, что именно получается в том или процессе, а затем путем многочисленных преобразований получать соли и из них уже выделять металл... Фантастически сложная проблема!

— *А почему было выбрано именно это место? Рядом ведь Курчатовский институт... Может быть, была идея создать своеобразный "ядерный остров"?*

— Судить мне трудно, так как я практически ровесник Института... Однако думаю, что это не случайно. Все наши организации работают с реальными расщепляющимися материалами, и они должны были быть рядом... В свое время здесь была окраина Москвы — деревня Щукино.

— *В Новосибирске комбинат тоже был за городом, а потом оказался в его черте. Одно время хотели его сделать закрытым, как и другие города Минатома. Возможно, и здесь предполагалось такое?*

— Не исключено... Но город быстро рос, и предприятия оказались внутри его... Однако все было так засекречено, что даже слова "уран", "плутоний", "оружие" не употреблялись. Но, видимо, руководство страны считало, что надо собрать воедино, в один кулак, такие институты как Курчатовский, "Девятку", Институт биофизики, Институт специальной аппаратуры и другие. Вот так и образовался "ядерный остров" в Москве.

— *Существует весьма распространенное представление, что ничего особо сложного в твэле нет...*

– Я понимаю, что вы пытаетесь меня спровоцировать, мол, разве можно так говорить и думать?! Но ведь, действительно, большинство людей даже не представляют что такое современный твэл...

– *Что в нем необычного? Неужели они так разнообразны – и для каждого реактора нужен свой твэл?*

– Разберите любой прибор, установку или машину – там ничего нет сложного, все очень просто... В тех же часах – пружинка, колесики... Так суть состоит в том, что для того, чтобы колесики крутились, а часы не просто что-то показывали, а точное время, причем не месяц, не год, а на протяжении всей жизни часов, нужна большая наука, очень серьезная технология и очень серьезное конструирование!.. Это общий ответ на частный, казалось бы, вопрос. В любом деле не бывает дел второстепенных, не бывает мелочей. Любой элемент конструкции должен быть надежен...

– *И тем не менее?*

– Вся работа реактора идет через твэл, в нем происходит процесс деления, он дает тепловую энергию. Это – сердце реактора... Мы должны получить уран соответствующего состава, получить требуемые соединения, сделать наружную очехловку из материала, который тоже должным образом получен, провести герметизацию, проконтролировать все... Наш Институт является головным по твэлам, у нас работают Главные конструктора твэлов различного назначения.

– *У вас он рождается и погибает?*

– Да, твэл отработал, и он должен быть извлечен из реактора, храниться, а затем перерабатываться для извлечения ценных компонент и их отделения от отходов. Ну, а отходы должны быть надежно изолированы. Это важнейшая проблема в атомной энергетике, и пока общественность не убедится, что мы ее решили, она не будет нас поддерживать.

– *Все-таки, наверное, странное ощущение, когда делаешь первый шаг в области абсолютно новой! А Институт начинал с чистого листа, откуда же уверенность в успехе? Или иного не дано?*

– Так уж случилось, но эту проблему я не обсуждал с Андреем Анатольевичем Бочваром. Между нами была большая дистанция, он меня назначал и.о. начальника лаборатории, а в конкурсе я участвовал уже без него... Мне кажется, что академик А.А. Бочвар очень четко понимал, что нет неразрешимых задач – он считал, что фундамент нашего Института технология и материаловедение, иначе проблему топлива не вытянешь. И он оказался прав.

– *Ваш Институт очень высоко ценят!*

– Рывок был значителен. Когда у нас появилась возможность сравнивать, то оказалось, что краснеть не надо – мы не уступали

Западу, а кое-где и превзошли их, хотя, как понимаете, наши люди работали в несравненно худших условиях, чем коллеги за океаном.

– *Вы какое время имеете в виду?*

– Создание оружия и рождение атомной энергетики.

– *И когда же этот рывок завершился?*

– В конце 70-х – начале 80-х годов. Были решены принципиальные вопросы создания оружия и развития атомной энергетики... Ну, а потом случился Чернобыль, перестройка и все остальное...

– *"Атомный проект" можно сравнить с полем, на котором вырастали комбинаты, полигоны, ядерные центры... И какова же роль "Девятки"?*

– Материалы и технологии – это основа любого проекта.

– *Значит, можно сказать: удобрения для роста атомной индустрии давал ваш институт?*

– Пожалуй, такое сравнение правомочно... Институт – научный материаловедчески-технологический базис отрасли. Я все время твержу: "Наше первоочередное дело – материалы и технологии. Только они дадут возможность Институту жить и развиваться!"

– *Но у вас есть любимый материал – плутоний?*

– Нет, я им раньше не занимался, к плутония я подошел только сейчас. Причем во многом вынужденно, так как возникла проблема разоружения, и в связи с этим утилизация плутония. Это проблема комплексная и директор института просто обязан ею заниматься!

– *Почему именно сейчас?*

– Надо извлекать плутоний из оружия, хранить его, преобразовывать в топливо для АЭС так, чтобы не было возможности вернуть его для военных целей.

– *Боевому материалу дать мирную профессию?*

– Образно говоря, да... Надо плутоний перевести в топливо, создать на его основе тепловыделяющий элемент. Проблем масса!

– *И самая главная? Вроде бы есть уран и плутоний – оба "взрываются", но с первым все ясно, а плутоний – одни загадки?*

– Плутоний – техногенный материал. Его в природе не существует, он создан человеком в результате технологических операций. Это непростой материал, имеющий много состояний и превращений, и достаточно мягкий...

– *Поясните, пожалуйста...*

– "Мягкий", то есть податливый, низкопрочный, малопригодный для конструирования...

– *"То явится, то растворится"?*

– Вот именно! Все время меняет свой облик в зависимости от условий. Очень сложный материал, непонятный поначалу... И заслуга академика Андрея Анатольевича Бочвара и его соратников как раз в том, что они изучили плутоний, исследовали его свойства, что позволило использовать его в оружии... Вполне естественно, что и сейчас работы с плутонием продолжаются уже на современном уровне...

– *Если не использовать плутоний в оружии, то что с ним делать?*

– Его надо переводить в какое-то соединение, чтобы использовать в твэлах для АЭС.

– *"Какое-то"? Говорят, что это – "головная боль физиков в разных странах"?*

– Не только физиков. Могу сказать, что принципиальных технологических сложностей для перевода его в топливо нет. Суть спора состоит в том – каким образом использовать плутоний в атомной энергетике или проще его захоронить. Тут скорее экономические и организационные проблемы. Сколько будет стоить топливо из плутония? Способно ли оно конкурировать с другими видами топлива? Насколько эта задача актуальна?

– *Правильно ли я понимаю проблему: есть энное количество плутония и его можно хранить до лучших времен, когда он потребуются для энергетики, или уже сейчас бурно развивать атомную энергетiku и в реакторах АЭС сжигать этот самый плутоний?*

– Хранение плутония – это необходимый этап обращения с этим материалом вне зависимости от его дальнейшего использования. Даже если мы вовлекаем его в атомную энергетiku, то срок этот будет достаточно длительный – оптимистично 25-30 лет, чтобы утилизировать те 50 тонн плутония, который, как заявлено, не требуется для обороны. Так что хранилища надо создавать... Следующий вопрос: сколько может храниться плутоний? Ответы разные, но срок 50 лет – реальный... Но механизм хранения – "затратный". Это специальные условия, помещения и так далее. И что дальше? Мы склоняемся к тому, что плутоний – ценный энергетический продукт, и его надо использовать в атомной энергетике. Но полностью адаптированных к плутонию реакторов нет, нет и предприятий по производству нового топлива. То есть опять большие затраты... Плюс к этому жесткая конкуренция с урановым топливом, а урана, как известно, достаточно...

– *Порочный круг получается: есть плутоний, а использовать его нельзя?!*

– Избыточный оружейный плутоний несколько опередил и обострил ситуацию с широким использованием плутония в АЭС. Пока

запасы урана большие, и до середины XXI века его хватит. Это, на мой взгляд, результаты мудрого руководства, которое берегло собственные запасы урана в России и ввозило его из других стран.

— *Пожалуй, это главная заслуга Ефима Павловича Славского, который всегда говорил, что будущее "дышит нам в затылок"!*

— И именно такую политику он проводил... Кстати, аналогичная позиция и у США. И не только по урану. Свое органическое топливо они хранят, а качают нефть со всего света... И потому им развитие атомной энергетики сегодня не нужно, но научный и технологический уровень они тем не менее поддерживают на хорошем уровне. Более того, они сейчас не перерабатывают отработавшее ядерное топливо, откладывают это на будущее. Хотя работы по сжиганию оружейного плутония в АЭС начаты.

— *Но ведь это очень дорогое удовольствие?!*

— Оценки программ и у нас и у американцев есть, и это миллиарды долларов. У нас это будет дешевле, но таких денег сейчас у государства нет... Поэтому в первую очередь расчет на зарубежные инвестиции. То есть на американцев.

— *Почему вы говорите об этом мрачно, не радуетесь?*

— Мы привыкли решать проблемы страны собственными силами. Для этого есть научный потенциал.

— *Все же — где выход?*

— Альтернативы атомной энергетики нет, и она будет развиваться. Думаю, на рубежах середины нынешнего века потребуется мощная атомная энергетика, и без использования плутония уже не обойтись. А сегодня представляется хорошая возможность, чтобы начать создавать технологии, установки, предприятия. Да, нужны затраты, но без них мы не сможем проложить путь в будущее. Это уже государственная политика... Американцы уже это делают, а они люди весьма практичные и никогда деньги напрасно не тратят.

— *У вас тесные контакты с предприятиями отрасли?*

— Конечно. Мы работаем на нашу промышленность.

— *Куда у вас была первая командировка?*

— В Электросталь на "Машиностроительный завод". Меня отправили туда, чтобы я познакомился с производством твэлов. Ходил по цехам, по участкам... Производство, конечно же, необычное, ни на что не похожее... Ну и наши ближайшие партнеры — "Маяк", Новосибирский комбинат, Чепецкий механический завод, СХК, ГХК да и все остальные крупные предприятия Минатома! Это все предприятия очень хорошие, современные...

— *Вы уже побывали за последнее время во многих странах, можно ли сравнивать наши институты и предприятия на равных? Что у нас лучше, что хуже?*

– Я не вижу сегодня ни научного, ни технологического отставания от Запада. Уровень выпускаемой продукции, оборудования не ниже. Сейчас мы занимаемся проблемами качества, соответствующего международным стандартам, и это вполне достижимо. И в этой области успехи наших предприятий очевидны. Но хочу подчеркнуть одно слово – "сегодня"! К сожалению, мы еще не во всем определились, что надо делать завтра... Если бы начали толково, продуманно перестраиваться в рыночную экономику, то и результаты были бы другие. Ситуация странная: меня не покидает ощущение, что нет заботы о будущем. А ведь мы будем жить и завтра, и послезавтра! Нельзя жить только сегодняшним днем...

– *Психология временщиков?*

– Это сказано резко, но возражать не буду...

– *Ваш Институт живет и работает потому, что ваши предшественники думали о сегодняшнем дне?*

– Безусловно! Они создавали "запас прочности". Мы "проедаем" то, что они сделали... Сегодня получение средств на научную разработку – громадный труд. При ее обосновании задаются вопросы типа: "Где рынки сбыта?" Да если бы работа была завершена, я бы сам ее давно отнес на "рынок". Средства же нужны для проведения исследований, предотвращения отставания или закрепления на передовых позициях в ключевых областях. Но этого чиновники не понимают... Нужна строгая государственная политика, необходимо определить, что является для страны главным...

– *Если бы пришел академик Бочвар к министру Славскому и сказал, что ему нужны деньги для решения той или иной проблемы...*

– Они были бы немедленно выделены! Было доверие к науке, к ученым!

– *Не кажется ли вам, что мы находимся во власти большой лжи? Ведь сразу после войны денег было намного меньше, чем сейчас, но тем не менее наука, ученые и жизненно важные программы для страны поддерживались?!*

– В разные периоды жизни любого государства есть реальные возможности, и от того, как они реализуются, можно говорить об эффективности того или иного руководства. В истории остаются только дела...

– *Атомная промышленность выгодна для страны, или она ее головная боль?*

– Очень выгодна! Первое – ядерное оружие. Как хорошо известно, это "самый дешевый способ поддерживать мир на планете". И минувшие полвека после Второй мировой войны подтверждают это. Если мы хотим, чтобы Россия нормально развивалась и жила, то ядерному оружию необходимо уделять соответствующее

внимание, и конечно же, выделять нужные средства. Второе — атомная энергетика и ядерно-топливный цикл. Есть возможность, чтобы они были на полной самоокупаемости. Ясно, что атомная промышленность — основа технического прогресса...

— *Я рассказываю о Виталии Федоровиче Коновалове...*

— Это государственный человек. Он всегда ценил ученых и науку. Поддерживал нас и "Девятку" будучи и директором крупнейших предприятий отрасли, и министром. Однако особую роль он сыграл в самые тяжелые годы для отрасли — 90-е. Будучи президентом ОАО "ТВЭЛ" он заботился о "Девятке", помогал в финансировании самых современных, а следовательно, важных для атомной промышленности исследований. И то, что мы поддерживаем эту область науки и техники на мировом уровне, безусловно, и заслуга Виталия Федоровича.

...У каждого путешествия есть свое начало. Знакомство с ОАО "ТВЭЛ" началось у меня с "Девятки", и, безусловно, это правильно, потому что "научная и технологическая столица" топливно-энергетического цикла находится здесь. Именно от "Девятки" тянутся во все концы страны и за рубеж те нити, которые объединяют современную науку и современное производство. Одна из них соединяет не только две республики — Россию и Казахстан, но и нынешний день нашего героя с его прошлым.

Наш разговор с Коноваловым об Ульбинском комбинате и Усть-Каменогорске был бы незавершенным, если бы я не спросил его:

— *Доводится нынче бывать в тех краях?*

— Конечно. Летаю туда в командировки, потому что в "ТВЭЛ" комбинат начинает играть все более важную роль. Сегодня комбинат возрождается, он выбирается из той глубокой ямы, в которой оказался в последнее десятилетие прошлого века. И всегда там чувствовали поддержку России. Мы имеем "Золотую акцию", а потому считаем Ульбинский комбинат "своим" предприятием. Не в том смысле, как это иногда любят преподносить журналисты, мол, вмешиваемся в дела наших товарищей в Казахстане, нет, речь идет о взаимовыгодном деловом сотрудничестве, а это предусматривает в любых условиях, в том числе и рыночных, внимательное отношение к каждому предприятию, вне зависимости от его географического положения. Все решения мы принимаем сообща, и это нормально, потому что работаем вместе!

Ашық акционерлік қоғамы
 "УЛБІ МЕТАЛЛУРГИЯЛЫҚ ЗАВОДЫ"
 ААҚ "УМЗ"
 Қазақстан Республикасы 492026, Өскемен қаласы,
 Абай даңғылы, 102

Открытое акционерное общество
 "УЛЬБИНСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД"
 ОАО "УМЗ"
 Республика Казахстан, 492026, г. Усть-Каменогорск,
 проспект Абая, 102

№ 0000001

ЗОЛОТАЯ АКЦИЯ

Дата выпуска
 " 21 " января 2000г.

"Золотая акция" неделима, не имеет установленной номинальной стоимости, не участвует в формировании уставного капитала ОАО "УМЗ" и в получении дивидендов, предоставляет держателю право "вето" при принятии решений общим собранием акционеров ОАО "УМЗ".

Имя держателя - открытое акционерное общество "ТВЭЛ", Россия, 101000, Москва, Большая Ордина, 24/26.

Объявленный уставной капитал ОАО "УМЗ" составляет 2 648 274 000 (два миллиарда шестьсот сорок восемь миллионов двести семьдесят четыре тысячи) тенге.

Выпущено акций:

- проставленных акций номинальной стоимостью 1000 тенге в количестве 2 383 447 экземпляров на сумму 2 383 447 000 тенге, которым присвоен Национальный идентификационный номер КЗТС 18702018;
- привилегированных именных акций без права голоса номинальной стоимостью 1000 тенге в количестве 264 827 экземпляров на сумму 264 827 000 тенге, которым присвоен Национальный идентификационный номер КЗТР 18702013.

Государственная регистрация эмиссии акций произведена Национальной комиссией Республики Казахстан по ценным бумагам - Свидетельство о государственной регистрации второй эмиссии акций ОАО "УМЗ" № 02-2-3/55599 от 16.09.99г. Эмиссия внесена в Государственный реестр ценных бумаг под номером А 1870-1

Председатель Правления -
 Генеральный директор ОАО "УМЗ" -

В.Г.Хабеев

Разговор третий:

Я решил довериться Его Величеству Случаю: тему выбирать не будем, а просто перелистаем страницы биографии – убежден, обязательно встретится что-то необычное, а следовательно, интересное для всех.

– Откуда вы, Виталий Федорович?

– Из Свердловской области. У моих родителей было четверо детей, я – старший. Кончил школу в Свердловске с золотой медалью, а потому мог поступить в любой вуз без экзаменов. В то время все мы увлекались физикой, атомной энергией. Я покупал книги, с упоением читал их. И еще: я играл в баскетбол и входил в сборную команду города. Как раз в это время шла спартакиада, а потому у меня не было времени, чтобы документы во-время сдать в вуз. Мы выиграли первое место, и наша команда стала основой для сборной России. Освободился я поздно: уже документы в УПИ не принимали. Таких как я медалистов оказалось несколько: однако причины задержки у них были иные – они поступали в другие вузы, а потом решили идти в УПИ. Директор института Качко позвал нас к себе, и начал меня приводить в пример, мол, у Коновалова причина задержки серьезная и уважительная – он играл в баскетбол, а вы "бегали по вузам, и в наш решили в самый последний момент..." В общем, отчитал всех крепко, но всех зачислил. Ко мне относился по-доброму, потому что любил баскетбол, и в УПИ была одна из самых лучших команд... Я поступил на физико-технический факультет УПИ как раз в 1950 году, когда прошло испытание первой атомной бомбы.

– Так что ваш путь начался под его сенью или тенью: уж сам не знаю, как сказать точнее... Физиков в семье не было?

– Нет. Мама была учительницей. Преподавала математику в школе. Отец – на хозяйственной работе. Четверо детей и послевоенные годы. Конечно, было трудно. Как и всем в то время. Каждое воскресенье брали мешки и отправлялись в зеленую рощу. Надо было набрать свежих кустов крапивы, мама варила щи из крапивы, и на неделю нам еды хватало.

– В институте было ясно, чем придется заниматься?

– Учеба шла направленно. На факультете мы были второй набор, а потому внимание было особое. Учились мы шесть лет.

Защищали дипломы на предприятиях. Я попал на "Маяк".

— Что-либо о нем знали?

— Понятия не имел о том, что делалось там... Направили — приехал... Там еще не было случая, чтобы из этой зоны кого-то выпускали...

Заметки на полях. Из воспоминаний ветеранов "Маяка".

О "Маяке" теперь можно говорить. К счастью, и правду тоже. О тех условиях, в которых пришлось жить и работать в те далекие пятидесятые годы, вспоминают ветераны комбината В.А. Бородин, В.М. Константинов и Э.Г. Апенев. Их рассказы я записывал несколько часов — ветераны воссоздают историю родного предприятия. Но здесь я приведу лишь фрагменты их рассказов, имеющих отношение к тому времени, когда туда приехал студент Виталий Коновалов. Ему не положено было ничего видеть "лишнего", он это и не видел...

В.А. Бородин: "Первое время у нас были приборы, предназначенные для обычной химии. И они не очень годились для нас. Жесткое излучение, к примеру, выводило из строя изоляцию. И самое главное — тяжелое очень обслуживание всей техники. Как правило, датчики стояли на аппаратах, где обрабатывались облученные блочки, понятно, что поля там были огромные. К сожалению, часто случались аварии. И нам приходилось работать в таких условиях. За одну смену мы "имели право" взять пять бэр. Сейчас это — годовая норма!"

Э.Г. Апенев: "Как солдаты, призванные в армию, мы понимали, что идем в бой и тебя могут убить или ранить. Но мы не считали, что обречены на гибель. И о безопасности думали. Было положено 30 или 50 рентген в год, то легко подсчитать, сколько я должен брать за смену, и не больше! Так зачем я полезу туда, где не нужен и где поля большие?! Потекли трубы, начала замачиваться кладка, пошло зависание и распухание блоков. И тут наступил час ответа — как быстрее ликвидировать аварию и запустить реактор на мощность. Да, старались работать быстро и грамотно. Повторных ошибок уже не допускали. Ну а "тельняшку на груди не рвали", записок "считайте меня коммунистом" не писали — работали и учились. Чувство долга? Было. И примером для нас старшие товарищи. Они вернулись с войны... Генерал-лейтенант Б.Г. Музруков, начальник нашего объекта, сидит в центре зала — ему стул специально поставили! — и наблюдает, как ликвидируют аварию, блочки вынимают... Нами руководили люди, которые за чужие спины не прятались..."

В.М. Константинов: "Я получил лучевую болезнь через год после начала работы. Но замены не было, а потому я продолжал заниматься своими приборами и аппаратурой. На какое-то время нас выводили на "чистое" производство. Формула крови восстанавливалась, и мы снова возвращались на прежнее место..."

Трудно что-либо добавить к словам ветеранов "Маяка", да, вероятно, и не нужно: человеческий подвиг всегда остается подвигом, даже если его и стараются принизить. Сейчас, к сожалению, появились люди, которые пытаются пересмотреть историю. Они доказывают, что атомная бомба нашей стране была не нужна, мол, все равно американцы не собирались ее применять против нас...

Спорить с такими "историками" не хочется, да и не Истина их интересует — просто они выполняют заказ тех, кто пытается возвыситься над прошлым, а для этого его нужно унижить и растоптать.

Но наша история — это наша история, и она складывается из человеческих судеб. Особую роль играли те, кто работал в те годы на "Маяке" — ведь именно там проходила главная линия фронта "холодной войны".

— Как же вам удалось вырваться из-за колючей проволоки? — спросил я у Коновалова.

— Мы с собой никаких зимних вещей не взяли. И это сыграло свою роль — нас выпустили...

— А чем там занимались?

— Диплом у меня был по разделению урана и плутония из блочков. Их какое-то время выдерживали, потом снималась алюминиевая оболочка...

— Радиохимия?

— Да, завод "Б". Плутоний — отдельно, а урановую цепочку довести до логического завершения.

— Что запомнилось особо?

— Огромное количество бутылок, которые выгребались из общежития после выходных! Существовало поветрие, что спиртное выводит радиацию.

— Но в то время на заводе "Б" люди получали огромные дозы!? Насколько мне известно, это был самый "грязный" участок ураново-плутониевой цепочки?

— Висел у входа круг, в котором было обозначено, сколько времени можно находиться в том или ином месте. В одном месте — 5 часов, чуть дальше — 3 часа, а потом вдруг — 30 секунд!.. Значит, здесь надо бегом, и как можно быстрее... Сначала мы посмеивались, но потом все-таки начали следовать всем указаниям: за недисциплинированность можно было серьезно поплатиться... В общем, выросли быстро... Каждый день мы получали кассету, а после смены сдавали ее... Если ты "перебрал", то получал отгул. Однако вскоре выяснилось, что нашлись "умники", которые специально "засвечивали" свои кассеты — такие места были хорошо известны... И тогда руководство

приняло иное решение: за "перебор дозы" начали лишать премии.

— *Знаю, что Ефим Павлович Славский ввел жестокую кару: если на участке или цеху люди переоблучались, то руководителя тотчас же понижали в должности...*

— Но началась другая тенденция: приходил человек на работу, прятал кассету в сейф, а вечером ее забирал.

— *Вы эти "тонкости" сразу узнали?*

— Естественно, потому что нас сразу же определили на рабочие места, и мы оказались на равных с остальными... Но о радиации в то время никто толком ничего не знал, хотя уже смертельные случаи были зафиксированы. Но мы были молоды, сильны, и казалось, что всякая там радиация к нам отношения не имеет!.. Девчонок не было, мы жили в основном мужскими компаниями... Понятно, что "дезактивировались" часто... Там же на предприятии защитил диплом. Была создана комиссия, председателем ее был назначен главный инженер комбината. В общей сложности я был в Челябинске-40 один год. Оценки за работу нам выставили, а дипломы мы получали уже в Свердловске.

— *А потом удавалось бывать на "Маяке"?*

— Конечно, так как это одно из ключевых предприятий отрасли. Оно многими нитями связано со всей атомной индустрией, а потому мне приходилось приезжать в Челябинск-40 и из Усть-Каменогорска, и из Глазова, и из Москвы, — отовсюду, где мне довелось работать. "Маяк" — это главное предприятие. Во-первых, исторически так получилось, что именно здесь был получен первый плутоний, здесь осваивались сложнейшие радиохимические процессы, а потому отсюда на другие предприятия шли специалисты. Потом были Томск и Ангарск, а первым был и остается Озерск! И, во-вторых, сегодня "Маяк" — единственное предприятие, где перерабатываются отслужившее свое топливные сборки. Здесь же идет работа с регенерированным материалом, со смешанным топливом. Так что опять-таки "Маяк" становится кузницей кадров для будущей атомной энергетики. Там есть и реакторы, и гидрометаллургия, и радиохимия, и разделение урана и плутония, и многое другое. В Челябинске-40 ведутся большие работы по реабилитации территорий, и этот опыт также пригодится в разных районах страны и за рубежом.

— *Как вы оказались после Ульбинского комбината в Глазове? Казалось бы, освоили новое производство, работа очень интересная, перспективы определены и вдруг Глазов? Что побудило уехать? Или танталовые муки закончились?*

— Они никогда не кончатся, потому что вечные... Это был 1974 год. Начальником главного управления Средмаша стал Потанин...

Короткая справка: Владимир Петрович Потанин был директором Ульбинского металлургического завода в 1961-1974 годах. Дважды лауреат Государственной премии СССР, награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом "Знак Почета". С ним связано становление и развитие Ульбинского комбината как крупнейшего в отрасли.

...Он приехал в Усть-Каменогорск из Глазова. Тогда многие были направлены в Казахстан оттуда, так как в Глазове было одно из первых наших предприятий. "Электросталь", "Маяк" и "Глазов" – это, образно говоря, три кита, на которых держалась атомная промышленность СССР. Если раньше из Глазова уезжали специалисты, то теперь начинался обратный процесс.

– *Там решили расширять производство?*

– Начиналась "Большая атомная энергетика", она требовала новых подходов и новых людей.

Потанин знал меня, а потому и предложил стать директором. Ему казалось, вероятно, что нужен человек со стороны.

– *У меня сложилось странное впечатление от первой встречи с Глазовым... Это было в середине 60-х... Поезд остановился всего на одну минуту...*

– Да, там было запрещено им задерживаться...

– *Я выскочил на платформу и поразился: вокруг покосившиеся деревянные здания, убогая платформа... Но едва мы с встречающими зашли за здание старенького вокзала, как увидели прекрасные дома, асфальтовую дорогу и две черные "Волги"... Контраст был поразительный!*

– Из-за секретности такое происходило... Хотя если поехать на поезде дальше, то открывается на повороте вид на долину и весь комбинат как на ладони... Сейчас и привокзальная площадь имеет соответствующий вид, и вся станция – теперь скрывать ничего не надо. А в те годы западные радиостанции передавали, что "Глазов – один из первых объектов для атомного удара в случае ядерной войны". Тем самым подчеркивалось его значение в системе обороны страны. Глазов – это главное перерабатывающее предприятие отрасли.

Факты из истории: Постановлением Совета Министров СССР от 9 декабря 1946 года и приказом начальника ПГУ от 19 декабря 1946 года патронный завод № 544 Министерства вооружений передается в систему ПГУ для организации на его базе крупномасштабного производства металлического урана.

1950-1953гг. — на комбинате № 817 вводятся в эксплуатацию четыре вновь построенных уран-графитовых реактора (научный руководитель Курчатов И.В.) и тяжеловодный промышленный реактор (научный руководитель Алиханов А.И.).

На комбинате № 813 вводятся в эксплуатацию заводы по получению урана-235 90 процентов обогащения (научный руководитель Кикоин И.К.).

В Свердловске-45 вводится в эксплуатацию промышленная установка (СУ-20) по получению урана-235 электромагнитным методом (научный руководитель Арцимович Л.А., главный конструктор Ефремов Д.В.)

На заводе № 544 в городе Глазове вводятся в строй крупные производственные мощности по переработке богатых урановых руд.

— *Город понравился?*

— Это ведь старинный город... Там знаменитые лечебные источники, которые до нынешнего дня действуют. Город находится в очень красивом месте. Условия для работы и жизни там очень хорошие.

— *При назначении директором какую задачу перед вами поставили?*

— Началось бурное развитие "Большого циркония". Атомная энергетика требовала этот металл. Урановое производство уже было налажено в Электростали и Усть-Каменогорске, так что "начинка" у твэла была, а вот с оболочкой были проблемы. Было решено циркониевое производство полностью расположить в Глазове. Опытные работы уже были проведены, и было ясно — каким путем идти. Надо было развить большие мощности производства циркония и изделий из него. Это была задача, поставленная передо мной...

Заметки на полях. Репортаж для "Комсомолки".

В начале 60-х годов Глазов трижды принимал крупнейших ученых страны. Сюда приезжали академики А.А. Бочвар и А.П. Александров, член-корреспондент АН СССР А.С. Займовский, многие доктора и кандидаты наук. Здесь проходили отраслевые металлургические конференции, и посвящены они были повышению надежности твэлов.

Однажды в "Комсомольскую правду" позвонил первый заместитель министра Средмаша Александр Иванович Чурин и пригласил меня к себе. Оказывается — ему понравился мой материал об И.В. Курчатове, с которым он много лет работал вместе. Вдруг Чурин предложил мне поехать в Глазов и написать очерк о получении первого циркония. В беседе он подчеркнул, что в этой области, насколько ему известно, мы опережаем американцев.

Конечно же, я сразу согласился — не так часто журналистам предлагают побывать на суперсекретном предприятии! Мне выделили

сопровожающего. Это был полковник Ворошилов. Потом мы вместе бывали на ядерных взрывах, в том числе и на гашении газового фонтана в Уртабулаке...

Я привожу текст из того репортажа, опубликованного в "Комсомолке", и мне кажется, что он передает как атмосферу того времени, так и восхищение достижениями наших ученых и инженеров, которым было насыщено то время.

Сразу оговорюсь: все фамилии и должности вымышлены. Было непереносимое условие в те годы — в материалах с секретных предприятий не упоминать реальных людей, считалось, что разведки западных стран начнут за ними охотиться.

Итак, репортаж из 60-х ...

"Над проходной траспорант: "Мы боремся за звание предприятия коммунистического труда". Обычный траспорант, который можно увидеть на многих заводах и фабриках.

За проходной — фруктовый сад. Яблони, одевшись в белый праздничный наряд, провожают до самых дверей одного из цехов, с которого начинается знакомство с производством циркония.

— В этом цехе, — ведет "экскурсию" главный инженер завода В.С. Владимиров, — вырабатывается цирконий очень высокого качества. Говоря языком неспециалиста, самый лучший в мире, самый чистый. Зарубежные данные подтверждают это. Ни в одной стране технология не доведена до такого совершенства, как здесь. У нас существует и внедряется несколько методов получения этого замечательного металла. И, пожалуй, только на этом заводе чистота циркония вне конкуренции. Отсюда он идет на изготовление особо важных и ответственных узлов реакторов. В частности, наш цирконий отлично прижился на атомном ледоколе "Ленин"...

К цирконию нельзя не относиться с уважением. Ведь небольшие его добавки к стали делают ее прочной: он не только улучшает ее, но создает принципиально новый материал. Изоляторы и турбины самолетов, тугоплавкое стекло и осветительные ракеты, огнеупоры и мощная броня танков, — все они обязаны этому скромнику. Но, пожалуй, больше всего он необходим творцам атомных реакторов. В материале стержней использован цирконий: он беспрепятственно пропускает нейтроны — те самые "спички", которые заставляют вспыхнуть ядерное пламя.

Цирконий распространен в природе приблизительно так же, как медь, его много, но он неуловим, ибо ему везде сопутствует гафний.

Цирконий и гафний — близнецы. Они всегда вместе и очень похожи друг на друга. Их свойства близки. Все, кроме одного. А именно: если чистый цирконий хорошо пропускает нейтроны, то гафний непреодолимой стеной встает на их пути. Для нормального

режима реактора нужен и тот, и другой, но в принципиально разных узлах. Цирконий — как "одежда" для стержней с ураном, а гафний — как поглощающий материал для регулирующих стержней.

Чтобы выделить чистый цирконий, металлурги и химики объединили свои усилия. В исходном сырье около 50 процентов примесей: окись кремния, окись железа, титан, алюминий, гафний и несколько других спутников. Как от них избавиться? Прежде всего различными химическими процессами.

Цирконий очень устойчив. И поэтому, чтобы начать выделение металла из циркона (минерала), его соединяют с определенными химическими элементами. Образуется циркониевая соль, которая в отличие от своего родоначальника хорошо растворяется.

В цехе — царство химии. Огромные сосуды — химические реакторы — с раствором. Под тяжелыми стальными крышками идут сложнейшие реакции, которые "вымывают" из руды примеси. Они очищают ее от всего, кроме гафния, который из-за его привязанности к цирконию условно называют "изотоп". Но между изотопами, как бы они ни были родственны, есть маленькая разница. Найдена она между гафнием и цирконием. Это их отношение к катиониту. Один из них чуть-чуть охотнее, чем другой, соединяется с этим веществом, чем и воспользовались инженеры.

Вдоль стен тянется батарея химических аппаратов. В них-то и разлучают "близнецов": гафний и цирконий входят в первый аппарат вместе, "крепко держась за руки", но постепенно их "рукопожатие" ослабевает, пути расходятся, и каждый следует своей дорогой: гафний — в специальный цех, где после непродолжительных операций полностью очищается и отправляется на склад, а цирконий попадает на электролиз.

Расплавленный в электролизной ванне, он в течение нескольких десятков минут оседает на электроде. Кран медленно вытаскивает "циркониевую грушу". Порошок счищается, сушится и спекается. Темно-серые цилиндрики металла грузятся на тележку... Металл? Да, это цирконий, только хрупкий. В нем нет пока и намека на те свойства, о которых говорилось раньше. Металлурги должны перестроить внутреннюю структуру циркония, воспитать из него стойкого бойца, способного отразить натиск многочисленных противников внутри атомного реактора.

— Хочу рассказать интересный факт, который может пригодиться для очерка, — комментирует начальник цеха кандидат наук Олег Панов. — Виновницей была обыкновенная ниточка, она случайно попала внутрь камеры. Мы долго и старательно откачивали насосами воздух — вакуум должен быть предельный. Ведь цирконий жадно захватывает при больших температурах ионы

кислорода и азота, и качество металла ухудшается. Но полностью удалить воздух не удавалось. Приборы показывают, что воздуха нет, а проходит некоторое время — кислород и азот появляются вновь. Проверили герметизацию: все нормально. Что за чертовщина? Когда вскрыли камеру, так оказалась ниточка из спецовки. Она-то и "газила"...

Этот случай произошел вскоре после окончания строительства. Мы только осваивали производство металла, неясностей и загадок было столько, что сейчас даже трудно представить, как со всем справились. Сегодня же все десятки сложнейших аппаратов работают, как часы, бесперебойно и мало беспокоят... Производство циркония неуклонно совершенствуется. Результаты каждого исследования сказываются незамедлительно. Это одна из основных причин наших успехов. Ведь мы не только получаем цирконий в больших количествах, но и постоянно снижаем его себестоимость. Теперь она снижена в общей сложности в 4,5 раза. Это уникальное детище природы уже сравнительно дешево и широко применяется в промышленности..."

Публикация этого репортажа стала сенсацией. Он был перепечатан в нескольких зарубежных газетах, западные газетчики интересовались подробностями.

Однако суть была не в том, что есть такой завод, на который пустили корреспондента. Оказывается — фронты "холодной войны" теперь переместились с боевых позиций ракет и ударных подводных лодок на разработку принципиально новых технологий и получение новейших материалов. Быстрее всего эту перемену почувствовали атомщики, и появление материала о цирконии стало своеобразным сигналом для наших сторонников и противников за рубежом о том, что и у нас думают о завтрашнем дне.

Но его пришествие связано уже с Виталием Федоровичем Коноваловым, который был назначен директором "Чепецкого механического завода" в марте 1975 года. Он проработал здесь четыре года. Я спросил его:

— *Что было самое трудное для вас?*

— Организация массового производства циркония и изделий из него. Это было строительство новых корпусов, освоение новых технологий. Цирконий нужен был для атомной энергетики, которая начала бурно развиваться не только в СССР, но и в странах Восточной Европы. Первые АЭС появились в Чехословакии, Болгарии, Венгрии. Началось строительство атомной станции в Финляндии. Кроме циркония развивалась в Глазове и урановая часть, так как объемы производства увеличивались. Ну и с материалами

"специального назначения" хлопот хватало. Отделить в нашей промышленности военную часть от сугубо гражданской необычайно сложно, подчас даже и невозможно...

— ... *А может быть, и не нужно?*

— Да, и не нужно! А остальное уже политика, которая, вмешиваясь в экономику, чаще всего приносит вред...

— *Чем запомнились особо годы в Глазове?*

— Все-таки новыми корпусами завода... И профессионально подготовленным коллективом, который исключительно дисциплинирован. С такими людьми было приятно и легко работать: мы понимали друг друга с полуслова. Безусловно, народ был абсолютно предан своему делу. Надо было остаться после смены — оставались, надо было работать круглые сутки — работали... Этим характерен Глазовский завод: профессионализмом и преданностью своему делу. Не всегда все шло гладко, возникали сложности с проектами, но коллектив работал безупречно, и новые цеха пускались быстро. Вот там, действительно, можно было говорить, что таким людям любые трудности по плечу, и это не было никаким преувеличением. Мощности наращивали быстро. Начали выпускать циркониевый прокат, трубы. Обеспечивали производство всех активных зон для реакторов, осуществляли всю требуемую программу выпуска циркония и изделий из него.

— *Даже лечебные циркониевые браслеты начали выпускать?*

— Это уже позже, после меня. А тогда начали понемножку продавать цирконий за границу. Именно как металл, а не только в твэлах и активных зонах.

— *Потребность в нем не упала?*

— Мы же постоянно пополняем активные зоны реакторов. Топливо стоит четыре года, следовательно, ежегодно одну четвертую часть его мы меняем. Объемы растут, так как новые станции вводятся. Увеличивается и срок службы топлива — до пяти лет, а следовательно, требования к цирконию повышаются. Мы выходим и на мировой рынок, что накладывает дополнительные требования. Появляются АЭС в Китае, Индии, Иране, и туда мы будем поставлять топливо. Так что объемы этих производств не только не снижаются, но и растут.

— *Некоторые производства в Глазове такие же, как в Усть-Каменогорске? Казахстан постепенно вытесняется?*

— Везде нужна здоровая конкуренция. Если какая-то продукция выпускается только на одном заводе, то психология у людей меняется, мол, они одни, а потому возьмут их продукцию в любом случае... По топливу такая конкуренция уже существует. Я имею в виду предприятия в Новосибирске и Электростали. У каждого

из них есть своя специфика, но каждое из них способно выпускать аналогичную продукцию. К примеру, заказы из Китая и Ирана выполняются в Новосибирске, а из Индии — в Электростали. Так что забот теперь у нас не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем раньше. И это не может не радовать, так как мы видим, что наше направление развивается... Кстати, в Глазове ассортимент продукции весьма разнообразен. Там, к примеру, кальций металлический выпускается — это одно из двух предприятий в России. Он идет на получение металлического урана, на разделение тантала и ниобия. Сейчас перед глазовцами стоит большая задача по производству сверхпроводящих материалов. То, что мы в свое время делали в Усть-Каменогорске, теперь аналогичное производство нужно создать в Глазове. Новые материалы — это высочайшие технологии, и вновь предприятие в Глазове надо быть в первых рядах технического прогресса.

— *А сам Глазов нравился?*

— Он мне чем-то напоминал Ленинград. Тихий, спокойный город. Не было никаких разбоев, воровства. Есть, где отдохнуть. Ездили за грибами и ягодами, ну и, конечно же, моя любимая рыбалка тоже отменная... Хорошо работалось там и отдыхалось. Так что самые лучшие воспоминания о тех годах, что я провел там.

— *Опыт добавился?*

— Безусловно. Цех — это цех, хотя и большой... А Глазов — это уже целый комбинат, на котором работало двадцать тысяч человек. Плюс к этому — завод-город, в котором около ста тысяч жителей. Ты уже в ответе не только за предприятие, но и в целом за жизнь города. Вполне понятно, что проблем множество: и социальные, и жилье, и медицина, и даже хоккейная команда. Поэтому жизнь в Глазове прежде всего запомнилась мне масштабностью работы и людьми.

— *Мне кажется, что будет приятно тем, о ком мы сейчас вспомним. О ком вам хочется сказать в первую очередь?*

— О многих и многих. Очень хороший коллектив руководителей подобрал директор С. Архангельский. Каждый из них внес существенный вклад в развитие комбината и города. Хочу назвать главного инженера завода И. Петрова, своих коллег В. Юдина, С. Головина, В. Кузнецова, И. Колесникова, Ю. Анисимова, Н. Копылова, Н. Шевелеву, В. Преснякову, А. Балкичева, И. Вороник... Безусловно, велика роль В.Н. Рождественского. Это были самые сложные годы предприятия, когда расчеты за продукцию практически не производились "живыми" деньгами, предприятия были предоставлены сами себе. Завод устоял, сохранил все, что нужно было сохранить, и обеспечил отрасль необходимой продукцией.

Разговор четвертый:

Он случился в тайге на берегу очень красивого озера, куда по утрам прилетали две пары лебедей. Но мы рыбачили в другом месте, там, где из одного озера в другой перетекала быстрая речка. Мы пробирались по камням, искали тихое местечко и именно туда забрасывали мушки. Иногда из глубин вылетала "черная молния" — это был харнус...

Половина работников Кольской АЭС заядлые рыболовы. Охотников тоже не меньше. Ну а остальные — грибники. Благо, что тут царствует полярный день, и "тихой охотой" можно заниматься всю ночь...

Золотая осень — это время без сна, потому что прилечь некогда — зовут озера и рощи, яркое солнце и туманы, что поднимаются над землей и водой утренними зорями. Солнце уже уходит на несколько часов за край тайги, но небо высвечено его лучами, а оттого рождается ощущение какой-то нереальности, почти сказочности.

Мы были на самой границы, в двух шагах от "колючки", которая, оказывается, опоясывает всю страну. Почему-то раньше я об этом не думал, а сейчас поразился, так как представил, что эти ряды колючей проволоки и нейтральная полоса идет через тайгу и болота, горы и пустыни — о, боже, сколько же труда человек вкладывает в то, что разъединяет его с другими народами!?

Сюда изредка приезжает во время отпуска Виталий Федорович Коновалов. И естественно, часть отпуска решил провести с ним директор Кольской АЭС Юрий Васильевич Коломцев, а мне, как говорится, сам бог велел тут же приехать к ним, мол, для того, чтобы "поработать".

Утром, днем и по вечерам мы рыбачили (об этом разговор особый, так как это фантастика!) и собирали грибы (по случаю Коломцев охотился), а когда темнело, то садились у костра или в предбаннике (тут прекрасная финская баня!) и беседовали. О многом, в том числе и о разных "атомных делах". Именно их я и выделяю, памятуя о целях данного повествования.

Итак, тайга, охотничий домик, граница с Финляндией, и удивительная "золотая осень", которая так редко случается здесь — будто для нас был природой приготовлен этот праздник...

Но мы не отвлекаемся, беседуем не торопясь. Благо тому способствует неплохое пиво, что мы успели закупить в Алаккурти. Это в семидесяти километрах отсюда — самое близкое цивилизованное место, столица здешней глухомани...

Преувеличиваю? Отнюдь... Утром поехали за хариусами — это два часа на "газике", по дороге подняли три выводка глухарей. Они паслись на таежной дороге, набивая свои зобы мелкими камнями — готовились к походу за брусникой... Теперь поверили, что глухомань? Где вы встретите такое!?! У меня подобного в жизни не случилось, да и глухаря видел всего два раза — под Тюменью и на Байкале...

Настроение у нас отменное — видели глухарей, да и хариусы брали отменно — наловились вдоволь, даже неугомонный Коновалов отвел душу... В общем, праздничный день получился, а потому даже грустные темы обсуждались легко и непринужденно.

Я уточнил у директора АЭС:

— Значит, какова доля Кольской АЭС в энергоснабжении этих мест?

Коломцев улыбнулся и ответил:

— Здесь работает дизель, значит — нулевое... А если серьезно, то мы даем более половины энергии для Кольского полуострова и частично передаем в Карелию...

К разговору присоединяется Виталий Федорович Коновалов. Он и начинает комментировать ответ Коломцева:

— Точно всегда говорить трудно, тем более, что год от года многое изменяется. К примеру, будет ли "большая вода" весной — если "да", то режим работы гидростанций один, "нет" — другой. А существование Кольской атомной станции гарантирует, что вся энергетика будет работать нормально. Считается, что на Севере много рек, причем полноводных, и, мол, они дадут нужное количество энергии. Но это не так, а если познакомишься с ситуацией подробнее, то совсем не так. И опыт эксплуатации Кольской АЭС это подтверждает.

— Вы стояли у истоков рождения плана "большой атомной энергетике". В чем была его суть?

— Уголь, нефть и газ не настолько перспективное топливо, что можно было планировать развитие энергетике на их основе. Поэтому предполагалось расположить АЭС по территории страны более равномерно.

— Но запасы газа огромны!?

— Неразумно его сжигать, надо использовать в химии. А у нефти есть начало и есть конец. Уголь слишком — дорог... А устойчивость энергетике связана с рациональным размещением производств, и в первую очередь АЭС.

— 25 лет назад построили на Кольском полуострове атомную станцию и дали энергию. Люди уже привыкли, что ее хватает и на

предприятиях, и в домах — тепло, светло... Но через пять лет выводится из эксплуатации первый блок, через шесть — второй... А замещающих мощностей нет!?! Что же делать? Новые блоки за это время построить не удастся — просто невозможно успеть! Значит, возвращение к дефициту энергии?

— Вот я и воюю за вторую Кольскую!.. Все "за", но денег в стране нет..., — говорит Коломцев.

— Я не убежден, что через пять лет мы остановим первый блок. Думаю, что срок его службы будет продлен, не так ли, Юрий Васильевич? — замечает Коновалов.

— Безусловно.

— Таким образом, у нас запас времени есть... Я недавно был у соседей, в Финляндии. Они размышляют о том, чтобы продлить срок службы станции до 50 лет.

— Есть целый ряд мероприятий, которые позволяют это сделать. Тут задействована большая наука...

— Но с другой стороны, если бы нормально и разумно вкладывали средства во вторую очередь Кольской станции, то таких вопросов, как ваш, не возникало бы. С моей точки зрения, делается большая ошибка, когда в тарифы электроэнергетики, снимаемой с шин АЭС, вносят инвестиции в строительство новых атомных станций. Нигде в мире этого не делается. И каждый потребитель, который старается купить энергию подешевле, протестует. Как результат, инвестиции на строительство новых АЭС собираются плохо, и денег нет. Следует убрать эти "добавки" из тарифа, оставить в нем только то, что нужно на реконструкцию и издержки самой станции, а инвестиции — это должна быть совсем отдельная статья.

— *Государство должно этим заниматься?*

— Да. Но возможны и средства Международного фонда, либо иностранные... Это уже иная проблема...

— Могут и предприятия инвестировать... У нас на Кольском полуострове есть мощные комбинаты, концерны, которые заинтересованы в дешевой энергии.

— Верно! Инвестора легче найти и соответственно деньги. А когда ходишь с протянутой рукой, то можешь рассчитывать лишь на удачу и щедрого дяденьку. Для развития атомной энергетики эти методы неприемлемы.

— *Вы считаете, Виталий Федорович, что средства на новые блоки в России есть?*

— Безусловно, 4-5 энергоблоков строить нам по силам... А снизив тарифы на электроэнергию, мы дали бы кислород промышленности. Она ведь задыхается из-за дороговизны энергии.

— *А как расплачиваться за инвестиции?*

– В будущую работу АЭС включать затраты, но не на 3-4 года, как сейчас, а на полвека. И это экономически грамотно.

– *Так что продление срока службы блоков – магистральный путь нынешней атомной энергетики России?*

– Это обязательно будет делаться! А с другой стороны, все-таки надо изыскивать средства на строительство новых энергоблоков. Причем это надо делать так, чтобы максимально использовать уже существующую инфраструктуру. По-моему, это разумно делается здесь – Кольская АЭС-2 как бы "подхватывает" традиции первой АЭС.

– *А Юрий Василевич считает иначе, мол, надо было бы строить на Белом море...*

– Я думал не о завтрашнем дне, а о послезавтрашнем... Все-таки именно там надо было развивать мощный энергетический узел...

– Такая уж ситуация, что о далекой перспективе не можем заботиться... А с нынешним расположением Кольской АЭС-2, думаю, надо соглашаться – это наиболее дешевый вариант. Не так ли, Юрий Васильевич?

– Я сам выбирал этот вариант, сам его подписывал. Хотя прекрасно понимаю, что нагрузка на наши Полярные Зори ляжет большая, если стройка по-настоящему развернется...

– *Виталий Федорович, я пользуюсь случаем, а потому спрашиваю: "Вам нравится Кольская атомная? Вы ее выделяете из других станций? Если "да", то почему?"*

– Что значит нравится или не нравится? Это о девушке так можно говорить... Эта станция необходима, она достойно выполняет все задачи, которые на нее возложены. И более того: надо бы рассматривать вопросы экспорта – ведь финны берут нашу энергию с удовольствием. Но опять таки встает вопрос о цене, на те же 28 инвестиционных процента, с которых мы начали разговор, мы загоняем ее вверх...

– Вы забыли еще об инвестициях РАО за пользование сетями... В общем, это уже под 50 процентов получается. Ничего подобного раньше не было, и при всей критичности к прошлому – тогда всякое бывало!, – но экономическая политика была разумной и глубоко продуманной...

Заметки на полях.

Из воспоминаний Ивана Чуйкина: "Первое топливо для реактора тоже я принимал. Когда его привезли, к вагону никто подойти не решался – все боялись, хотя дозиметрист тщательно проверил прибором уровень радиации. Я к тому времени уже бригадиром был, и ответственность за разгрузку лежала на мне. Простаивать вагонам нельзя

(за простои наказывали очень строго), пришлось рискнуть... Трудились мы в любых условиях. Могли меня вызвать даже поздно ночью, ведь строительство шло непрерывно, а я на складе знал каждый винтик. Когда случались сильные снежные заносы на железнодорожных путях, то их чистить выходили все — от директора до рабочего".

Из воспоминаний Виктора Малышева. "Главная задача Управления КГБ СССР была в обеспечении безопасности атомной станции... В мае 1986 года в трубопроводе первого контура четвертого энергоблока во время дефектоскопического контроля был обнаружен посторонний металлический предмет. По мнению специалистов, он мог привести к радиационной аварии. Возник ряд версий, в том числе и о вредительстве. В присутствии следователя КГБ предмет был извлечен, им оказался ключ от трубореза. Он мог попасть в трубопровод только во время монтажа. И хотя с того времени прошел уже не один год, нам удалось установить бригаду СЗЭМ, которая производила эти работы, и специалистов, имевших отношение тогда к монтажу. Они вспомнили, что случалось не раз находить оставленные посторонние предметы в трубопроводах, что во время продувки приходилось извлекать из труб не только мусор и ветошь, а даже целые телогрейки и документы".

Обратите внимание — речь идет о мае 1986 года. Сразу после аварии в Чернобыле на всех атомных станциях СССР было проведено тщательное обследование самого опасного оборудования, и что греха таить, многое удалось найти не только на Кольской АЭС.

Но последствия Чернобыля для всех атомщиков были не только в ревизии их станций и объектов...

Из воспоминаний Раисы Васильевне Головиной: "Наша работа не очень видная, но без дезактиваторщиков на АЭС не обойтись. Особенно после Чернобыля мы ощутили необходимость этой профессии. Радиация — она невидимая, но стоит пройти с прибором, сразу видно: хорошо вымыт объект или нет. В Чернобыль мы поехали добровольцами сразу же после аварии... А поначалу не обходилось без курьезов. Когда я пришла работать на станцию, в поселке еще не было ни одного 9-этажного дома, и я даже представления не имела, что такое лифт. Как-то бригадир Тамара Жукова направила меня мыть лестницу. Начала я с четвертого этажа. Вымыла лестничную клетку и кабину лифта, спускаюсь ниже и опять мою, и так — до первого этажа. Все выдраила, прихожу и отчитываюсь: "Лестницу и лифты на всех четырех этажах вымыла". И добавила: "А на нижних этажах кабины чище, на первом — даже блестят. Надо же, какие здесь люди аккуратные!" Сначала стояла "гробовая" тишина, а потом

девчонки из бригады: Люба Смирнова, Тома Карман и остальные дружно расхохотались. Откуда мне было знать, что я мыла один и тот же лифт! Потом на станции долго ходил анекдот про это".

Раиса Васильевна Головина за участие в ликвидации последствий аварии в Чернобыле была награждена медалью "За трудовое отличие".

Как и на фронте, "награды находят своих героев". К десятилетию Чернобыля ряд работников Кольской АЭС были отмечены за свой подвиг. Получил орден Мужества и дезактиваторщик Виктор Шушков. Корреспондент "Энергии" спросила у него: "Как вы относитесь к этой награде и что она для вас значит?" Шушков ответил честно:

"Особых эмоций, как это можно было бы ожидать, награждение орденом Мужества у меня не вызвало. И причина, я думаю, в том, что существует такое понятие — срок давности. Нет, конечно, не потому, что в памяти стерлись те события, а просто страсти улеглись, утихло возмущение по поводу безалаберности тех, кто допустил весь этот чернобыльский кошмар, а боль за тех, кто шел получить свою роковую дозу по приказу заведомо знавших об этом официальных лиц, не стала такой сильной. Потеряла остроту даже злость, что одиннадцать лет назад съедала изнутри, злость на врунов, трусов и лизоблюдов, старавшихся замолчать, утаить от людей любую правдивую информацию.

Мне было всего 22 года в мае 1986 года, и сейчас вспоминается лишь нужная, необходимая всем работа, общее дело, которым мы занимались. У меня нет чувства, будто я совершил какой-то подвиг. Там все выворачивались наизнанку, работали до потемнения в глазах, потому что знали, что время — против нас".

Мгновения прошлого в истории Кольской АЭС и в событиях, случившихся далеко отсюда — на Чернобыльской АЭС. И хорошо, что те, кто тотчас откликнулся на ту беду, помнят и об этом прошлом. Ведь в нем — залог будущего.

Впрочем, история живет разными воспоминаниями...

Слово Людмиле Худорнюк: "Мы с сослуживцами часто устраивали совместный отдых — всем коллективом ходили в лес за ягодами, в походы. В одном из таких походов нам с девочками пришлось нос к носу столкнуться с живым медведем. Мы отбились от группы, набрали на малинник и принялись собирать спелые, крупные бусины ягод. А в непролазных кустах негромкое такое потрескивание слышалось. Поднимаюсь в полный рост, раздвигаю колючие ветви руками, а с той стороны на меня медведь смотрит. Крику было — не передать. Медведь порычал и ушел по своим делам. Но несмотря на испуг, я не перестала любить лес, северную природу с ее былыми

ночами и закатами, превращающимися в восходы. Я помню и люблю всех, кто бок о бок со мной помогал поднимать нашу Кольскую АЭС, трудился на ней. Мне дорога память о них".

С медведями теперь труднее... Неподалеку от Полярных Зорь их уже, пожалуй, не встретишь — все-таки и автотрасса, идущая на Мурманск (или в Питер — кто как пожелает!), весьма оживлена, да и дач много настроено вокруг... Но вот тут, за Алаккурти, где мы сейчас с Коломцевым и Коноваловым отдыхаем, совсем иное дело! Здесь встреча с мишкой вполне реальна, а потому нужно поглядывать по сторонам — ведь и хозяин тайги любит побаловаться на ягодниках, да и не любит уступать дорогу.

На пограничной полосе мы видели совсем свежие медвежьи следы. Они тянулись за лосиными, видно, косопалый охотился неподалеку от нас...

И еще я видел "мышеловку" для медведя. Говорят, есть заказ из какого-то зоопарка, а потому поставлена в тайге на звериной тропе металлическая ловушка. В ней приманка (давно уже сгнившая), и эта сваренная из толстой арматуры клетка ждет свою жертву. Мне кажется, что напрасно. К счастью...

А мы продолжаем разговор с Виталием Федоровичем Коноваловым и Юрием Васильевичем Коломцевым. Правда, сейчас в основном говорит Коновалов, так как, упомянув о первой партии ядерного топлива, доставленного на Кольскую АЭС, мы невольно разговорились об "атомном огне". Ну, а хозяин его, конечно же, Виталий Федорович...

— Насколько мне известно, именно на Кольской АЭС вы, Виталий Федорович, удлиняете срок службы топлива?

— Кольская — одна из станций, которая охотно идет на разумные, достаточно проверенные эксперименты. А без них "тиражировать" то или иное достижение практически невозможно... Так что Кольская — в лидерах у нас!

— А почему нужно совершенствовать топливо?

— Тут много причин. Хотелось бы продлить срок работы кассет и уменьшить количество перегрузок. Это сразу же сказывается на резком сокращении издержек производства, на доставке топлива, на загрузке транспорта и так далее. Одно дело осуществлять перегрузку раз в три года, другое — в четыре или пять лет. Это большая разница и соответственно выгода... И само топливо улучшается, это в первую очередь связано с выгорающим поглотителем. Это уже физика реактора, его стабильная работа... Кстати, очень интересные исследования ведутся по температуре внутри твэла. Сегодня в центре топливо разогревается до двух с лишним тысяч градусов. И при расхолаживании, при запроектных авариях — это величина весьма

существенная. Достаточно вспомнить тот же Чернобыль, где топливо раскалилось и его приходилось охлаждать... Поэтому мы стараемся снизить температуру. Это одна из мер безопасности.

— *Юрий Васильевич, почему вы идете на такие эксперименты? У вас же задача не науку двигать вперед, а получать побольше энергии? А наука, как известно, всегда мешает...*

— Да, мы промышленное предприятие, и обязаны выполнять свои планы по производству электроэнергии. Однако мы думаем о будущем, о том, что нужно повышать безопасность, продлевать срок службы энергоблоков, наконец, снижать стоимость электроэнергии. А без экспериментирования, исследований нельзя! В результате мы получаем более качественное топливо, и живет оно в реакторе значительно дольше. И практически за те же деньги... Это раз! А во-вторых, такова уж судьба Кольской АЭС — она с самого начала работы экспериментальная. Все время идет поиск нового, как работать экономичней, надежней, безопасней. А этого без большой науки добиться нельзя. И весь коллектив относится к этому доброжелательно, с удовольствием помогает ученым. Ведь дело это перспективное, государственное... Приведу простой пример. Скажем так: проектная нагрузка у нас "28 единиц" (не буду уточнять чего именно), а мы на одном из блоков уже работаем несколько лет на "52-х единицах"! А "48-м" уже разрешенные... Это согласовано с конструкторскими и проектными организациями, а также с заводом, откуда мы получаем топливо.

— *С одной стороны этим можно гордиться, но с другой — это опасно?*

— Нет. Надо подходить к экспериментированию продуманно, расчетливо...

— Тут надо еще учитывать, что сокращается объем переработки радиоактивных отходов. А это опять-таки безопасность, так как сокращается число людей, которые работают с облученным топливом...

— *Это понятно... Я имею в виду другое. Возьмем тот же пассажирский самолет. Он сделан и летает до тех пор, пока не износится. А атомные станции постоянно совершенствуются. Как будто хорошо это, но почему их так запроектировали, что они нуждаются в улучшении?*

— В топливе еще очень много неоткрытого...

— Атомная промышленность, и атомная энергетика в частности, дело еще новое. Это молодая отрасль, и с точки зрения конструкций и технологий можно сделать еще много... Но я не могу согласиться с вами, что мы "все меняем". Это не так. Есть отработанные вещи, которые ставятся каждый раз без изменений — и узлы, и целые секции и так далее. Но если речь идет о топливе,

то тут ясно – совершенствование приносит явную выгоду, и станции, и тем предприятиям, которые его производят. Но есть еще один очень существенный фактор: чем дольше работает топливо, чем больше выход энергии на его единицу, тем оно привлекательней на мировом рынке. Не случайно, финны, к примеру, везде подчеркивают, что советское (российское -они еще мыслят по старинке!) топливо – самое совершенное и выгодное. И это зависит в первую очередь от технологии его производства.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АЭС :

"Активная зона реактора диаметром 3 м и высотой 2,5 м размещена в цилиндрическом корпусе диаметром 4,3 м и высотой 11,8 м, изготовленном из высокопрочной стали. Масса корпуса 200 тонн. Активная зона собрана из шестигранных кассет с тепловыделяющими элементами (твэл). Стенки кассет изготовлены из циркониевого сплава. Количество кассет, установленных в активной зоне – 349. Из них 312 – рабочие, остальные 37 – управляющие.

В каждой рабочей кассете находятся 126 твэлов стержневого типа с сердечником из спеченной двуокиси урана в виде таблеток".

– Наверное, постоянное совершенствование АЭС связано с тем, что станция – очень сложное предприятие? С чем в современном мире ее можно сравнить? Начнем с вас, Юрий Васильевич...

– С человеческим организмом...

– Даже так?

– Человек до сих пор не изучен, но он управляем, поддерживает жизнедеятельность, и весьма надежен... Так и атомная станция. На ней все есть – от микроэлектроники до самого громоздкого машиностроения.

– Так что логика есть в том, что АЭС "потребляет" все супер-современные технологии, где бы они ни появлялись?

– Безусловно.

– Ваше мнение, Виталий Федорович?

– В обычное человеческое понимание термин ядерное топливо не укладывается – разум его как бы "не принимает". Это ведь не кран открыл, и газ тут же пошел... Нефть и уголь – все ясно, даже потрогать руками можно. А когда речь заходит о ядерном топливе, то имеется в виду продукт высочайшей технологической переработки, где тончайшие и сложнейшие процессы, сверхсовременные новейшие материалы...

– А что сложнее: атомный реактор или атомная бомба?

– Тут не нужно сравнивать... И здесь и там используется уран-235...

– Я о другом...

– Понимаю... Над атомной энергетикой люди еще долго будут работать – совершенствовать и совершенствовать ее... А что касается оружия, то я думаю, там уже не требуется столь интенсивная работа – главное уже сделано. Есть системы, которые способны уничтожить большую часть человечества, к чему еще стремиться!?. На первых порах, безусловно, атомная бомба была наисложнейшей проблемой – там было много факторов, которые заставляли все делать быстро, и это тоже играло свою роль... А сейчас в нашей области акцент делается на коммерческую энергетику, на ее безопасность.

– А что самое трудное сегодня, что выходит на первый план?

– Захоронение радиоактивных отходов. Они накапливаются. Их надо перерабатывать, и это больше всего заботит как специалистов, так и общество, человечество в целом.

Заметки на полях.

Спустя некоторое время нам пришлось в беседах в Коноваловым вернуться к этой теме. Мы продолжили разговор, начатый на Кольском полуострове, уже в то время, когда Госдума принимала законы о ввозе отработавшего ядерного топлива в Россию. Я спросил Коновалова:

– Как вы относитесь к этому?

– Нормально. При принятии законов у меня была своя точка зрения. Если бы ее приняли, то законы прошли бы быстро.

– Что вы имеете в виду?

– Я предлагал Закон принимать только в отношении нашего топлива: то свежее топливо, которое мы поставляем на зарубежные станции, его и возвращать. Во-первых, это позволяет предоставлять зарубежным партнерам более полный пакет услуг, а во-вторых, это позволяет контролировать нераспространение ядерных материалов. Мне кажется, такая система весьма привлекательная для небольших стран, у которых нет возможности захоранивать отработавшее топливо на своей территории.

– А как у американцев?

– Они топливо не возвращают, так как у них нет его переработки... Но зачем нам смотреть на них? Что – своей головы нет?.. В общем, своими предложениями я поделился с новым министром. Если бы оставался прежний министр, то, вероятно, я пошел бы в Думу и высказал свою точку зрения, тем более что меня туда звали. Но а новому министру я доверился, мол, пусть сам принимает решение. Кстати, три министра – Л.Д. Рябев, В.Н. Михайлов и В.Ф. Коновалов – придерживались одинаковой точки зрения на возвращение нашего отработавшего топлива, но

Е.О. Адамов считал иначе, считая, что на переработке чужого топлива можно заработать большие деньги. Однако это заблуждение. К сожалению, министр А.Ю. Румянцев был по сути дела поставлен перед свершившимся фактом, что-то изменить он уже не мог.

— А может быть, ничего нет страшного в том, что привозим чужое топливо?

— Я привожу такой пример. Представьте себе Украину. Там говорят, что им нужен второй поставщик свежего топлива. Мы им показываем, что есть два завода у нас — в Новосибирске и в Электростали. Нет, настаивают они, страна нужна другая! Украинцы берут в партнеры американцев. Естественно, возникает конкуренция. Однако американцы не берут отработавшее топливо, оно остается на Украине. А после принятия новых Законов может получиться так, что американцы будут поставлять топливо на украинские АЭС, а их отработавшее топливо начнут завозить в Россию. То есть мы создаем хорошие условия для конкурентов, а сами оказываемся в трудном, невыгодном положении... Копий сломано немало, а эффективность невелика.

...В последовательности Виталию Федоровичу не откажешь! Впрочем, это знают все, кто контактировал с ним... А пока вернемся на Кольский полуостров, на рыбалку, и продолжим тот разговор, что завязался у нас в один из вечеров...

Я спросил:

— Странная ситуация: вы президент АО "ТВЭЛ" и заинтересованы в том, чтобы вашу продукцию оплачивали, и в то же время всем АЭС вы даете топливо в долг...

— Долги атомных станций нам сегодня составляют порядка одного триллиона трехсот миллиардов рублей, а мы в свою очередь должны тем, кто поставляет нам комплектующие — окись-закись добывают, обогащением занимаются, таблетки делают... Ситуация сложная. Все, что было накоплено за долгие годы, мы выработали, включая и госрезерв... Так что добренькими мы уже быть не можем. Но мы прекрасно понимаем: сегодня станет станция, завтра станет весь топливный цикл. А это как добывающие предприятия, так и наши заводы. И потому при малейшей возможности мы поставляли топливо на АЭС. Правда, создавали разные структуры, которые обходили бы знаменитую формулу Маркса "товар-деньги-товар". Кстати, его работы весь цивилизованный мир изучает до сих пор, а мы только хулой занимаемся... Так вот, у нас теперь иная формула: "товар-товар". И масса структур, которые это реализуют, а потому идет безудержный рост цен...

— Как-то считалось у нас в стране, что государство развивает

атомную промышленность, мол, она нужна для обороны страны, для ядерного оружия. А атомная энергетика была падчерицей... И вот теперь оказывается, что именно эта энергетика зарабатывает основные деньги и "содержит всю семью". Разве не так?

– Раньше была система иная, другие акценты... Предприятия Средмаша всю прибыль отдавали государству, и от него получали деньги в зависимости от выбранного направления и необходимости. Причем прибыль и затраты не пересекались... А сейчас каждый зарабатывает, как может... Ну к примеру, "ТВЭЛ". Три направления: поставка топлива в Россию, поставка топлива в страны СНГ, в первую очередь – на Украину, и в так называемое дальнее зарубежье. Три эти примерно равнозначные по объему составляющие совершенно по-разному оплачиваются. Зарубежные поставки оплачиваются на 100 процентов, примерно 25 процентов – "живыми" деньгами поставки на Украину, и ноль процентов – российские... Зарплата на предприятиях выплачивается за счет поступлений денег из дальнего зарубежья, а все остальное – какие-то взаимозачеты и прочее. Государство должно регионам, институтам...

– А реактор на Кольской АЭС сейчас стоит, ждет топлива, а его нет...

– Сейчас мы вынуждены делить то топливо, что произведено. У нас есть "украинское" топливо, которое лежит по "трехстороннему соглашению". Но Украина топливо не выбирает, потому что не могут заплатить за ту часть, которую надо оплачивать...

– Имеется в виду компенсация за вывоз ядерного оружия с Украины?

– Да, считается, что часть топлива уже оплачена – это компенсация, ну а за другую часть все же надо платить, не так ли?! Причем по договору это нужно делать валютой, но ее на Украине мало... Но тем не менее мы считаем, что это их топливо. А Балаковская станция требует, мол, отдайте это топливо – почему оно лежит?! Калининская АЭС тоже просит... Тут и с Нововоронежской ходки приезжали...

– Думаю, что теперь уж Кольская АЭС вне конкуренции. Не правда ли, Юрий Васильевич?

– Это неплохая идея, и я ее всячески поддерживаю!

– Учтем это пожелание... Я пока не знаю, и Юрий Васильевич это тоже должен сказать – выгодно ему или нет, чтобы мы поставили топливо...

– Как это!?

– Если бы ему за электроэнергию платили бы "живыми" деньгами, то ему было бы выгодно. И тогда работали бы все четыре блока... А когда ему не платят, то он должен смотреть, как пройти

"по грани" — и достаточно энергии выдать, и зарплату людям заплатить. А если будет работать на полную мощность, то денег все равно не получит... Так что еще не совсем ясно — давать ему топливо или нет, у него сейчас все-таки объективные причины есть для простоя блоков...

— Зима приближается, а потому стоять уже не могу...

— Вот это уже сверхобъективная причина!

— *Как вы считаете, когда это кончится? Я имею в виду то положение, когда выгодно не работать по-настоящему...*

— К сожалению, этого долго не будет. Я многим руководителям и политическим деятелям говорил: давайте поставим перед Россией стратегическую задачу! То есть в принципе нужна жесткая схема — "товар-деньги-товар"... Но ведь такая цель не стоит, более того изобретаются иные схемы, подводится теоретическая база под нынешнее состояние экономики. Сейчас у нас 15-17 процентов "живых" денег от произведенного продукта, а у американцев эта составляющая свыше 80 процентов — вот теперь сами и считайте, когда мы выйдем из кризиса!?

— Я добавил бы еще одну национальную особенность: американец не будет хранить деньги дома, а обязательно положит в банк или пустит в дело. А у нас из этих ничтожных 17 процентов большая часть хранится у населения и "не работает"...

— *Понятно, что люди теперь не верят государство! Обманывали ведь, и в будущем обманут...*

— Так что никакого "оживления" в экономике нет, это чисто пропагандистские высказывания... Могу привести простой пример. Топливо для Украины. Государство должно дать "ТВЭЛ" несколько сотен миллиардов рублей — такова цена соглашения между Россией и Украиной за ядерное оружие. Но мы получили только десятую часть их. А есть еще Усть-Каменогорск, который согласно Указу президента Казахстана должен получать за свою продукцию только "живыми" деньгами.

— *А кто платит ими здесь, не в дальнем зарубежье?*

— В России — никто!.. Впрочем, я не знаю, кто платит ими Кольской станции — Коломцев это хранит в тайне...

— Я от вас ничего не скрываю... Извольте: до "похода на Москву" атомщиков со Смоленской АЭС у меня было 20 миллиардов "живыми" деньгами — это платили горно-обогатительные комбинаты, они в основном за рубеж работают... Но после "похода" стал получать меньше, так как Немцов нам снизил их до 13 миллиардов... А это лишь половина денег, необходимых мне на зарплату. Вот и начинаем теперь маяться...

— *А интересно, сколько денег даете стране?*

– Месяц на месяц не приходится, но в год более триллиона рублей!

– *Вот они и уходят в песок при такой экономике...*

– Если бы мне платили сколько положено, то станция жила бы припеваючи...

– Сложная ситуация во всем топливном комплексе. Дело в том, что всего два предприятия выпускают конечную продукцию, но они связаны со множеством других, которые поставляют комплектующие... При нехватке "живых" денег и при адресности их расхода – зарплата, налоги, расчеты с клиентами, то любой район старается удержать их любой ценой.

– *Но ведь это забота только о сегодняшнем дне?!*

– Стараемся сохранить и науку, и те институты, которые работают на "ТВЭЛ". Против этого предприятия не только не возражают, но напротив – весьма энергично поддерживают такую политику, прекрасно понимая, что без науки мы быстро уступим свое место на мировом рынке. Однако такие институты, как бывший НИИ-9...

– *Имени академика Бочвара?*

– Да... Целиком этот или другой институт мы не можем брать на свое "содержание" (извините за несколько грубоватое слово, но ничего иного пока в голову не приходит!), а потому поддерживаем те лаборатории, ту "дирекцию" в институте, которая работает на нас. И вот когда "соседи" увидели, что их коллег финансируют стабильно, то шум поднялся: "нам, а нам?"... Тут много проблем, и о них разговор особый. Единственное, что могу сказать: жить в обществе и быть свободным от его законов нельзя!

– *В чем же теперь заботы государства?*

– Лицензирование топлива, контроль за передвижением урана, крупные инвестиции в те или иные проекты и направления... А коммерческая атомная энергетика должна сама себя питать. Роль государства – чисто стратегическая: нераспространение оружия, глобальные проблемы энергетики, глобальные направления в технологии производства, развитие фундаментальных научных исследований. Так что всем забот хватает, нужно только работать...

Была уже глубокая ночь, а потому наш разговор потихоньку затихал. Потом он перешел на сугубо "бытовые" проблемы завтрашнего дня: куда поедет рыбачить и как будем добираться до Полярных Зорь. Впрочем, впереди еще был день отдыха, и имело смысл воспользоваться им в полном объеме, так как сводка погоды обещала резкое похолодание и дожди. А когда они приходят сюда, то сразу же все тускнеет вокруг, в душу закрадывается печаль, и хочется уехать куда-нибудь далеко-далеко...

Разговор пятый:

Речь пойдет об Электростали, причем попытаемся посмотреть не только на те события, что происходили на предприятии, но и о влиянии его на Запад.

— *Как назначают директором завода?*

— Процедура всегда была сложной. Сначала в главке подыскиваются кандидатуры. В первую очередь запрашивают на предприятии: кого именно там рекомендуют? Потом свои предложения дают руководители главка, советуются с министром. После этого кандидатуры посылались в ЦК партии (я говорю о тех временах, когда назначение на должность определялось деловыми качествами, а не преданностью начальству, как нынче), там они согласовывались и окончательное решение сообщалось в Министерство.

— *Вы считаете, что такая система более эффективна, чем современные?*

— По крайней мере, практически не было ошибок, за которые потом пришлось бы долго расплачиваться... Когда меня предполагали назначить директором, шел на прием к Сербину...

— *Теперь многие и не знают, что это был всесильный и могущественный заведующий Оборонным отделом ЦК партии...*

— Я получил телеграмму, мол, надо немедленно явиться в Москву. Зачем? Не знаю... Приехал... Сначала беседую с начальником главка, потом с заместителем министра, с министром... Славский говорит, что будем представлять тебя в ЦК. Назначена встреча с Сербиным...

— *Говорят, что очень жесткий был человек?*

— Я этого не почувствовал. Нормальный, деловой разговор... Кстати, там всегда была очень хорошая атмосфера. Я бывал часто в ЦК, отработывали документы, готовили постановления правительства и ЦК. Там работали профессионалы, и это в отрасли всегда чувствовали. В Оборонный отдел шли люди, которые хорошо зарекомендовали себя на наших предприятиях и объектах. А потому я не могу согласиться с тем потоком обвинений в некомпетентности в адрес ЦК партии, потому видел совсем иное... Нужно все оценивать достойно, правдиво, а не идти на поводу сиюминутных политических инсинуаций.

— *Итак, вы возглавляете крупный комбинат в Глазове, и вдруг вам предлагают перейти в Электросталь, хотя здесь предприятие меньше. Почему это происходит?*

— Это "финишный" завод, а, следовательно, ответственность очень большая. Так случилось, но меня "провели по всему переделу", то есть я познакомился со всеми нюансами нашей промышленности. Так в отрасли готовились высшие кадры управления. Я до конца тогда этого не понимал, но на самом деле это была четкая и стройная система подготовки руководителей отрасли. От концентрата урана до сборки изделий из него, — вот тот путь, который я прошел. Знание всех особенностей производств многое дает директору "финишного" предприятия. Ему, к примеру, надо ехать за границу, в ту же Финляндию, на переговоры по топливу. Он полностью владеет всей информацией, а во время переговоров это важно. Завод в Электростали необычайно важен для страны, так как он обеспечивает активными зонами не только реакторы для АЭС, но и для подводных лодок. Электросталь — это своеобразное "окно" в Европу, а потому при выборе директора учитывалось и это.

— *Путь был долгий, не так ли?*

— Сейчас к назначениям подходят иначе: нет профессионального подхода, а потому в креслах руководителей иногда оказываются случайные, но "нужные" люди. Это ошибочная система... Я это точно знаю по своей судьбе. Чуть позже мне много пришлось работать с атомными станциями, я их курировал в Министерстве. И хотя в директорах АЭС побывать не пришлось, но тем не менее в суть их работы я вник. Таким образом "круг замкнулся" — в нашей отрасли я многое "пощупал своими руками". Кроме, конечно, ядерного оружия. Но это область особая...

— *Вы считаете, что система пересадки "завлабов в премьеры" порочна?*

— Конечно. Подготовка руководителей — это сложный и долгий процесс. Ведь речь идет о подготовке профессионалов, а не "владельцев руководящих кресел". И в первую очередь надо знать технологию, так как именно на основе его формируется все остальное. В том числе и "финансовые потоки", которыми так любят управлять "демократы".

— *Оказывается, вы — технократ!?*

— Если вчера это можно было расценивать как недостаток, то сегодня если ты овладеваешь современной технологией, то побеждаешь на рынке. При старой технологии можешь посадить самого золотого экономиста, ничего кроме убытков ему считать не придется. Технология первична... Думаю, это уже ясно каждому грамотному человеку... Сейчас забыты очень важные слова...

– *Например?*

– *Производительность труда. А без нее на рынок нельзя выходить, там тебя будет ждать поражение.*

– *На рынке труднее работать, чем раньше?*

– *Работать нужно всегда по-настоящему, а все остальное – всего лишь приложение к труду... Кстати, наши западные партнеры это прекрасно понимают. Иногда мне кажется, что с ними работать даже легче... Я, к примеру, еду в Финляндию – у меня такое ощущение будто там моих единомышленников больше...*

Заметки на полях.

Почему в Финляндии любят атомщиков?

Юсси выглядит очень молодо, а потому при первом знакомстве многие не верят, что он возглавляет одну из самых знаменитых на планете атомных станций, которая неизменно в лидерах при любых обсуждениях, касается ли это безопасности или речь заходит о проверке металла корпуса реактора. "Почему у вас все лучшее?" – частенько спрашивают у Юсси Хелске, и он с присущим ему юмором отвечает: "Мы используем и Запад и Восток, а потому богаче вдвое..." И тут же напоминает об известной притче, когда два человека заспорили о том, что дороже более всего на свете. Один утверждал, что деньги, другой говорил о земельных угодьях... И они спорили до хрипоты, пока не обратились к мудрецу, который тут же разрешил их сомнения. Он сказал: "Больше всего обогащают человека идеи. Поделившись ими с другим, ты становишься богаче вдвое, так как теперь идеи есть у двух человек..."

Юсси рассказывает эту притчу, пристально наблюдая за реакцией собеседника. По каким-то едва заметным черточкам лица он улавливает характер человека, и ошибается редко. Вот почему он стал бы психологом, если бы не атомная энергетика...

Мы познакомились с Юсси Хелске на встрече директоров АЭС мира в Праге. Однако поговорить там не удалось, так как популярность Хелске и его "Ловиизы" была слишком большой, а потому он все четыре дня был в окружении собеседников. Мы договорились повстречаться позже, и такой случай представился, когда начиналась Международная конференция "Безопасность АЭС – реальность и перспектива". Она проходила в Десногорске на Смоленской АЭС, а из Москвы участники конференции добирались на автобусе. Так что времени пообщаться у нас было достаточно.

Я признался Юсси Хелске:

– *О "Ловиизе" и о вас ходят самые разные слухи... Некоторые из них звучат даже фантастически! Осенью у вас побывал президент ОАО "ТВЭЛ" Виталий Коновалов, и он рассказал, что вы размышляете*

о необычном проекте: вы намерены старые энергоблоки станции "опустить под землю", а сверху поставить новые. На это потребуется пятьдесят лет, не так ли?

— Такой проект существует, однако говорить о его реальном наполнении рановато. Хотя все-таки уточню ваши данные: на его реализацию потребуется не пятьдесят, а сорок пять лет, — Юсси улыбается, — и это вполне реальные расчеты. Однако такое будущее (как впрочем, и любое другое!) требует инвестиций — мы обязаны поддерживать всю атомную станцию и ее оборудование на высоком уровне. Ежегодно мы тратим приблизительно 20 миллионов долларов. Мы заказываем новейшее оборудование, и наши партнеры это знают, а потому между поставщиками весьма серьезная конкуренция за заказы. Это дает нам право выбора. Впрочем, неразумно экономить на инвестициях сегодня, иначе в будущем денег потребуется несравнимо больше... Это как в вашем автомобиле. Не надо ждать, пока тот или иной агрегат выйдет из строя, лучше проводить его регулярное обслуживание...

— И это экономически оправдано?

— Конечно. Это выгодно.

— Докажите, пожалуйста, что работа АЭС "Ловииза" выгодна для Финляндии.

— Это не так сложно доказать, потому что все экономические расчеты показывают, что инвестиции окупаются за десять лет. Это при том условии, что благодаря конкуренции между компаниями электроэнергия в Финляндии дешевая. АЭС "Ловииза" давно уже вернула те деньги, которые были в нее вложены, а потому сейчас мы их просто зарабатываем. Хорошо известно, что производство электроэнергии очень выгодное дело. Даже в нынешних условиях.

— Почему именно сейчас?

— При строительстве новых энергоблоков сегодня требуются очень большие инвестиции, а потому окупаемость их дольше... Впрочем, если бы "Ловииза" была вдвое больше, то и экономический эффект был бы гораздо значительней. Очень важно найти оптимальные размеры той или иной АЭС. Это зависит от конкретных условий... Но политический климат таков, что сейчас реализовывать любые проекты в атомной энергетике очень трудно.

— Но все-таки реальные планы есть?

— Конечно. Мы предполагаем строить новые энергоблоки взамен тех, что будут выведены из эксплуатации. А затем, спустя какое-то время, может быть, лет тридцать-сорок, на месте нынешних энергоблоков появятся новые.

— На этой же площадке?

— Да.

— *И вы работаете над этим проектом?*

— Это пока размышления о будущем. О конечном результате обсуждений на эту тему пока говорить преждевременно.

— *Вы испытываете сейчас какое-то давление "зеленых"?*

— Движение "зеленых" в Финляндии довольно сильное, его представители есть и в правительстве. Но наши "зеленые" принимают, что АЭС работает. То есть они против "Ловиизы" не выступают, хотя строительство новых энергоблоков не поддерживают, протестуют против этого... Хотя среди "зеленых" немало таких, кто выступает за атомную энергетику, они требуют прекращения строительства тепловых станций, работающих на угле...

— *Известно, что Север планеты особенно раним, к нему надо относиться очень осторожно — неразумное вмешательство может внести непоправимый вред... И тем не менее вы за развитие здесь атомной энергетики?*

— Собственно это основная причина того, что у нас на Севере развивается атомная энергетика. Оказывается, наибольший ущерб природе приносят продукты сгорания и отходы тепловых станций.

— *Есть ли у вас сравнительные данные по атомным, гидравлическим и тепловым станциям Финляндии?*

— Конечно. Наиболее выгодные, безусловно, гидравлические станции. Однако мы уже использовали все ресурсы Финляндии, и строить новые ГЭС не можем. Так что других источников для производства электроэнергии, кроме АЭС, у нас нет.

— *Как вы стали директором столь знаменитой станции как "Ловииза"?*

— Буду отвечать честно: предыдущий директор, уходя на повышение, предложил четыре кандидатуры — трое отказались, а потому остался один я... Оказывается, я был сумасшедшим, чтобы согласиться на такую должность...

— *У нас говорит: "рисковый человек"... Но ведь не случайно, что предложена была и ваша кандидатура: где вы учились, как попали на станцию?*

— Я учился в техническом университете в Хельсинки. Сначала работал в сталелитейной промышленности, имел дело с оборудованием для электростанций. Кстати, тот завод был построен с помощью Советского Союза... В 1972 году я пришел на "Ловиизу" и стал начальником смены. Для молодого человека это была достаточно высокая должность. С тех пор на АЭС...

— *Что вам нравится на своей станции?*

— Следующий вопрос будет: "Что не нравится"?

— *Естественно! Но сначала о приятном...*

— Я люблю ее...

- *А если любишь, то других слов не надо?*
- Вы угадали.
- *А что не нравится — ведь говорят, что любят нас как раз за недостатки?*
- Бюрократия.
- *Но вы ведь директор! Все в вашей власти?*
- К сожалению, это не так. А бюрократия — это все, что связано с безопасностью.
- *Традиционно считалось, что есть две бюрократические страны — наша и Америка, но о Финляндии я слышу такое впервые...*
- Не работая в ядерной индустрии, вы не представляете, какой бывает бюрократия по-настоящему!
- *Но, наверное, хорошо, что так заботятся у вас о безопасности?*
- Должен быть разумный баланс на самом деле, так как избыток бюрократизма снижает уровень безопасности. Как и недостаток ее. Если слишком много инструкций, указаний, всевозможных бумажек, то это мешает мыслить, творчески подходить к проблеме.
- *Тень Чернобыля висит над атомной энергетикой!*
- Я считаю, что он случился потому, что было мало бюрократии... К сожалению, в вашей стране можно было предпринимать какие-то действия, которые не отвечали техническим требованиям. Нельзя позволять нарушать технологию... В нашей стране для проведения экспериментальных работ нужно получить множество разрешений от тех, кто отвечает за безопасность, от тех, кто занимается контролем качества оборудования. У вас же это было слишком просто, что и стало одной из причин катастрофы в Чернобыле.
- *Чем отличается ваша станция от других?*
- Пожалуй, главная особенность ее в том, что мы используем и западные технологии и восточные. Надо отметить, что на высочайшем мировом уровне у нас идут работы с радиоактивными отходами. Хранилище для отходов среднего и низкого уровня находится в скале, используются последние достижения науки и техники. На Западе эти проблемы с отходами решать трудно, так как любые проекты и инициативы блокируются населением, и там существуют только временные хранилища. С моральной точки зрения это неприемлемо...
- *Что вы имеете в виду?*
- Зачем оставлять свои проблемы нашим детям и внукам!? Что-то делать временно всегда опасно и, на мой взгляд, неразумно... И поэтому нужно сейчас заниматься проблемой постоянного захоронения отходов, делать все, что мы можем, а не только вести исследования, как, к примеру, это делается в Германии.

– *А высокоактивные отходы вывозите на "Маяк"?*

– Уже нет, не вывозим. Они пока хранятся на "Ловиизе", и это будет до 2020 года. Затем будет определено соответствующее место – под землей, в скалах, где и эти отходы будут захораниваться. Предполагается, что такое хранилище будет строиться с 2000 года до 2020 года, а затем начнет действовать. Там будут находиться отработавшие твэлы... Но есть еще одна моральная проблемы. Мы не имеем права использовать всю энергию, которая есть у нас – надо что-то оставить будущим поколениям. А потому нужно думать о быстрых реакторах – таких, как Белоярская АЭС. И тогда из хранилища можно будет доставать использованные твэлы и вновь использовать ядерное топливо в реакторах нового поколения. Однако повторяю, решать проблему радиоактивных отходов нужно все-таки сейчас – к сожалению, мы живем в непредсказуемом мире, мы не знаем, что произойдет с обществом завтра, а потому любую "техническую опасность", порожденную нами, мы и обязаны нейтрализовывать.

– *Вы считаете, что проблему радиоактивных отходов можно решить уже сегодня?*

– Безусловно! И она может быть решена очень эффективно и хорошо.

– *Вы находитесь на стыке восточных и западных технологий. Как вы можете оценить те и другие?*

– Это очень серьезное занятие, и оно требует много времени... Хотя я могу это сделать...

– *Упростим до предела...*

– У тех и других есть свои преимущества. В принципе российские технологии слабее только по автоматике, в электронике. Но они консервативны. Западные технологии более мобильны – они постоянно улучшаются, так как идут инвестиции. В советскую эпоху это делать было невозможно... Нужны инвестиции сейчас, а это для вашей экономики пока трудно. Однако оборудование и топливо не только не уступают западным, но и в каком-то отношении они даже лучше. Сейчас бывшие социалистические страны слишком много смотрят на Запад, они просят деньги и теряют свою гордость, свои лучшие технологии. Не следует забывать, что для западных фирм и компаний сейчас лучшее время для бизнеса, и вы слишком часто покупаете то, что вам не нужно. Вам что-то необходимо, конечно, но не столько и не в тех объемах, как вы покупаете сегодня... Кстати, очень хороший пример у вас – это Нововоронежская АЭС, которая работает по всем мировым стандартам. Они чуть-чуть вложили средств, подходили к предложениям вполне разумно... Очень часто разговор идет о западных

стандартах, о мировых стандартах, о цивилизованных нормах и так далее. Но ведь этих понятий не существует!

— *То есть?*

— В каждой стране есть органы безопасности, которые определяют границы ее, предельные нормы и стандарты. Они "привязаны" к конкретным условиям, к реальностям той или иной страны. То, что обязательно для Бразилии, совсем не значит, что необходимо Финляндии или России.

— *Вокруг "Ловиизы" шла острая борьба между компаниями Америки, Европы и нашим "ТВЭЛ" за поставку ядерного топлива — это нормальная ситуация?*

— Рынок есть рынок... Коммерческое соревнование существует, тем более, что мы против монополии на цены. Топливо, поставляемое концерном "ТВЭЛ", нас вполне устраивает, оно отвечает мировому уровню.

Зарубежные партнеры лучше всего знают завод в Электростали. Именно там они регулярно знакомятся с последними достижениями в производстве твэлов и активных зон реакторов. Иногда даже говорят, что "Электросталь — это зеркало всего лучшего, что есть в Минатоме". Во многом славу предприятию создают те самые передовые технологии, о которых любит рассказывать Коновалов. Кстати, многие из них появились, когда он был там директором.

— *Сколько отдано Электростали?*

— Восемь лет. С удовольствием работал там. После Чернобыля пошел в Министерство... Но все-таки какие бы должности я ни занимал, лучшая — это директор завода.

— *Лучше, чем министр?*

— Самая лучшая — директор завода! Ответственность, конечно, очень большая, но ты чувствуешь отдачу от своей работы. Ты видишь, как то или иное решение проходит, воплощается в жизнь. И еще. Нет политики. Ее становится больше, когда работаешь в Министерстве. Не могу сказать, что она доставляет удовольствие... Когда мне предложили идти начальником Главка, я не соглашался. Мне хотелось остаться в Электростали.

— *Что самое важное вами сделано там?*

— Удалось сплотить коллектив на решение конкретных, очень больших проблем. Например, создание поточных механизированных линий по производству твэлов. Такого в мировой практике не было, а ведь количество "изделий" начало измеряться тысячами... Массу технологических переделов нужно было увязать между собой, соединить в единое целое. Когда мы создали поточные линии, у нас резко сократился брак, ликвидировали тяжелый ручной труд.

За поточные линии было присуждено три Государственные премии СССР. К нам приезжали с Запада поучиться. И там после нас начали внедрять такие линии. Я видел их и в Америке, и в Великобритании... А сейчас там же в Электростали сделали "всеядную" поточную линию — на ней можно работать с различными твэлами. Это, конечно же, блестящая работа! Производство твэлов — это одна из самых современных высоких технологий, и то, что мы в данной области лидеры, конечно же, не может не радовать. Этим надо по праву гордиться...

Большой вклад в развитие завода за годы совместной работы внесли — главный инженер К. Егоров, А. Панюшкин, В. Межуев, Г. Потаскаев, Н. Марков, И. Образцов, Б. Александровский, В. Савин, И. Кузнецов и многие, многие другие.

— *Писатель и журналист Борис Фаин написал документальную повесть о заводе. Мне она понравилась. И мне было приятно, что Коновалову там посвящено немало страниц...*

— В те годы, когда я был директором, был заложен фундамент для многих направлений, чуть позже они начали реализовываться...

Я часто вспоминал эти слова В.Ф. Коновалова, когда заинтересовался эрбием. Мне предстояло выяснить, почему он пользуется такой популярностью у атомщиков? Однако оказалось, что дело не только и не столько в научных достижениях, а в той мощной борьбе, что развернулась на мировых рынках ядерного топлива. Я лишь прикоснулся к ней, и сразу же ощутил жаркое ее дыхание. А каково же тем, кто вынужден быть в самом пекле?!

События последних лет на мировом рынке ядерного топлива напоминают и битву при Аустерлице, при Бородино и Ватерлоо одновременно. Причем победы одерживают то французы (их атомные монстры ведут себя традиционно весьма напористо!), то "союзники" — то бишь англичане и американцы, ну а нам, русским, до последнего времени отводилась роль "побеждаемых", то есть мы должны сражаться и отступать, потом вновь собирать силенки, вести изнурительную "партизанскую войну", но тем не менее опять-таки числиться в "побежденных". Дело в том, что речь идет о мировом рынке ядерного топлива, и на него западные монополисты нас пускать не намерены — ведь речь идет о многих миллиардах долларов!

Более того, после распада СССР и социалистического содружества, где наша атомная промышленность диктовала свои условия и куда не допускала конкурентов с Запада, образовалась "брешь", в которую тут же ринулись атомные монстры США,

Канады, Франции, Великобритании и Германии. Разгорелась битва за снабжение атомных электростанций ядерным топливом, тех самых, которые раньше полностью зависели от СССР, да и строились они с нашей помощью и по нашим проектам... Но тем не менее это не смущало наших конкурентов. С помощью своих правительств они добились закрытия ряда АЭС, а на остальных начались проводиться тендеры. Наши атомщики создали концерн "ТВЭЛ", и это молодая (с точки зрения рынка, конечно) фирма бросилась в битву за рынки сбыта, а следовательно, она бросила вызов таким гигантам как "Вестингауз" и "Сименс". И вот уже несколько лет эта битва идет последовательно и весьма ожесточенно, и есть в ней свои Бородино и Ватерлоо. Концерн "ТВЭЛ" — потом он стал открытым акционерным обществом — проиграл тендер в Чехии, но потом взял реванш на Украине... И постепенно он потеснил своих западных конкурентов даже в новых районах сражений за клиентов. В частности, весьма убедительно ОАО "ТВЭЛ" заявил о себе в Китае, куда будет поставлять топливо для новых мощных атомных станций.

И одна из причин успеха — это огромное внимание, которое уделяется научным исследованиям при создании активных зон реакторов. К счастью, за полвека атомной эры в России сложились великолепные научные коллективы и предприятия, которые работают вместе и сообща же решают сложнейшие проблемы научно-технического прогресса. Даже при тотальном отсутствии денег в стране ОАО "ТВЭЛ" старается поддерживать отраслевую науку, потому что прекрасно понимает: завтра начнется отставание от лучших мировых фирм, если сегодня будет прекращено финансирование научных институтов. А конкуренция — вещь не только жесткая, но и творческая — по сути дела сегодня идет соревнование достижений в познании ядерного топлива, и тому лишь обеспечено лидерство на мировом рынке, кому удастся создать не только экономичное и эффективное ядерное топливо, но и прежде всего надежное...

И вот в этой области случилась настоящая сенсация — в России создано уникальное ядерное топливо для атомных электростанций, равному которому нет в мировой практике. Более того, оно уже апробировано на действующих АЭС, и в первую очередь на Игналинской АЭС. Образно говоря, в Литве и случилось то самое Ватерлоо, которое возвестило о победе атомщиков России.

Успех принес эрбий...

Атомная промышленность с самого начала имела дело с экзотическими материалами. Без них невозможно создать сплавы и соединения, которые способны выдерживать сверхвысокие

температуры и давления, а также весьма избирательно относятся к нейтронам. И это прежде всего лантаноиды, семейство которых состоит из 14 химических элементов, среди них — эрбий. Вместе со скандием и иттрием они образуют группу редкоземельных элементов.

Было хорошо известно в мире, что в Советском Союзе ученые и специалисты создали весьма эффективную технологию получения сверхчистых редкоземельных элементов, а потому после распада СССР и выхода на мировые рынки наших предприятий практически без контроля со стороны государства, началась настоящая охота за тем же скандием, иттрием и другими лантаноидами. Металлы бесконтрольно вывозились за границу и сбывались там по бросовым ценам. К счастью, эрбий остался как бы в стороне — предприимчивые коммерсанты не подозревали, что в недрах атомных НИИ разрабатывается уникальное ядерное топливо, где роль выгорающего поглотителя будет играть эрбий. А знаменитый "Машиностроительный завод" в Электростали — первенец нашей атомной промышленности — начнет выпускать с ним твэлы для реакторов РБМК. И это сразу же скажется на эффективности работы АЭС, а также на ее безопасности.

Кстати, будь такое топливо раньше, то не возникло бы на Западе представления о том, что реакторы РБМК (их еще называют реакторами Чернобыльского типа) используются не только для производства электроэнергии, но и для получения ряда компонентов ядерного оружия. Легенда возникла из-за государственных нейтронов. Дело в том, что ради повышения безопасности реактора в нем были введены дополнительные стержни из бористой стали, которые поглощали нейтроны. Это снижало эффективность работы реактора, а потому западные специалисты предположили, что столь "неразумная трата нейтронов вызвана какими-то специальными работами, что ведут советские физики, и ясно, что они связаны с оружием..." К сожалению, дополнительные меры защиты РБМК — а это было именно так! — не предотвратили катастрофу в Чернобыле...

И только после нее для создания нового топлива с эрбием был открыт "зеленый свет".

Из служебной записки ученых руководству ОАО "ТВЭЛ":

"Исследования показывали, что при переходе на топливо с эрбиевым выгорающим поглотителем возможно избавиться от дополнительных поглотителей — "пожирателей нейтронов", которые к тому же, и сами по себе стоят значительных денег. Полученный в настоящее время на РБМК уровень безопасности будет достигнут другим, более функциональным путем. Более того, возникнет возможность существенного сокращения объемов отработавшего

ядерного топлива, что также идет в копилку повышения безопасности. При всем при этом применение топлива с эрбиевым поглотителем позволяет получить на РБМК экономический эффект, выражаемый десятками миллионов долларов в год... Подобное топливо не имеет аналогов в мировой практике развития энергетических ядерных реакторов."

Необычность ситуации в том, что несмотря на тяжелейшее финансовое положение в отрасли инициатива ученых была поддержана, первая партия топливных сборок была сделана для второго энергоблока Игналинской АЭС. Их испытания полностью подтвердили прогнозы ученых, в том числе и по экономической эффективности. Ну, а о безопасности и говорить нечего! Предполагается полностью "переоснастить" все АЭС новым топливом уже в ближайшие годы.

Когда-то специалисты довольно мрачно шутили, мол, в реакторы РБМК "забиты осиновые колья (то есть стержни из бора), и это в конце концов приведет к гибели таких реакторов". Но судьба распорядилась иначе, и теперь уже речь идет о том, что когда-то решение о прекращении строительства новых реакторов РБМК, принятое Политбюро ЦК КПСС сразу же после Чернобыльской катастрофы, ошибочно, мол, поторопились тогда с запретами... Впрочем, дискуссии об этом впереди, и пока рано говорить о конечном результате, однако создание топлива с эрбием весьма весомый аргумент "за".

Нет, рано еще ставить крест на науке России, хотя это и пытаются сделать некоторые конкуренты на Западе. История создания нового ядерного топлива свидетельствует о том, что разумный подход к поддержке отечественной науки, четкая оценка приоритетов и адресная поддержка исследовательских коллективов и предприятий, — все это позволяет нам весьма эффективно работать на мировом рынке.

— *Не слишком патетично написано, Виталий Федорович?*

— Нет. В атомной промышленности наука всегда была лидером. Впрочем, сказано неточно: просто без науки не было бы нашей промышленности...

Заметки на полях.

Монолог академика Н.П. Лаверова

Последние годы я являюсь председателем Экологической комиссии при Совете безопасности России. Основная работа моя, конечно же, в Российской академии наук, где я курирую науки о Земле. Одновременно являюсь членом Коллегии Минатома, в его систему я попал в 1947 году. Вхожу также в различные советы и комиссии, связанные с Океаном, изменением климата и так далее.

Я все это говорю с единственной целью, чтобы доказать, что в России есть человек, который в курсе глобальных экологических проблем. Такой человек обязательно нужен, так как необходимо проблему видеть и оценивать в комплексе, а не по отдельным "сусекам", как это принято в науке и обществе.

Экологических проблем необычайно много, и они очень сложны. Однако особое место среди них занимают те, что связаны с радиационным загрязнением России.

И вот именно здесь я должен сказать добрые слова в адрес Виталия Федоровича Коновалова. С ним я знаком много лет и на моих глазах он принял ряд важнейших решений, которые самым благоприятным образом сказались на судьбе России. Я имею в виду лишь одну грань его работы — это экологическая безопасность страны.

Всего было 14 программ, связанных с радиационной безопасностью в стране. Это и Чернобыль, и "Уральский след", и атомные подводные лодки, и захоронение радиоактивных отходов, и так далее. Каждое ведомство старалось получить деньги для своих целей, а поэтому шла борьба между чиновниками — дело же не двигалось. Правительство решило собрать все силы в единый кулак, создать одну программу, которая не только была бы поддержана финансово, но и которая позволяла бы контролировать рациональное расходование средств. Вполне понятно, что денег немного, а потому их нужно тратить с умом. И большая группа специалистов свела все ведомственные программы воедино. Наконец, надо было "проинвентаризировать" все, что делалось в последние десятилетия, разобраться с тем, что удалось осуществить, что необходимо сделать в первую очередь и каким путем идти дальше. Поэтому я считаю, что "Программа радиационной безопасности России" хорошо проанализирована, продумана, вполне реальна, так как на ее осуществление выделены ассигнования. То есть сегодня мы говорим о реальных делах и реальных наших возможностях.

Что же сейчас является, на мой взгляд, наиболее важным?

Главное, о чем следует говорить, это ситуация вокруг "Маяка". Там на поверхности находится около 200 миллионов юри. Я имею в виду озеро Карачай. В Чернобыле было 40-50 миллионов, так что на территории комбината "Маяк" — "четыре Чернобыля". Такова цена создания в СССР ядерного оружия. Кроме того, под озером Карачай образовалась линза подземных вод, площадь которой 20 квадратных километров. "Язык" от этой линзы перемещается к водозаборам, поэтому мы вынуждены их закрывать.

Таким образом, ситуация на "Маяке" ясна. Сейчас там проводятся большие работы по безопасности. Прежде всего, идет

"закрытие" озера Карачай сверху, укрепляются плотины на каскаде водоемов, чтобы снизить возможность прорыва вод в реку Теча.

По "Маяку" существует система оценки риска, и в этих работах принимали участие международные организации. В "Программе радиационной безопасности России" ясно и понятно определено все, что необходимо делать по "Уральскому следу". И такая работа, на мой взгляд, идет весьма успешно.

Впервые в мире остекловано за последние годы 300 миллионов юри. Это фантастическая цифра! Ни одна страна не имеет такого количества остеклованных отходов, и это уже само по себе свидетельствует о той огромной работе, которая проводится по нейтрализации, так сказать, опасных веществ. Это жидкие технологические отходы, хранящиеся в специальных емкостях — в танках (одна из них взорвалась в 1957 года и породила "Уральский след") переводятся в сухое состояние, помещаются в специальные ампулы, потом в контейнеры, которые опускаются в ячейки бетонных хранилищ. Там они будут находиться 50 лет. Когда короткоживущие нуклиды распадутся, то содержимое ампул вновь попадет на переработку. И уже долгоживущие нуклиды будут заложены в хранилища на 100-150 тысяч лет. Места для таких "вечных складов" сейчас выбираются...

На "Маяке" построено прекрасное хранилище для плутониевых и урановых боеголовок. Они будут находиться в специальных контейнерах под непрерывным контролем. На мой взгляд, это пример реального разоружения и доверия между ядерными державами.

"Десятилетие реформ" обычно представляется как развал, разруха, кризис экономики, потеря интеллектуального потенциала, деградация общества и так далее. Я не хочу и не буду с этим спорить! Единственное, что хочу сказать: удивительно, но в эти годы на "Маяке" была проделана столь грандиозная и эффективная работа по обеспечению радиационной безопасности. Ничего подобного мировая практика не знает. И толчок этим работам дал Виталий Федорович Коновалов, который после Чернобыля стоял во главе Министерства — сначала как заместитель министра, потом как министр, и затем вновь как первый заместитель министра. Он "курировал", в частности, и это важнейшее направление работ.

Кроме того, о чем я уже упомянул, на Комбинате создана установка по фракционированию нуклидов, идет систематически прием на переработку топлива с атомных субмарин, работает завод по производству различных нуклидов для медицины и техники...

"Маяк" по сравнению со своим аналогом в США — я имею в виду Хэнфорд — выглядит гораздо лучше. Там не проводится

остекловывание, так как, мне кажется, американцы боятся вскрывать свои емкости с отходами, хотя они уже и подтекают — я это видел собственными глазами. Надежная и повседневная работа с радиоактивными отхода — это звено в цепи атомной промышленности, и оно должно быть надежным. То, что мы занимаемся этой проблемой уже много лет, свидетельствует о разумной подходе к ядерной безопасности. Американцы остекловывали отходов гораздо меньше, чем мы, и в этой области отстают от России. Кстати, они внимательно следят за теми работами, что идут на "Маяке".

Не хочу все рисовать в розовом цвете. Пока на комбинате "Маяк" есть танки с радиоактивными отходами, опасность взрыва их существует. Потребуется несколько лет, чтобы полностью провести остекловывание этих отходов. Это единственный путь решения этой проблемы.

Танк — это емкость из стали, которая опутана трубами с холодной водой. В ней находится 80 тонн отходов. Когда они разогреваются, то в случае прекращения подачи холодной воды может произойти взрыв — в танках образуются опасные солевые отложения. Конечно же, наблюдение за танками ведется постоянное, особенно после аварии 1957 года, но все-таки они несут потенциальную опасность. Практически каждая проверка вскрывает какие-то отклонения от технологии хранения, а потому эта примитивная система не может дальше существовать. Перевод жидких отходов в твердое состояние, помещение капсул в специальное хранилище полностью обеспечит их безопасность.

Есть еще радиоактивные отходы на "Маяке", которые сосредоточены в каскаде водоемов. На берегу одного из них планировалось строительство Южно-Уральской АЭС. Одно время о ней шло много разговоров. Специалисты Минатома убеждены, что удержать уровень воды в водоемах можно только с помощью АЭС. Но всевозможные экологические организации выступили против строительства и стройка заморожена.

Конечно, идея о строительстве этой АЭС рано или поздно, на мой взгляд, пробьет себе дорогу. В Озерске живут прекрасные специалисты, и я уверен, что они смогут обеспечить надежную и безопасную работу атомной станции. Она нужна не только с точки зрения экологии, но и из-за нехватки энергоресурсов на Южном Урале, но сейчас все-таки строительство там АЭС нереально: нет денег. Если мы задумаемся о судьбе "Маяка", то в середине XXI века там появится атомная станция.

Второе — Карачай будет доведен до "зеленой лужайки". Контроль за распространением подземной водяной линзы будет вестись очень жестко, и при необходимости мы будем управлять ее

движением. Сейчас практически уже все специалисты — и наши, и зарубежные — согласились с тем, что это своеобразное подземное захоронение жидких отходов. И контроль за ними должен быть точно таким же, как в Томске, Красноярске и Димитровграде, где осуществлялось подземное захоронение отходов. "Выкачать линзу", как это некоторые предлагали, невозможно, так как нуклиды вступили в различные соединения с породой. Технических сложностей в "управлении линзой" нет. К примеру, из контрольных скважин можно перекачивать жидкость в центр линзы и таким образом создать как бы круговорот опасных вод. Есть и другие методы управления линзой, и они весьма разнообразны. Созданы модели линзы, которые учитывают все факторы, и это уже залог того, что удастся взять ее под полный контроль. Это уже наука, а не мистика, которая на протяжении многих лет главенствовала при обсуждении проблем "Маяка". Я согласен, что этому способствовала и тотальная секретность, окружающая комбинат. Но это уже в прошлом.

Итак, Карачай, линза, атомная станция... И еще, конечно, фракционирование нуклидов и выделение альфа-эмитеров, которые нельзя разрушать с помощью ускорителей. Мы провели крупное совещание в Америке и согласились, что в ускорителях нельзя полностью разрушить нуклиды, перевести их в короткоживущие группы — все равно остаются долгоживущие нуклиды. Да и экономически это очень дорого. Так что на этом совещании мы пришли к единодушному выводу: альтернативы подземным захоронениям нет!

Но это будут хранилища или захоронения? Имеете вы доступ к отходам или нет?

Все-таки, приводя аргументы "за" и "против", все согласились, что доступ в хранилища для контроля должен быть. Это подтверждает и опыт специалистов Швеции, Германии, Франции, где такие склады отходов есть. Одно из лучших, на мой взгляд, хранилищ для ядерного топлива находится в Финляндии.

Так что следующий шаг для "Маяка" ясен: там необходимо создавать постоянное хранилище, аналогичное тем, что уже есть в Европе.

Почему я так подробно говорю о "Маяке"? Дело в том, что не только в России, но на планете это самое "больное" место. Так уж получилось, но именно здесь мы столкнулись с самыми сложными проблемами ядерной безопасности, а потому к "Маяку" приковано внимание специалистов всего мира. Почти 150 лет ученые изучали миграцию и поведение известных им ста элементов. В районе "Маяка" образовалось множество искусственных нуклидов, о которых

известно очень мало. Их нужно изучать, следить за их взаимодействиями с породами, водой, живыми существами. По сути дело, образовалась новая "планета", и ее геохимический состав следует познать. Ученые постоянно сталкиваются с необычными явлениями, так как, к сожалению, выясняется, что новые нуклиды мигрируют очень хорошо.

Меня иногда спрашивают: а если все бросить и ничего не делать? Сразу отвечу: произойдет катастрофа! Кстати, это не просто слова – такой сценарий рассматривался учеными. Не буду нагнетать страсти и рассматривать самые тяжелые последствия, остановлюсь лишь на самом простом варианте: взрыв одной или двух емкостей. Это вполне реально, так как они гниют... К сожалению, печальный опыт такой аварии есть – 1957 год. Теперь умножьте эту беду в два-три раза, и у вас уже будет полная картина "бездействия".

На тонну переработанного топлива появляется сто тонн жидких отходов. Если их не остекловывать, то опасных емкостей будет год от года становиться все больше. Как известно, в реакторах выгорает лишь несколько процентов топлива, а остальное должно перерабатываться и вновь использоваться в реакторах. К сожалению, пока замкнутого цикла у нас не получается, так как из-за протестов экологов не построен завод РТ-2 под Красноярском. Рано или поздно это случится, потому что иного пути нет. Но до тех пор надо хранить отработавшее ядерное топливо, что тоже требует денег, но почему-то экологи, протестуя, этого стараются не замечать.

Из эксплуатации выведено 180 атомных подводных лодок. Большая часть из них находится на Северном флоте, но есть и на Тихоокеанском. Если мы не уберем тепловыделяющие сборки из их реакторов, не переработаем их и не поместим их в хранилища, то опять-таки возникает критическая ситуация, то есть мы осмысленно ведем дело к катастрофе. Однако возможностей проводить такую работу у нас нет. На утилизацию одной атомной лодки требуется много средств, этот процесс лишь в два раза дешевле, чем строительство новой лодки! Ясно, что дело это разорительное... Сейчас лодки стоят у причалов, а на Камчатке одна из них тут же утонула. Хотя реакторы и заглушены, но топливные сборки не извлечены. К сожалению, возникают и аварийные ситуации... А океан очень быстро распространяет "грязь" на большие расстояния. Раньше по этому поводу были ошибочные представления.

В Карском море, как известно, затоплены реакторы ледокола "Ленин" и двух лодок. Там быстро идет заиливание, и в прошлом году мы не смогли найти реакторы, хотя работало специальное

судно "Борис Петров". Однако это вовсе не значит, что такое "захоронение" очень надежно. И здесь нам приходится спорить с американцами и англичанами. Кстати, они делают все, чтобы их любые отходы не оставались на их территории, а попадали в Мировой океан. При запусках ракет первые ступени падают на Землю, и нам приходилось выделять специальные территории, а американцы отправляют их в Атлантический океан. Англичане многие годы сливали радиоактивные отходы в районы Гольфстрима, и течение уносило их к берегам Норвегии и на наш Север. Имеется четкий радиоактивный "след" в Баренцевом море от Селлафильда до западного побережья нашей Северной Земли. Англичане попытались возражать против этого, но по набору нуклидов нам удалось доказать, что это их производство... Они вынуждены были согласиться, так как "портрет радионуклидов" для каждого радиохимического производства неповторим...

Будущее нашей планеты во многом зависит от того, как мы избавимся от наследия "холодной войны", какие меры примем, чтобы обеспечить чистоту природной среды. И деятельность каждого руководителя, я считаю, следует оценивать по тому, как он и его ведомство обеспечивает экологическую безопасность страны и планеты в целом. Безусловно, это очень высокие требования. Скажу без преувеличения: В.Ф. Коновалов на всех постах, которые он занимал в системе Средмаша и Минатома, эти требования выдерживал!

Разговор шестой:

В нем принимают участие два человека. Так уж случилось, но судьба свела их однажды и теперь в будущее они шагают вместе. А беседовали мы о твэлах и ОАО "ТВЭЛ", которые они создавали и которым нынче руководят.

Атомная бомба и твэл – близкие родственники. В них используются одни и те же материалы, сплавы, металлы, наконец, тот же уран. Разница – в степени обогащения, потому что "профессии" у родственников разные. Твэлу необходимо работать долго, постепенно отдавая в активной зоне реактора свою колоссальную энергию. Ведь не случайно их называют "солнечные карандаши" – основы физических процессов, идущих на Солнце и тепловыделяющих элементах одни и те же... Твэл еще называют сердцем реактора, и этот образ имеет право на существование, так как без твэлов, сборок, кассет атомная станция превращается в пирамиду – грандиозное, но бессмысленное сооружение.

Повторяю: элементы для твэлов и ядерных боеголовок рождаются на одних и тех же предприятиях, хотя зачастую о их предназначении сами работники этих предприятий и не догадываются. Такова уж традиция в атомной промышленности: секретность есть секретность. Вспоминаю такой случай. В середине 60-х годов Ефим Павлович Славский разрешил мне побывать на заводе в Электростали и познакомиться с производством твэлов. До обеда нам удалось посмотреть несколько цехов и фотокорреспондент "Комсомолки" сделал пару десятков кадров. Директор завода пригласил нас на обед. Через полчаса фотокорреспондент вспомнил, что не совсем удачно снял одного рабочего у станка, где шла электронная сварка – новшество в то время. Вместе с директором они направились в цех, но их туда не пустили. У входа стояли два автоматчика. Директор извинился, мол, даже он не имеет права пустить чужих в цех, так как там начались "иные работы". Нетрудно было догадаться, что в цехе начали делать элементы "изделий"...

Почему я так настойчиво говорю о "родственниках"? Дело в том, что этот образ возник, когда я попал на седьмой этаж здания Министерства на Большой Ордынке. Здесь находится ОАО "ТВЭЛ". А по соседству тот самый Главк (потом Департамент), который курирует проектирование и испытания ядерных боеприпасов. И еще:

те беды, что присущи нынче "ТВЭЛ", типичны для всей атомной промышленности, потому что когда организм заболевает, то температура поднимается во всем теле...

У Виталия Федоровича Коновалова и Леонида Дмитриевича Проскурякова много общего не только в судьбе, но и в характерах. В нашей беседе была случайно обронена фраза о "хранителях огня", мол, это извечная и непреходящая ценность в истории цивилизации. На всех ее изгибах, при подъеме и падении, в бурных схватках и медленном течении времени, — всегда были люди, которые пытались сохранить все ценное, что было накоплено до этих событий. Они упорно стояли на своем, а потом выяснялось — именно они правы. И благодарные современники (а чаще всего — потомки, к сожалению) называли их "хранителями традиций", "стойками", "символами эпохи". Возможно эти слова кому-то покажутся возвышенными, излишне эмоциональными, но суть не меняется: подобно хранителям огня в древности есть среди нас люди, которые выполняют столь почетную миссию сегодня. И их важно знать.

Я убежден, что Коновалов и Проскуряков относятся именно к таким людям!

Иногда кажется, что в наше время нить, связывающая прошлое и настоящее, порвалась. Однако это не так, потому что есть такие люди, как Коновалов и Проскуряков, которые держат ее и не дают порваться, а потому "атомная нить" еще существует...

Виталий Федорович Коновалов продолжает упорно связывать ту порванную во времена перестройки атомную нить — он ведь "хранитель огня"...

Я спросил его:

— Вы счастливый человек, Виталий Федорович?

— Считаю, что "да"...

— А что такое счастье для вас?

— Удовлетворение от работы. А оно у меня есть, так как все-таки удалось воссоздать топливно-ядерный цикл. Это то дело, которым я занимался последние годы... К сожалению, меня не всегда до конца поддерживали, но тем не менее я не отступал...

— Что вы хотели сделать?

— Возьмем, к примеру, металлургические заводы. Не имеет значение в какой организационной структуре они находятся. Тот же "Норильский никель". Банк купил его, а комбинат продолжает работать и выпускать продукцию — для него смена хозяина особого значения не играет... Иное дело ядерный топливный цикл. Тут есть специфика, в том числе и проблемы нераспространения. По сути дела, существуют монопредприятия. Желтые Воды на Украине — рудник, затем Степногорск в Казахстане, а в России —

Краснокаменск. Но это лишь начало цикла. Далее идет цепочка производства окиси-закиси, затем переработка тетрафторида – единственный завод! – далее обогащение урана... И каждое предприятие уникальное, подчас единственное. Вроде бы благодаря этому правительство в нем заинтересовано, но само по себе оно не только в отдельности существовать не может, но и особой ценности не представляет... Так вот, границы между республиками бывшего Союза разрубили все ядерные цепочки, которые создавались невероятными усилиями многих сотен тысяч людей и которые требовали огромных материальных затрат. Когда все были в одной "оболочке" – я имею в виду СССР и страны СЭВ, то проблем не было: строилась АЭС и сразу же подразумевалось, что она будет получать топливо от вполне конкретных предприятий. И у директора АЭС об этом голова не болела – за него решали в Министерстве и Госплане.

– *А теперь?*

– Ситуация коренным образом изменилась!.. Чтобы атомная станция работала стабильно в базовом режиме, она должна получать топливо минимум от двух партнеров.

– *Почему?*

– Недавно новый блок пускали на Запорожской АЭС, и шел у нас разговор с директором. А он и говорит, мол, получают они твэлы с Новосибирского завода. А если там забастовка? Или авария? Или другое чрезвычайное положение? В общем, всякое бывает... Однако если Новосибирский завод на два-три месяца остановится (а такое, что греха таить, случится может!), то и Запорожской АЭС нужно останавливать все шесть блоков?.. По рекомендации МАГАТЭ атомная станция должна иметь минимум двух поставщиков топлива, причем один из них должен иметь техническую возможность полностью обеспечить АЭС... Когда Советский Союз распался, западные предприниматели посчитали, что в Восточной Европе и на Украине образовался свободный рынок ядерного топлива. И они начали делать все возможное, чтобы захватить его или по крайней мере вторгнуться в него. США, Франция, Германия и Великобритания и наш "ТВЭЛ" начали бороться за свое место под солнцем.

– *А по сути Минатом?*

– Нет. "ТВЭЛ" создан на базе предприятий Минатома – раньше это было Главное управление Министерства, но теперь концерн достаточно самостоятелен. Это по сути та самая "топливная цепочка", о которой я говорил. Ну, а Минатом – гораздо шире. "ТВЭЛ" – это прежде всего топливо для АЭС.

– *Простите, что перебил...*

– Итак, по сути пять крупнейших фирм, имеющих полный

пакет услуг, делят весь атомный мир планеты. И каждая станция смотрит: с кем ей работать? Например, свой выбор останавливают на "Вестингаузе". Почему именно на нем? На "Вестингаузе" два завода выпускают твэлы. Это самостоятельные предприятия. Причем не имеет значения, где именно находятся заводы — в США или Южной Корее, главное, чтобы они были... Но и этого мало! На станции смотрят: а какие заводы поставляют таблетки и сколько их? Опять-таки необходимо минимум два предприятия... А как дела с цирконием? Оказывается, у "Вестингауза" и тут два завода. Следовательно, АЭС анализирует устойчивость всей системы производства ядерного топлива. Плюс к этому — способность к конкуренции, а значит и ценовую политику... Вот почему, когда идет разговор о снабжении топливом станции, появляется два-три конкурента, которые предлагают свои услуги. Так принято на Западе, и в такой системе я не вижу ничего плохого.

— Но у нас этого не было!?

— У нас были иные представления. Мол, будем давать той же Запорожской АЭС топливо для всех шести ее блоков из Новосибирска, ну а там введем в строй необходимые для этого мощности. И с таким положением в СССР никто не спорил. Однако на мировом рынке, куда мы вышли после распада Союза, все иначе: во-первых, через пять-шесть лет на станцию может придти "чужой" поставщик топлива и, если его условия окажутся лучше, то предпочтут его, и во-вторых, основным заказчиком (тот, кто платит деньги) становится сама станция, а не государство. Поэтому-то "заказчик всегда прав"... Чтобы выиграть тендер на поставку топлива для Запорожской АЭС, теперь "ТВЭЛ" должен иметь два завода. Да, мощностей в Новосибирске хватает, но речь идет о стабильности, а потому в Электростали нужно осваивать новое производство. Не будь этого, тендер могут выиграть американцы... И ничего не поделаешь, так как на мировом рынке условия игры именно такие. Я побывал на всех предприятиях топливного цикла, которые есть в мире, а потому знаю суть дела...

— *Ломать стереотипы трудно?*

— Когда приводишь конкретные данные, реальную экономику, то убеждать легко. В случае с Запорожской АЭС мне было ясно, что мы лишимся минимум трех блоков, если не освоим новое производство в Электростали. К счастью, удалось убедить коллег... Аналогичный процесс идет и в Новосибирске — там будут выпускаться твэлы для реактора ВВЭР-440. Мы проанализировали перспективу, поняли, что работы нам хватит до 2025 года. Я имею в виду действующие реакторы...

– *Твэлы – это первый шаг?*

– Конечно. Начали разбираться с таблетками, с цирконием, со всеми материалами. И теперь внутри оболочки "ТВЭЛ" удалось создать вполне устойчивую, отвечающую мировым требованиям систему. А потому, к примеру, тендер на Украине мы выиграли, хотя перевес был небольшой...

– *Какой?*

– Три голоса экспертов. Восемь – "за", пять – "против". И эта победа еще одно свидетельство того, что концерн не только способен конкурировать с "Вестингаузом", но и выигрывать у него... Мы будем поставлять топливо для АЭС Словакии. К сожалению, мы проиграли тендер в Чехии, там первенствовал "Вестингауз" – но тот опыт горький мы учли...

– *Такие победы и поражения стоят дорого?*

– Да, речь идет о миллиардах долларов...

– *Значит, удалось все-таки реализовать планы 1990 года?*

– Не совсем... По топливному циклу, пожалуй, да. Но ситуация теперь иная, она постоянно усложняется... Думаю, под эгидой Минатома должны существовать хозяйственные структуры, но действовать они обязаны самостоятельно... Иное дело – создание оружия и оружейный комплекс. Здесь нужно прямое руководство Министерства. Фундаментальные проблемы – наука и оружие – питаются из бюджета, тут не до коммерции... Таким образом, в рамках Минатома России уже существуют разные структуры и это, на мой взгляд, отвечает потребностям нынешнего дня.

– *А как же рудники, обогатительные заводы, что находятся на Украине и в Средней Азии, в Казахстане?*

– Интерес, безусловно, представляет Казахстан...

– *Шевченко?*

– Там нет урана... Раньше добывали четыреста тонн в год. Это отложения морского ракушечника, и они постепенно уходят все глубже и глубже... Этот район интересен не с точки зрения добычи урана. Считалось, что добывается уран и параллельно "редкие земли". Но на самом деле все наоборот: там уникальная группа металлов, и все они нужны в Европе, в мире. Так что Шевченко ценен не ураном, а редкоземельными элементами... В Казахстане очень ценен и Степногорск. С помощью подземного выщелачивания можно резко облегчить добычу урана, то есть избавиться от шахтного способа. И в Казахстане новый метод опробован – он доказал свою эффективность. Если сегодня цена урана 35-40 долларов за килограмм, то там сырье обходится в 12-15... А розничная цена в мире сегодня порядка 20 долларов за килограмм. Вот и размышляйте, где выгодно добывать уран...

– В Средмаше было положено проходить все ступени, не так ли?
– У нас всегда ценился профессионализм, да и руководить нельзя, не зная суть дела, то есть наше производство. А оно, как известно, особенное...

– *Может создаться впечатление, что вы занимались сугубо "гражданской ветвью" в атомной индустрии, но ведь это не так?*

– В те времена на первом месте стояло оружие, и все комбинаты и заводы, на которых я работал, в первую очередь выполняли оборонные заказы. Конечно, столь интенсивная работа над оружием очень стимулировало развитие нашей отрасли, однако весьма жаль, что выходов в мирную, гражданскую продукцию было немного. Этому тогда не уделялось особого внимания, его было явно недостаточно, и это одна из причин того, что с конверсией в оружейном комплексе мы испытываем большие трудности... К примеру, создание разделительных производств – это большое достижение науки и техники. До сегодняшнего дня ни США, ни Франция не имеют таких производств, уступают нам довольно значительно. Значит, интеллектуальные возможности были у нас огромные, и надо было работать шире, по многим направлениям – тогда бы нам было сегодня намного легче...

– *Не думали о конце "холодной войны"...*

– Не верилось, что это возможно...

– *Хочу спросить об очень важном для меня. Как известно, в США и СССР были созданы мощная атомная промышленность и суперсовременные оружейные центры. Уровень приблизительно одинаков – в чем-то они опережают нас, в чем-то мы их. Но почему затраты у нас в десятки раз меньше?*

– Дело не только в том, что мы платили меньше, чем американцы, ученым и специалистам, что мы использовали труд заключенных... Эти факторы, конечно же, тоже необходимо учитывать. Но на первом месте я все-таки назвал бы иное : создание и использование новейших технологий. В России ведь огромное количество очень талантливых и трудолюбивых людей. Причем они не гонятся за большой оплатой, а прежде всего получает гигантское моральное удовлетворение от сделанного. Это важнейшее свойство русского характера. Высшее удовлетворение, счастье, наилучшая премия – это эффект от достижения конечной цели. Повторяю, не деньги, а моральное удовлетворение... Ну и конечно, дисциплина была. Плюс к этому – тень минувшей войны, в которую страна вступила неподготовленной, а потому новой ошибки допускать нельзя было – так что в атомном проекте патристические черты русского человека не могли не сыграть главную роль.

— *А когда у вас был самый счастливый день? И где это случилось: в Челябинске-40, Усть-Каменогорске, Глазове или Электростали? Я не имею в виду личную жизнь...*

— Понятно... А таких дней было много! Но особо помню оценку нашей работы по танталу. Присуждение Государственной премии СССР. Воспринималось это по-особому — ведь жили и работали мы в глубинке. Радость и счастье захлестнули нас... Но прежде всего вспоминается работа, работа и работа. Причем застоя в нашей отрасли не было. Сначала — оружие, потом атомная энергетика, освоение новых материалов, новейших технологий. Вспоминается мудрый Анатолий Петрович Александров. Однажды на какой-то конференции докладчик сказал, что "такой-то материал стоит очень дорого". На это Анатолий Петрович ответил: "Когда-то алюминий стоил почти как золото. Но наши отцы все-таки выпускали его, работали над технологией. Неужели мы будем глупее наших предков!?" В общем-то простые слова сказал академик, но за ними весь смысл развития новой техники, в том числе и нашей отрасли промышленности.

— *Но ведь нынче говорят о крахе атомной энергетики?*

— Я не могу с этим согласиться! Да, Чернобыль нанес удар по атомной энергетике, но в то же время многому научил атомщиков. И сегодня наша отрасль находится на мировом уровне, специалисты в разных странах очень высоко оценивают и наши комплектующие, и наше ядерное топливо, и наши предприятия. Я не могу сказать, что наши заводы самые лучшие в мире, в таком утверждении есть определенная погрешность, однако то, что они находятся на переднем рубеже — это бесспорно.

— *Можно ли говорить, что "его величество твэл" сегодня становится "звездой", затмевая атомную бомбу?*

— Естественно, на первое место выходит атомная энергетика. Основные работы и исследования по созданию ядерного оружия осуществлены, однако нужно обязательно поддерживать этот научный и производственный потенциал. Необходимы мобильные центры и группы, которые совершенствовали бы ядерное оружие, делали его современным. Конечно же, такого масштаба материальные и интеллектуальные затраты, что были в прошлом, сегодня не нужны, но обеспечение оружейного комплекса всем необходимым — это прямая обязанность государства. А с другой стороны, на базе фундаментальных разработок, осуществленных для нужд оружия, необходимо развивать мирные направления. К чести нашего Министерства это всегда у нас делалось, а сейчас — не только тактическая, но и стратегическая линия.

— *Вы гордитесь прошлым?*

– Мне не стыдно за него ни перед детьми, ни перед внуками. Своими и чужими.

– *А ведь это высшие судьбы для нас, не так ли?*

– Безусловно. А все остальное – суета...

Заметки на полях. Схватка в Европе.

Американцы проигрывать не любят. И особенно в тех случаях, когда речь идет о многих сотнях долларов. Но так случилось, что могущественная фирма "Вестингауз" – атомный монстр США – уступила российскому концерну "ТВЭЛ". Причем американцы проиграли по всем параметрам: по качеству продукции, по ее цене, по объему услуг. Казалось бы, честно признай свое поражение и старайся поднять уровень своей продукции! Однако негласные законы конкуренции допускают любые методы, и "Вестингауз", привыкший подминать под себя любых соперников будь то в Европе или Азии, решил начать новую атаку на атомщиков России.

Речь идет о ядерном топливе для АЭС – тепловыделяющих элементах (ТВЭлах), сборках, кассетах, – в общем, всего того, что составляет сердце реактора, его активную зону. Вполне понятно, что ТВЭЛ – это наукоемкая продукция, стоимость ее высока.

После распада СССР крупные фирмы Запада пытаются вытеснить Россию из ее традиционных рынков. Борьба разгорелась как в странах Восточной Европы, так и в ближнем зарубежье. "Лакомый кусочек" для предпринимателей Запада представляют атомные станции Украины, вокруг обеспечения их ядерным топливом и разгорелась борьба. В октябре 1995 года тендер на поставку топлива АЭС Украины выиграл российский концерн "ТВЭЛ". Он победил международный концерн АВВ и американскую корпорацию "Вестингауз". Естественно, все условия тендера, объявленного правительством Украины, концерн "ТВЭЛ" выполнил.

Казалось бы, понятно, почему он стал победителем, мол, "сами станции строили, самим и нужно обеспечивать их топливом..." Однако в жизни все иначе. Мы строили АЭС в Чехии, но тендер там проиграли, и теперь АЭС в Темелине обеспечивать топливо должны американцы... Почему я говорю "должны"? А дело в том, что "Вестингауз" не может пока "освоить" станцию, которую проектировали наши специалисты, и многие уже в правительстве Чехии жалеют, что в ходе тендера они слишком большое значение придали разным политическим мотивам. И вот теперь пуск АЭС в Темелине задерживается на годы, и это наносит огромный экономический ущерб республике. А рядом работает АЭС в Дукованах. Ее обеспечивает топливом концерн "ТВЭЛ", и никаких нареканий от руководства станции нет,

напротив, они всячески стараются расширить сотрудничество с российскими атомщиками. В мае этого года я был в Чехии, и как говорится, все видел своими глазами...

И вдруг читаю в украинской и московской прессе: "Правительство Украины может пересмотреть результаты тендера, и объявить победителем компанию, занявшую второе место. Второе место занял "Вестингауз", располагающий очень хорошими технологиями производства топлива, которые уже прошли успешную апробацию на атомных электростанциях в Чехии".

Тут уж все поставлено с ног на голову! Об "апробации в Чехии" я уже сказал: кстати, всеми способами "Вестингауз" пытается туда заманить наших специалистов на работу, и только в этом случае АЭС может быть пущена к концу этого века (в лучшем случае!)... Во-вторых, никакого "заявления" или чего-то подобного от правительства Украины не было.

В-третьих, все украинские АЭС обеспечены топливом, и это, к сожалению, приносит большие убытки концерну "ТВЭЛ", так как денег за поставленное топливо пока нет. На АЭС говорят, что они их перечислили, но по "дороге АЭС – концерн "ТВЭЛ" создано слишком много "перевалочных пунктов", то есть посредников, а потому деньги пока так и не пересекли границу России...

Ситуация, конечно же, непростая, но, к сожалению, типичная для России и Украины: неплатежи буквально душат экономику обеих стран. И этим положением, вероятнее всего, решили воспользоваться конкуренты наших атомщиков – они и подбросили дезинформацию в газеты и на телевидение. А так как в этих материалах "дядюшка Сэм" выглядит слишком уж добреньким, то нетрудно догадаться откуда дует ветер.

Я упомянул о своих встречах с атомщиками в Чехии. Об одной следует, на мой взгляд, упомянуть особо, так как она имеет прямое отношение к нашему разговору о "ТВЭЛ".

Директором АЭС Алеш Йон стал довольно неожиданно. Его предшественник уехал в Прагу утром, а к вечеру уже вернулся с сенсационным сообщением, что он уходит, так как "очень устал и ему нужно обязательно отдохнуть", а новым директором назначен Алеш Йон. Такого поворота событий никто не ожидал, хотя разговоры о том, что у соседей (то есть на АЭС в Темелине) дела идут не очень хорошо, а потому туда нужна "крепкая рука" и выбор пал на их директора. Ну а назначение Алеша Йона было очевидным: у него авторитет большой не только на станции, но и на международном уровне – он был в руководстве Московского Центра ВАО АЭС, то есть той самой организации, что объединяет атомные станции Европы, Азии и Америки.

Алеш Йон прекрасно понимал, что его предшественника и друга бросили на самый тяжелый участок энергетики Чехии. Тендер на поставку топлива на АЭС "Темелин" выиграли американцы, русские проиграли, но эта победа слишком дорого обошлась чехам: станция до сих пор не работает, сроки пуска переносятся, и денег затрачено гораздо больше, чем предполагалось. Победа в тендере американцев над концерном "ТВЭЛ" носила явно политический оттенок, ну и за это приходится расплачиваться. Вот и решено сменить все руководство станции – может быть, дела тогда пойдут лучше...

– Необычная ситуация сложилась в атомной энергетике Чехии, – начал я нашу беседу с Алешем Йоном, с которым мы встретились на международной конференции по безопасности АЭС, – две станции – два направления в атомной энергетике, хотя обе станции и строились с помощью специалистов из Советского Союза... А вот теперь на "Темелине" по сути дела командует "Вестингауз"...

– На мой взгляд, техника стала заложницей политики прошлых лет. Мы отшатнулись от Востока и попытались сблизиться с Америкой. Однако наше желание осталось без взаимности. В мире царит конкуренция, экономические интересы, а все остальное на втором плане. И теперь за это приходится платить... Была одна рекомендация МАГАТЭ: на реакторе в "Темелине" надо было усилить безопасность активной зоны. Это небольшая модернизация. Однако прошли события 1989 года. В то время царило убеждение, что все русское плохое, а американское – очень хорошее. Поэтому и было принято решение топливо в "Темелине" поменять на американское, а это в свою очередь потребовало по сути дела новой активной зоны реактора. И пошла "цепная реакция" реконструкций, которой, к сожалению, конца и края не видно...

– А топливо для АЭС "Дукованы"? Разве такой же проблемы для вас не стояло?

– У нас в начале 90-х годов возникла новая проблема: что делать с отработавшим топливом? Дело в том, что связь в цепочке разорвалась – Россия аннулировала договор о переработке топлива на комбинате "Маяк". И мы решили строить хранилище. Пока мы построили временное хранилище на самой станции, где установлены специальные контейнера. Оно рассчитано на 600 тонн. Значит, десять лет станция может работать спокойно. А недавно мы получили разрешение правительства на строительство еще одного хранилища на территории станции, и таким образом, здесь будут сконцентрированы отходы, накопленные за все время работы АЭС. К этому времени появится постоянное хранилище, место для него сейчас выбирается.

— Значит, вас не беспокоит судьба отходов — ведь "зеленые" утверждают, что эту проблему невозможно решить?

— Если ее не решать, то, действительно, невозможно! Однако во многих странах это уже делается, и это уже чисто инженерная, а не научная задача.

— После распада "Восточного блока" было модно закрывать атомные станции, которые были построены по советским проектам. Если бы это случилось в Чехословакии (вы разделились позже), то какая ситуация была бы сейчас в энергетике у вас?

— Это была бы катастрофа! Впрочем, никто у нас не добивался того, чтобы станция "Дукованы" была закрыта. Никто об этом серьезно не думал, хотя популистские лозунги и раздавались...28 процентов энергии она давала республике, как же без этого остаться!? В нашем концерне 10 тепловых станций, гидростанция, "Дукованы" и строится "Темелин". Вырвать из этой цепи АЭС — значит, подорвать экономику страны. Напротив, у нас большая программа модернизации станции "Дукованы".

— А цель ее?

— Первое, как всегда, повышение безопасности. Надо полностью соответствовать критериям Европейского союза. Во-вторых, продлить срок службы энергоблоков на 10 лет, потому что исследования основного оборудования — корпуса реактора, трубопроводов и так далее — очень хорошие. И, в-третьих, мы хотим повысить мощность АЭС. На первом этапе до 105 процентов от проектного, а потом еще на пять процентов...

— За последние годы, особенно после Чернобыля огромные средства были потрачены на безопасность. Следовательно, стоимость электроэнергии повысилась. И тем не менее повышать безопасность экономически выгодно?

— У нас принято считать в кронах, а не в долларах, поэтому я не буду переводить валюты. Странно, что у вас подсчеты идут не в рублях... Итак, стоимость одного мегаватта-час, произведенного на нашей АЭС, 350 крон. Так как наша страна подписала Венскую конвенцию об ответственности за ядерный ущерб, то мы платим страховые взносы, которые составляют на единицу продукции 100 крон. Проблемой радиоактивных отходов занимается государство, мы должны платить ему налог — это тоже 100 крон. Плюс еще некоторые другие выплаты. В общем цена поднимается до 630 крон. И тем не менее она гораздо дешевле, чем на других станциях. В условиях конкуренции это очень важно.

— Как отражается конкуренция с тепловыми станциями на вас?

— Мы ведем модернизацию станции. У нас три принципа. Во-первых, сократить время на перегрузку топлива — мы ведем ее без

остановки блока, что выгодно экономически. Есть такое понятие: "затраты на невыработанную электроэнергию", и они весьма значительны, а потому надо сокращать то время, когда энергоблок стоит...

— *То есть менять топливо на ходу?*

— Или при плановых ремонтах, да и модернизацию мы стараемся проводить в это же время... Второй принцип: мы стараемся не менять кабели и, в третьих, сохраняем философию безопасности, то есть логику всех защит. И тем не менее цена реконструкции — от 7 до 9 миллиардов крон. Эти расходы введены в цену электроэнергии. А окупятся все расходы на реконструкцию через 6-7 лет.

— *То есть атомная энергетика остается по-прежнему той областью, куда выгодно вкладывать капитал?*

— Пока безусловно...

— *Мы с вами говорим больше об экономике, а не о безопасности. Что все-таки для вас главнее?*

— Казалось бы, я должен сразу же сказать: Безопасность!, и этот ответ будет верным. Это главное для любой атомной станции в мире, особенно после аварии в Чернобыле... Но у нас интересная система. "Дукованы" — единственная в мире станция, где два директора. Один — технический, который отвечает за безопасность АЭС, выработку электроэнергии и ремонт; второй — ответственен за экологию.

— *Вы?*

— Технический, то есть ответственный за все... Я заменил господина Вагнера, у которого был много лет заместителем.

— *Куда же он все-таки ушел?*

— Держит это втайне. Думаю, год он будет учиться и готовиться к пусковым работам на "Темелине". Там нет директора, у которого такой большой опыт по эксплуатации станции.

— *За последние годы атомная промышленность открылась, в том числе и для специалистов. Я имею в виду нашу промышленность, и в частности, атомную энергетiku. Как вы считаете, она соответствует мировому уровню? У вас ведь есть возможность сравнивать...*

— Если уровень русской техники сравнивать с европейской и американской, то она не уступает... Я видел многие атомные станции в мире, думаю, что самые лучшие — японские. Американские станции древние...

— *Старые...*

— Конечно, это точнее по-русски... Они старые, а потому безопасность там обеспечивается иначе, чем на ваших станциях — я имею в виду реакторы типа ВВЭР. На них много резервных систем, и это хороший проект, потому что всегда можно перейти в случае необходимости на другую систему. Если говорить о реакторах ВВЭР-440,

то в них большой запас воды, что дает дополнительную гарантию безопасности. И наконец, станция очень медленно изменяет свои параметры, в ней нет мгновенных или быстрых процессов, и это опять-таки хорошо для надежной и безопасной эксплуатации.

— *Нас беспокоит судьба атомной энергетики России. А случай с Ростовской АЭС даже трудно понять: семь лет практически готовая станция простаивала!? Можно считать, что негативная тенденция нарастает... Как вы думаете, что будет через 50 лет?*

— Хороший вопрос... В середине 80-х годах мы осваивали компьютеры, стоили они дорого. Однако прошло всего десять лет, и компьютеры изменили нашу жизнь — эта область развивалась так бурно, что даже трудно представить. На этом примере я хочу показать, что очень трудно предугадать развитие технического прогресса, определить новые технологии... Теперь об атомной энергетике. Если нежданно не появится новая технология выработки электроэнергии, то ей предстоит, на мой взгляд, бурное развитие... Пятьдесят лет... Что будет с добычей угля? Как изменится атмосфера планеты?.. В ранней истории Земли, то есть миллионы лет назад, природа трансформировала углекислый газ из атмосферы через растения в уголь. Этот процесс шел несколько миллионов лет. А сейчас в течение 200 лет мы осуществляем обратный процесс — превращаем уголь в углекислый газ. Природа, конечно же, пережить это спокойно не может. Так что тепловые станции обречены. Кстати, и по другой причине: много отходов. Даже радиационных выбросов у них больше, чем у атомных станций. К сожалению, на атомной энергетике лежат тени Хиросимы, Три-Майл-Айленда и Чернобыля. И мы — атомщики всех стран планеты — все делаем, чтобы не случилось никакой новой катастрофы. А это возможно в том случае, если мы честно и открыто будем говорить людям о наших проблемах — трудностях и радостях. Только при этих условиях она будет развиваться успешно.

— *В Чехии престижно работать на атомной станции?*

— Сейчас — нет, в прошлом — да. Сейчас очень мало молодых людей идет в технические институты. Все хотят быть адвокатами, торговцами, банкирами.

— *Почему это происходит?*

— У нас очень строгие критерии к подбору тех, кто работает на блочном щите. Надо долго учиться. Все наши операторы — высокообразованные специалисты. Кроме технического университета нужно еще два-два с половиной года учиться специальным технологиям, работать на тренажерах. Да и работа по сменам, а это для многих неудобно. Плюс к этому: мы живем в маленьком городе, и к сожалению, квартир не хватает. Уже нет государственных

квартир, и если я зову кого-то из Праги, то первый вопрос: "Квартира или дом будет?" Я вынужден часто отвечать отрицательно... Но главная беда — меньше людей занимается сегодня техникой!

— Это парадоксально, не правда ли? Ведь благосостояние общества держится как раз на предприятиях, и прежде всего на таких современных как атомная станция?

— Думаю, это временное заблуждение... Уже следующее поколение будет поступать иначе — произойдет переоценка ценностей. Иначе человечества лишится будущего.

— У вас есть дети?

— Два сына.

— Они поддерживают вас — пошли по стопам отца?

— Нет. Они еще не поняли, на чем именно стоит будущее. А вот внуки, надеюсь, обязательно это поймут — они просто будут другими...

Атомные станции в Восточной Европе в последние годы переживали нелегкие времена. Они оказались в центре конкурентной борьбы между Западом и Востоком, причем борьбы, в которой использовались не технические и экономические аргументы, а прежде всего, политические.

АЭС "Богуннице" выстояла...

На международной конференции "Безопасность АЭС — реальность и перспектива", которая состоялась на Смоленской АЭС, Стефан Шмидт выступил с небольшим докладом, где рассказал о том, что станция в Словакии, на которой он директор, работает устойчиво и надежно и что особых проблем нет... Что греха таить, многим атомщикам, находящимся в зале, это было слушать приятно — ведь они строили, пускали и начинали эксплуатацию этой АЭС. Да и сегодня контакты между атомщиками двух стран не только не ослабевают, но и углубляются...

— Что значит для Словакии ваша станция? — начал я беседу со Стефаном Шмидтом.

Он ответил:

— Это главная станция в республике, она дает половину той электроэнергии, что есть у нас.

— Значит, у вас нет противников?

— В регионе проблем с атомной энергетикой нет, потому что все понимают — это благосостояние, работа, жизнь. Атомная станция не может без региона, а он без нее. Осознание такого единства пришло не сразу, но это было неизбежно, так как республика обязана заботиться о будущем своих граждан, а оно во многом зависит от работы АЭС.

— Но ведь было много нареканий и борьба вокруг вашей АЭС была довольно жесткая, не так ли?

— От нас недалеко Австрия, и именно там поднялось мощное "зеленое движение" против АЭС. Особенно большие претензии были к первому и второму энергоблокам, которые по западным стандартам считались устаревшими. Мы провели и постоянно ведем сейчас большую работу по безопасности, то есть модернизируем оборудование, улучшаем системы контроля и так далее. И все это сказалось в лучшую сторону — у нас за последние шесть лет было 20 международных проверок, в которых принимали участие специалисты разных стран — от США до Японии. Ни одна из этих представительных комиссий в своем заключении не сказала, что наши блоки нужно отключать и останавливать.

— Экспертизы были суровыми?

— Конечно. Ведь многие из иностранных специалистов, приезжая к нам, были убеждены, что блоки ненадежные — такое представление было создано в мире после Чернобыля и особенно после распада Советского Союза. Однако эксперты быстро убеждались, что на самом деле безопасность блоков высокая. Безусловно, работа в рамках таких международных проверок была очень полезна: не следует думать, что они организовывались, чтобы закрыть АЭС, нет, речь шла и о помощи нам!.. В 1991 и 1992 годах на первом и втором энергоблоках мы провели так называемую малую реконструкцию. Мы ввели 81 техническое улучшение — и все ради безопасности. А два года назад у нас начал осуществляться глобальный проект по безопасности — его осуществляет фирма "Сименс". Завершение проекта в 1999 году. Цель — достижение международной степени безопасности, то есть такой, которая существует у западных электростанций.

— Вы полностью ориентируетесь теперь на Запад?

— Нет, это не так. Даже в проекте "Сименса" очень многое делают компании Словакии... Мы надеемся вступить в новый век так, будто в нашем распоряжении новая и современная электростанция! То есть АЭС "Богуннице" сейчас по сути переживает второе рождение. Мы рассчитываем, что первая очередь станции будет работать минимум до 2010 года. Дело в том, что советская техника оказалась жизнеспособной — все основные компоненты реактора и первого контура в очень хорошем состоянии. Часто ваши специалисты критикуют парогенераторы, но оказалось, что у нас они в прекрасном состоянии, хотя и проработали столько лет!

— И тем не менее идет разговор о закрытии АЭС "Богуннице"?

— Это чисто пропагандистская кампания, которая хотела бы вытеснить ваши реакторы с мирового рынка. Для экономики

Словакии закрытие АЭС невозможно. Стоимость энергии у нас ниже, чем на классических станциях. И так нашей республике очень трудно продвигать свои товары на рынки, благо, они дешевле из-за низкой стоимости электроэнергии, и это поддерживает в определенной степени экономику. Без нашей АЭС она просто рухнет! Так что все разговоры о закрытии – это не техника, а чистая политика.

– *Сколько человек у вас работает?*

– Две тысячи восемьсот человек. На четырех блоках...

– *Почему так мало? У нас по тысяче на один блок!*

– А у нас считается, что еще много людей. Но мы ведь все сами делаем для нашей станции, в том числе и ремонтные работы... На Западе если их надо вести, то на станцию вызывается какая-то фирма, специализирующаяся именно на таких работах, но у нас такого нет, а потому приходится рассчитывать на собственные силы...

– *Ваши работники считаются научно-технической элитой Словакии?*

– Конечно. Есть и вуз, который готовит для нас специалистов. Есть и исследовательский институт, где находятся два тренажера и где опять-таки идет подготовка специалистов высшей квалификации. Профессия "атомщик" в республике весьма престижна.

– *Как на развитие атомной энергетики в Словакии и Чехии (тогда ведь вы были вместе!) повлияла Чернобыльская катастрофа?*

– Чернобыль – это черный день атомной энергетики. Я всегда говорю: абсолютной безопасности нет и быть не может, но то, что случилось в Чернобыле, выходит за рамки понимания и безопасности и вообще энергетики. Просто это понять человеческий разум не в состоянии! Впрочем, как и любую трагедию, которая всегда поражает своей беспощадностью и бессмысленностью... В декабре 1997 года директора нескольких АЭС собрались на Чернобыльской АЭС. Это была очень тяжелая встреча, и она оставила какое-то сложное впечатление... Говорилось о закрытии станции, об остановке всех блоков. Но что будут делать люди, которые сегодня работают на Чернобыльской АЭС? А это шесть тысяч человек... Нет, такое решение принимать, с моей точки зрения, невозможно! Наверное, надо делать какую-то международную программу использования этой "Зоны". Возможно, для захоронения тех же радиоактивных отходов... Я понимаю, что такое предложение звучит диссонансом ко всему, что говорится сейчас, но все-таки чернобыльская зона загрязнена очень сильно, и много столетий она не вернется в прежнее состояние... Можно там построить заводы, предприятия, связанные с переработкой отходов, и уже этим Чернобыль поможет своим "коллегам" – другим атомным

электростанциям... А после остановки блоков в Чернобыле люди уйдут, и это станет еще одной катастрофой. Не только для Украины, но и для всех нас.

— *Однако психология сейчас играет главную роль...*

— Не знаю... Но я был на третьем и втором блоке — они могут работать стабильно и надежно. Тем более, что энергии на Украине не хватает... Если специалисты говорят об этом, если они гарантируют безопасность, то зачем же закрывать!? Политические решения сиюминутны, общественное сознание иногда "мутнеет", а такие важные решения следует принимать с очень ясной головой... Все-таки следует помнить: у политики нет логики!

— *Во время аварии в Чернобыле кем вы работали на своей станции?*

— Аварию мы почувствовали сразу — одежда была загрязнена. Прошел дождь. Я попытался пройти на первый контур, а там строгий дозиметрический контроль. И он сразу же обнаружил, что одежда моя "грязная". Кстати, у нас самые чистые помещения были как раз в зоне особого контроля, то есть на первом контуре...

— *Расскажите немного о себе: как вы стали атомщиком?*

— Я вырос в Богуннице, маленькой деревне, что находится в двух километрах от станции. Глушь — по-русски... Но через два года после моего рождения у нас началось строительство атомной станции, так что мы росли вместе. Она была перед моими глазами, когда я ходил в школу. Потому я и выбрал себе профессию, чтобы уже не расставаться с АЭС никогда... В вузе я специализировался по ядерной энергетике — учился я в Братиславе. После защиты диплома я оказался на станции, и с тех пор все время на ней. Это случилось в 1979 году. Начал как оператор реактора, а потом стал начальником смены. Чуть позже был назначен заместителем директора по ремонту, а полгода назад стал директором.

— *Что самое трудное в этой работе?*

— Все!

— *Ну а по сравнению с тем временем, когда были заместителем?*

— Все-таки намного труднее сейчас... Ведь ведем большую реконструкцию для повышения безопасности, принимаем международных экспертов, постоянно контактируем с Австрией и другими соседними странами — мы находимся в центре Европы, а потому и в центре внимания общественности разных стран...

— *А в России у вас с кем наиболее тесные контакты?*

— Я учился на Нововоронежской атомной станции. Три месяца работал как мастер первого контура, был оператором, сдавал экзамены на тренажере. Это было в 1980 году. А затем каждые два года мы обязательно ездили на Нововоронежскую станцию, работали на тренажере, там были наши друзья. Очень многие строили

нашу электростанцию, а потому они интересовались всем, что происходит в Богуницах.

— *А что изменилось?*

— После 1989 года прошло много изменений, особенно в первые два-три года. Но затем постепенно наши связи начали восстанавливаться, и это нормально — ваши специалисты приезжают к нам, вы — к нам.

— *А сразу после 1989 года были попытки "озапаdnить" вас?*

— Много приезжало атомщиков из разных стран Европы и Америки. Они думали, что будут учить нас, но оказалось, что наши специалисты на том же уровне, что и они, а потому нас начали тоже приглашать для международных проверок западных станций. Уже этот факт говорит о многом. К примеру, в 1997 году нас просили принять участие в двадцати миссиях на американских АЭС. Но для нас это просто было невозможно, так как в этом случае некому было бы работать на своей станции!.. А ведь поначалу считалось, что мы — "специалисты банановой республики"... Так что иллюзии у западников рассеялись быстро. И если раньше они говорили, что реакторы типа ВВЭР надо останавливать и закрывать, то теперь идет обратный процесс: большинство специалистов в мире становится на сторону водо-водяных реакторов. Более того, принципы безопасности в XXI веке будут базироваться на так называемых пассивных системах, то есть именно на таких, которые мы используем с 60-х годов. Я часто повторяю: "Проект реакторов ВВЭР так же хорош в атомной энергетике, как МиГ-29 в военной авиации!" Компьютеров не было, но тем не менее ваши ученые и конструкторы сделали такие машины, равных которым нет в мире — очень хорошие головы над ними работали...

— *В свое время вы проводили тендер на поставку топлива для АЭС. Принимали участие многие фирмы и компании, но выиграл, по-моему, наш "ТВЭЛ"?*

— Да, это так. У нас контракт с Россией на поставку топлива на десять лет. Это выгодно для нас, и качество топлива хорошее.

— *У вас есть дети?*

— Дочь маленькая, а сын учится в средней технической школе. Он мечтает работать на атомной станции, то есть пойти по стопам отца. Мне это приятно.

— *Какой вы видите атомную энергетику Словакии в будущем?*

— Не только для Словакии, а для всего мира... Я убежден в новом тысячелетии именно ей суждено играть главную роль в обеспечении человечества энергией. Запасы нефти и газа быстро истощатся, а с ураном нет проблем. Так что атомная энергетика нужна не только нашей республике, но и всей планете.

– Но ведь есть страх перед ней!

– Я работаю на АЭС двадцать лет. А потому могу говорить вполне ответственно: сегодня на атомных станциях достигнута максимальная безопасность. Я не знаю других областей техники и промышленности, где бы ей уделялось такое внимание... Но нельзя останавливаться на том, что уже сделано, необходимо постоянно учиться, а потому я считаю весьма полезным международные контакты, общения с коллегами из других стран. Если где-то у одного появляется нечто хорошее, то оно сразу же становится достоянием всех – и это очень важные перемены, которые произошли в атомной энергетике планеты за последние годы.

Я привел фрагменты из двух своих бесед с крупнейшими атомщиками других стран. Знаю, что их мнение будет приятным для Виталия Федоровича Коновалова, который не только принимал непосредственное участие в появлении этих АЭС, но и пришел им на помощь в трудные времена после развала СССР, когда наши коллеги в странах Восточной Европы оказались под мощным натиском не только "зеленых", но и конкурентов с Запада. "ТВЭЛ" помог им выстоять, и об этом коллеги не забудут никогда...

Кстати, в мае 2002 года Коновалов летал в Словакию. Хозяева принимали его очень тепло. Несколько раз звучало, что во многом благодаря "ТВЭЛ" атомная энергетика Словакии выстояла, и жители республики прекрасно понимают – кому они обязаны своим благополучием – ведь не будь у них своей АЭС, электроэнергия была бы для них во много крат дороже!

А теперь я хочу вернуться к тому, что обещал в самом начале этой главы – о разговоре с одним из ближайших соратников Коновалова. Я имею в виду Леонида Дмитриевича Проскуракова.

Беседовал с Коноваловым и Проскураковым я в разное время, но тем не менее некоторые вопросы пытался сохранить. Мне было интересно, как ответят мои собеседники... И вдруг оказывалось что совпадений практически не было – просто высвечивались разные грани одной и той же проблемы...

Леонид Дмитриевич Проскураков – Генеральный директор АО "Концерн ТВЭЛ", а потому я начал наш разговор с банального вопроса: "Что представляет из себя концерн, которым вы руководите?"

– Вам же это прекрасно известно!

– И все же?

– Что такое концерн в цивилизованном мире – мы узнали, изучили, получили четкое представление. Однако когда познакомились с российскими документами, поняли: ничего общего с их концернами нет. Но все без исключения предприятия, хотя они

находятся в разных теперь странах, решили быть вместе. Дело в том, что они технологически связаны и зависят друг от друга. Раньше было Третье главное управления Минсредсмаша, существовала стройная система управления, но она была в одночасье разрушена... Интересно, почему любая перестройка обязательно связана с попыткой уничтожить прошлое, даже если оно хорошее?!

– *Вопрос как и ответ может быть только риторическим...*

– Итак, у нас готовую продукцию выпускают два предприятия: Электростальский машиностроительный завод и Новосибирский завод химконцентратов. Электросталь – для реакторов типа ВВЭР-440, РБМК-1000 и РБМК-1500 и всех транспортных реакторов. Продукция Новосибирска – топливо для реакторов ВВЭР-1000. Причем почти все самые современные реакторы – ВВЭР-1000 – расположены на Украине, а потому по сути Новосибирский завод работает на эту республику. В России такие реакторы есть только на Калининской и Балаковской станциях...

– *Электросталь и Новосибирск – вершина пирамиды, не так ли?*

– Конечно... А начало приходится искать очень далеко от этих городов, практически по всей территории бывшего СССР. К примеру, в Концерн "ТВЭЛ" входит предприятие Эстонии. Это Силламяэ. АО "Силмет" – так оно называется. Здесь перерабатывается лапоритовый концентрат в целях извлечения ниобия, тантала и редкоземельной продукции. Общими силами всего Советского Союза там создавались большие мощности для этих сложнейших технологических процессов. Теперь этот комбинат оказался за рубежом... Лапорит поставлялся туда с Кольского полуострова. Цены теперь столь высоки на сырье, что перерабатывать лапорит стало невыгодно.

– *Итак, цепочка такова: Кольский полуостров – Силламяэ... А дальше?*

– Ниобий и тантал поступали в Казахстан. Там получался металл, который использовался на российских предприятиях. Сейчас в России не осталось ни одного предприятия, где получался бы металлический ниобий, который необходим для атомной энергетики как конструкционный материал.

– *Проследим всю цепочку... К примеру, по тому же ниобию...*

– Кольский полуостров – Силламяэ – Усть-Каменогорск, а оттуда в Глазов для производства сплавов из циркония. Другая цепочка по лапориту такова: Кольский полуостров – Соликамск – Восточный Казахстан, а оттуда Удмуртия, Глазов. Как видите, "захватывались" другие республики, а полной цепочки в России не было.

– *Завод в Силламяэ создавался на перспективу?*

– Он должен был удовлетворять нужды атомной энергетики в конструкционных материалах. Поэтому Силламяэ входит в Концерн "ТВЭЛ" как учредитель... Но к сожалению, установлены очень большие таможенные пошлины. Они действуют дважды – при перевозке сырья, а затем уже готовой продукции... К тому же ниобий, тантал и редкоземельные элементы используются не только в атомной энергетике, но и в электронике, а потому встала проблема сбыта. Цены подскочили (причем искусственно!) столь высоко, что вышли не только на уровень мировых, но и превзошли их. Парадоксальная ситуация, не так ли? Самое современное производство, отличная технология, дешевая рабочая сила, а цены столь высоки, что продать продукцию просто невозможно! Это свидетельство полной деградации экономики, искажения всех экономических законов и норм.

– *Это цепочка конструкционных материалов. А как уран?*

– Природное сырье мы продолжаем получать из Восточной Европы – Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, и перерабатываем его на Украине в Днепродзержинске. Раньше это предприятие было средмашевским, а теперь оно также учредитель Концерна "ТВЭЛ". Затем в Глазове на Чепецком механическом заводе сырье доводится до тетрафторида урана и направляется на предприятие, где получается гексафторид урана. Затем идет обогащение его. Это все происходит в России. Затем часть гексафторида урана уходит в Казахстан, в Усть-Каменогорск. А оттуда Электросталь и Новосибирск получают таблетки, которые необходимы для твэлов АЭС Украины и России. В Казахстане опять-таки силами всего Советского Союза создавалось мощное производство с учетом перспективы и той большой программы развития атомной энергетики, которую предполагалось осуществить. Но все планы изменились после Чернобыльской катастрофы...

– *Насколько эффективно работают эти атомные цепочки?*

– В том случае, если финансирование осуществляется четко и вовремя, то проблем нет. Но это к сожалению, нынче лишь мечта...

– *Чем опасны неплатежи?*

– В конечном счете мы можем потерять технологию и качество продукции. Дело в том, что процесс изготовления топлива продолжается от шести до девяти месяцев. Если мы по цепочке начинаем останавливать предприятия, то столь же быстро запустить их вновь мы не сможем. У людей рождается неуверенность в завтрашнем дне, и наиболее квалифицированные кадры уходят, так как всегда могут найти себе работу в любой коммерческой структуре. Можно один раз подождать выплату заработной платы, потерпеть, но если это происходит регулярно, то далеко не каждый это может выдержать.

Да и, к сожалению, заплатить людям, которые работают с радиоактивными материалами, так, как положено, мы сегодня не можем... Уход высококвалифицированных кадров, безусловно, скажется на качестве топлива — а это одно из составляющих безопасности атомных станций. В нашей системе качеству материалов, изделий, продукции всегда уделялось особое внимание...

— *Все-таки странное ощущение!.. Область, в которой вы работаете, всегда славилась дисциплиной, прекрасными технологиями, наконец, высокой зарплатой работников. Почему же сейчас все так изменилось?*

— Из-за неплатежей! Мы произвели топливо, поставили его на АЭС, там его сожгли и выработали электроэнергию. Но атомным станциям за нее не заплатили, а следовательно, по всей цепочке денег нет. Обращения к Правительству, к Президенту ничего не дают, такое впечатление, что там не хотят заниматься ни экономикой, ни промышленностью.

— *И все-таки ответа на "почему?" я так и не получил... Вы давно работаете в системе Средмаша и Минатома?*

— Три десятка лет... После окончания Уральского политехнического института попал в Глазов. Прошел все урановое производство, начиная с помощника мастера и кончая начальником цеха. Потом уехал в Красноярск на химико-металлургический завод. Там работал главным инженером. Потом был переведен в Москву. Здесь был начальником Главка Средмаша, а затем директора предприятий избрали меня Генеральным директором Концерна "ТВЭЛ".

— *Скажите, что именно в вашей профессии особенное?*

— Я всегда считал и считаю, что в атомную промышленность приходят люди не просто так, не случайно. Мы имеем дело с радиоактивными веществами, а потому выбор у человека всегда осознанный. В немалой степени раньше привлекала и высокая зарплата, и разные льготы, в том числе и пенсионные, но последние годы нашу отрасль начали уравнивать с остальными. А потому у нас остались энтузиасты, которые отлично сознают, что ошибки у нас очень дорого обходятся обществу. А потому я не могу сказать, что у нас работают обычные люди, нет, убежден — только преданные своему делу энтузиасты, понимающие, сколь важен их труд, сколь необходим стране...

— *Еще в 60-х годах в Глазове меня поразили уровень производства, его высокая культура. Честно говоря, я ничего подобного раньше в стране не видел. Лидерство вашей отрасли сохраняется?*

— Высокий уровень технологии существует, однако с каждым днем все труднее сохранять лидерство. Высокие технологии властвуют у нас и на сборочных производствах. Качество топлива

отвечает самым высоким требованиям, не уступая мировому уровню. Претензий со стороны АЭС нет. Мы не производим продукция "на склад", изготавливаем топлива столько, сколько необходимо. И вот за эту продукцию не платят, а как следствие мы вынуждены сворачивать научно-исследовательские и конструкторские работы. А это в свою очередь не дает возможности развиваться производству. В конечном итоге мы можем отстать от наших конкурентов, которые уже сегодня пытаются нас вытеснить с рынка. Причем с традиционного рынка, где конкурентов у нас не было. Мы проиграли тендер в Чехии. Там, конечно, в большой степени сыграли политические мотивы – Советский Союз считался империей зла, но мы должны всегда помнить: наши конкуренты используют все способы, чтобы убрать нас с уранового рынка.

– *Вы были на аналогичных предприятиях на Западе?*

– Практически на всех ведущих фирмах Европы. К сожалению, в Америке на крупных предприятиях не бывал, но положение дел знаю достаточно хорошо.

– *Уровень у них выше?*

– Сравним... По отдельным качественным показателям мы уступаем. Я имею в виду выгорание топлива, некоторые конструктивные особенности и требования, в частности, разборные кассеты... У нас все эти проработки есть, однако мы вынуждены затормозить эти исследования из-за отсутствия финансирования.

– *На Западе много говорят о более низком уровне наших ядерных технологий...*

– Это делается умышленно. Не хочу защищать честь мундира, и пожалуйста, так не воспринимайте мои слова, но мы не уступаем Западу в ядерных технологиях! Это выводы не только наших специалистов, но и западных – а на наших объектах их в последние годы побывало великое множество. Даже, пожалуй, излишне много... Более того, западные ученые даже удивляются высочайшему уровню наших технологий, и это вызывает у них особый интерес к научно-исследовательским и конструкторским организациям, где они рождались.

Некоторые общественные деятели и средства массовой информации внушали обществу, что у нас якобы примитивные технологии. Зачем это было нужно, не знаю... Да, с Западом в технике мы шли разными путями – у нас разные типы реакторов, разные конструкционные материалы, но тем не менее уровень технологий и научных исследований мы, независимо от западных фирм, держим высоко.

– *Во многих передовых областях – машиностроении, электронике, компьютерах – отстаем, а по ядерному топливу нет. Почему?*

– В нашей отрасли всегда очень большое внимание уделялось перспективным разработкам, проблеме безопасности и, конечно же, всегда была большая поддержка Правительства. Было устойчиво бюджетное финансирование, и это естественно, так как государство заботилось о своем будущем. А сегодня парадоксальная ситуация: мы не просим денег у Правительства, а говорим лишь об одном: платите то, что мы заработали! И тогда мы сами сможем обеспечить не только нормальное функционирование всего ядерного комплекса, но и обеспечим необходимые научно-исследовательские работы.

– *Мы сегодня проедаем тот "жирок", который накопили в прошлом?*

– У меня такое ощущение, что это мы уже сделали. Если положение не изменится, то уже в ближайшие годы мы очень сильно отстанем от ведущих западных фирм. И как производителей топлива, нас просто выбросят с рынка. Кстати, они уже объединяются против нас, в частности, французские и германские фирмы. Они это делают, чтобы совместно выигрывать тендеры по поставкам топлива в Восточную Европу. И опять-таки наши конкуренты будут в полной мере использовать политические аспекты.

– *Сколько может стоить такой проигрыш?*

– Потери будут для России огромные! Во-первых, будет сокращаться производство по всей технологической цепочке, а это тысячи и тысячи рабочих мест, и, во-вторых, потеря рынков сбыта. Это многие миллиарды долларов.

– *Чуть изменим характер разговора – уйдем немного в технику... Скажите: что такое твэл?*

– Это сложнейшая конструкция, которая необходима для производства тепловой энергии, а она уже в свою очередь преобразовывается в электрическую.

– *В чем же сложность изготовления такого "карандаша"? Внешне ведь ничего особенного: многогранник из циркония, внутри таблетки из урана...*

– Очень жесткие требования предъявляются и к самой таблетке, и тем конструкционным материалам, в которые она заключена. Твэл сконцентрировал в себе гигантский труд многих тысяч специалистов, работающих во многих отраслях. Плюс к этому: поиск ученых на протяжении десятилетий... Как профессионал, скажу, что наша продукция – самая наукоемкая. Даже ракетная техника, электроника и так далее по затратам человеческого таланта, изобретательности не может сравниться с производством ядерного горючего. На твэл работают и горняки, и физики высшей квалификации – диапазон необычайно широк. Кстати, не случайно, что именно ракетчики использовали те материалы,

которые были получены для нужд атомной энергетики. Практически все отрасли промышленности принимают участие в создании и производстве твэла, хотя, как вы правильно заметили, он выглядит внешне довольно просто.

— *В нашем разговоре мы не можем обойти две темы. Первая — Чернобыль. Я видел выброшенные из реактора топливные сборки, именно они представляли наибольшую опасность. Как и сегодня, то топливо, что находится в "саркофаге"...*

— Греха на создателях твэлов нет... Тогда я работал в Красноярске. Мы получили первую, весьма противоречивую информацию. Тут же связался с коллегами, и мы начали смотреть: что же могло произойти? Поняли сразу же, что к топливу претензий быть не может... Единственное, что могу сказать — везде должны работать профессионалы. К сожалению, в Чернобыле работало много случайных людей, в том числе и среди обслуживающего персонала. И это один из суровых уроках Чернобыля... А последствия Чернобыля не только печальны, но и подчас несправедливы. Начались массированные нападки на всю атомную энергетику, на всех тех, кто ее создавал... Вслед за этим изменилось и отношение к нам со стороны Правительства страны. На мой взгляд, это ошибочные выводы из Чернобыльской катастрофы. Они по сути усугубляют ее...

— *И второе: переработка отработавших твэлов. Существует убеждение, что это пока нерешенная проблема?*

— Для реакторов РБМК мы используем регенерированное топливо, то есть берем уран из отработавших твэлов... Должен быть замкнутый ядерный цикл. Высокоактивные отходы надо хранить, а уран использовать вновь. К примеру, топливо из реакторов ВВЭР-1000 мы складываем сейчас в Красноярске-26 на хранение, но это не значит, что его нельзя использовать вновь. Нужны, конечно, дополнительные проработки и со стороны ученых, и технологов, и физиков, но в принципе я не вижу здесь нерешенных проблем. Необходимы средства и время. И опять-таки мы сталкиваемся с отсутствием финансирования, а поэтому подобные программы в полной мере осуществлять не можем.

— *Ваши представления о будущем?*

— Я уверен, что оно невозможно без ядерной энергетики, в любой ситуации, и тем более для России. Особенно реакторы малой мощности для Сибири и Дальнего Востока. Поедешь туда, посмотришь, как люди живут, как топливо возят за тысячи километров, невольно проникаешься уважением ко всей ядерной энергетике, которая может избавить людей от множества проблем и забот. И честно говоря, возникает чувство гордости, что принимаешь участие в развитии этой передовой отрасли науки и техники XXI века...

– И последний вопрос о Коновалове...

– Извините, что перебиваю... Знаю, что у него юбилей, но не только поэтому я хочу сказать всего два слова: "Настоящий мужик!" Это значит, что великая удача выпадает тому, кто с ним работает! Все, о чем я говорил с вами, задумано и осуществлено им, и этого мы уже никогда не забудем...

Заметки на полях. Три Солнца Китая

Притча принадлежит моему старому другу, который жил и работал в Китае почти два десятка лет. Он сказал так: "В Китае было два солнца. Первое – то, что светит тысячелетия, которое встает на востоке, а заходит на западе. Второе – это великий Мао. Эта аксиома в доказательствах не нуждается. И наконец, третье солнце зажжено китайскими физиками..." Мне показалось, что мой друг скажет об атомной бомбе, которую взорвали китайцы, доказав, что они вошли в мировой ядерный клуб. "Нет, – сказал он, – в Китае всегда особо ценилось то, что служит человеку. Здесь с уважением относятся к тем ученым, которые обеспечили оборону страны, создав ядерное и водородное оружие (впрочем, точно так же, как в Америке и у нас!), но истинное восхищение вызывают у них те, кто заставляет то или иное открытие работать на благо людей. А потому они так возвышенно, более того – поэтично, говорят о специалистах, которые работают на атомных станциях. Их так и называют: зажигающие солнце..."

В Китае побывала большая группа атомщиков России. В этой весьма представительной делегации был и Виталий Федорович Коновалов.

Наш разговор с ним зашел о поездке в Китай, но только ею не ограничился, так как мировой рынок ядерного топлива простирается во все стороны и расширяется буквально не по дням, а по часам.

Итак, я спросил Виталия Федоровича:

– Вы часто бывали в Китае?

– Раз пять...

– Нравится страна?

– Безусловно! Особенно в последние годы. Развивается стремительно... Впервые я был там в 1989 году, но тем не менее скачок гигантский в развитии, особенно он заметен на юге и на побережье – ощущается влияние Гонконга и Макао. Конечно, Пекин и Шанхай стремительно строятся, и делается это современно и с потрясающими темпами... Однако это характерно не для всего Китая... Страна пока бедная...

– Но тем не менее овладевает ядерной технологией?

– Без этого трудно стать богатой...

– *Вы были в составе большой делегации. Это было необходимо?*

– Речь идет о строительстве мощной атомной станции с реакторами ВВЭР-1000. Это современные аппараты, надежные и безопасные. Естественно, первые загрузки топливом будет осуществлять "ТВЭЛ", и я дал необходимые гарантии, что это будет сделано вовремя и с высоким качеством.

– *Они поверили?*

– Китайцы прекрасно осведомлены о состоянии дел не только в нашей энергетике, но и в мировой. Они внимательно следят за новейшими технологиями, и стараются привлечь к себе многие фирмы. В частности, они заключили контракт с "Сименсом", ведут переговоры с американцами.

– *Конкуренция?*

– И очень жесткая! Ведь Китай – это обширный рынок, и уступать его без боя никто не хочет.

– *В том числе и "ТВЭЛ"?*

– Конечно. Мы не уступаем по ядерному топливу никому, и свидетельство тому тот же недавний тендер на поставку топлива для АЭС Болгарии. Мы выиграли его, хотя борьба была очень жесткой, и наши конкуренты использовали все методы, чтобы отодвинуть "ТВЭЛ", в том числе и политические...

– *Но ведь ситуация в России с атомной энергетикой сложная: новые блоки на Курской и Калининской АЭС строятся медленно, пуск Ростовской АЭС блокируется "зелеными"...*

– Думаю, скоро ситуация изменится – без атомной энергетики Россия жить не может!

– *Но сможет ли "ТВЭЛ" обеспечить все АЭС – России, Украины, ближнего и дальнего зарубежья топливом?*

– В этом вы можете не сомневаться! У нас достаточно мощностей на предприятиях, чтобы полностью – повторяю: полностью и на высочайшем уровне! – обеспечить все АЭС, с которыми мы заключаем контракты и договора.

– *Но ведь некоторые АЭС жалуются, что топлива нет?*

– Но они и денег не платят! "ТВЭЛ" вынужден поставлять топливо на Украину, к примеру, практически бесплатно. Дело в том, что межправительственное соглашение предусматривало поставку топлива как компенсацию за вывоз ядерного оружия с Украины. Минфином России был составлен график оплаты Концерну "ТВЭЛ" за это топливо, но так ни копейки и не было перечислено во время...

– *По сути дела вы обеспечиваете разоружение Украины?*

– Шутка, к сожалению, грустная, так как задолженность

по зарплате на том же Новосибирском заводе составляет сейчас уже три-четыре месяца... К сожалению, нет "живых" денег у АЭС России, и это тоже ставит Концерн в трудное положение. Однако мы стараемся работать лучше, понимая, что выжить в нынешних условиях могут только те предприятия и фирмы, которые отвечают требованиям мирового рынка.

— Это принципиальная позиция?

— Для нас — да! И о некоторых успехах можно сказать: к примеру, мы поставляем ядерное топливо для АЭС Швейцарии и Германии, и этот факт уже говорит сам за себя.

— Он не очень известен!?

— Конкуренция, друг мой... Российским технологиям необычайно трудно пробиваться, и вовсе не потому, что они хуже западных, — дело в том, что никто не хочет делиться прибылями, а при наукоемких технологиях они большие... Но в нашей отрасли за полвека ее существования накоплен огромный опыт, созданы уникальные технологии — ведь в атомной промышленности и науке работали выдающиеся ученые и специалисты! И именно их труд и талант позволяет нам сегодня жить и с уверенностью смотреть в будущее. Однако не следует забывать: любые запасы рано или поздно кончаются, а потому особое внимание нужно сейчас уделять науке — без нее промышленность не может развиваться.

— Строительство АЭС в Китае и Индии поможет нашей науке и технике?

— Конечно, если решение о строительстве АЭС будет окончательным...

— Разве сомнения еще остаются?

— Они всегда есть...

Виталий Коновалов не стал уточнять, почему в нашей беседе иногда звучали пессимистические ноты. Но ситуация вскоре проявилась сама собой: состоялся визит в США китайской делегации, как говорят, на высшем уровне. В открытых и тайных беседах в Белом доме и на всех "обедах" и "ужинах", которых было множество, шел разговор о строительстве АЭС в Китае. Американцы последовательно доказывали, что нужно сотрудничать только с ними, мол, заводы по обогащению урана русские построили, а теперь очередь американцев "внести вклад в развитие атомной энергетики Китая".

Рано или поздно тайное становится явным: жаль, если вокруг АЭС в Китае затеваются какие-то торги — это тенью ложится на наши добрые отношения...

Разговор седьмой:

В нем речь пойдет о странных событиях, что происходили в Минатоме целых три года. А точнее: ошибки, цена которых необычайно высока, но задумываемся ли мы об этом?

Мне кажется, что пора оставить В.Ф. Коновалова в покое, а посмотреть чуть со стороны на события, которые происходили вокруг него. Я не стал подробно расспрашивать его об этих днях, не поинтересовался, как он сражался с "пришельцами", кто ему в этом помогал — такие оценки всегда больно задевают людей, а Виталию Федоровичу работать и работать в коллективе и с теми самыми чиновниками, которые и помогали ему, и предавали его... В общем, дело деликатное, а потому я беру на себя смелость оценивать происходящее со стороны и субъективно. Сразу оговариваюсь, я пристрастен, а потому прошу прощения и у напрасно обиженных, у тех, кого неправильно понял, у всех, чью позицию неверно представлял. Однако все мы должны помнить, что время летит стремительно, еще быстрее листаются страницы истории. А их пишут люди. Сначала журналисты и писатели, а только потом специалисты истории. В данном случае вновь вынужден стать первопроходцем, потому что оказался в центре событий, которые, безусловно, многое изменили в Минатоме.

Думаю, понятно, что речь идет об Е.О. Адамове, чей приход в Минатом многое изменил в нем, к сожалению, не в лучшую сторону.

В центре борьбы с ним оказался и В.Ф. Коновалов. Правда, чуть позже, чем другие, но удар по нему оказался сильнее — целый год он числился в безработных. Впрочем, все по порядку...

Я предоставляю слово документам: через сравнительно короткое время ими становятся материалы журналиста, опубликованные в различных газетах. Я прочитал их скопом, мне показалось, что они интересны... Если появятся повторы, прошу извинить: я специально не стал подчищать историю, так как этим нынче занимаются многие — мне не хотелось бы быть среди них.

Наша история начинается со снятия с поста министра В.Н. Михайлова. Я опубликовал материал под заголовком "Кому выгоден уход Михайлова?" и весьма пророческим подзаголовком: "Битва" вокруг атомной промышленности России близится к финалу".

Казалось бы, ничего особенного не произошло: случалась серия отставок в Правительстве, ушли какие-то вице-премьеры и министры, на их место назначены другие, мол, обычная ситуация — для этого и есть в стране Президент, чтобы тасовать министерские портфели, убирать неугодных, назначать молодых... Да и честно говоря, особых страстей эта чехарда в Правительстве не вызывает, потому что приходят туда люди малоизвестные или одиозные. Ну и конечно же, к сожалению, мало что меняется в нашей жизни со сменой министров...

Но совсем иное чувство возникло, когда мы узнали об отставке Виктора Никитовича Михайлова, который возглавлял Минатом России. Что случилось? Почему академик покинул этот пост? Какие претензии к известному в мире ученому и министру?

Вопросы множились, когда приводились данные по состоянию атомной промышленности России. Оказывается, единственная отрасль не снизила темпов своего развития, более того — рост за минувший год составил 2,6 процента! Это в то время, когда Правительство мечтает о том, чтобы в этом году "прибавить" в производстве 0,5 — 1 процент. Как же можно отпускать со своего поста министра, который не допустил обвала отрасли!?

Выступление В.С. Черномырдина, объяснившего уход В.Н. Михайлова в отставку тем, что тот решил заняться научной работой, мягко говоря, напоминают просьбы об уходе со своих постов членов Политбюро "по состоянию здоровья". Не верится!

Я знаю, что Виктор Михайлович собственной рукой написал заявление на имя Президента России, в котором всего несколько слов: "Прошу освободить от занимаемой должности в связи с переходом на научную работу". И этот листок бумаги сразу же стал "фиговым листком", которым теперь прикрываются и Президент, и Председатель правительства. И к сожалению, сам Михайлов, вынужденный так поступить...

Что же скрывается за отставкой министра атомной промышленности России В.Н. Михайлова?

Кому это выгодно и нужно?

Но сначала о позиции Виктора Никитовича. За последние десять лет мы регулярно встречались с ним, бывали вместе на предприятиях, участвовали в юбилейных торжествах, случалось и выпивали по чарке. Я знал его еще директором института, теоретиком, руководителем оружейного комплекса. 2 марта 1992 года он был Указом Ельцина назначен министром, и ровно через шесть лет, день в день — 2 марта 1998 года — таким же Указом освобожден от своей должности. По иронии судьбы в этот же день Виктор Никитович Михайлов получил диплом об избрании его действительным

членом Российской академии наук. Академиком он стал еще в прошлом году, но документы в РАН изготавливаются неспешно, а потому и вручение их затянулось...

Много раз мы беседовали с Михайловым о судьбе науки, отрасли, его собственной. И из фрагментов этих разговоров, думаю, станет ясна его позиция.

— *Вы смелый человек, Виктор Никитович?*

— *Пожалуй...*

— *Я имею в виду, что вы единственный человек, который произнес во всеуслышанье: "Я — ястреб!"*

— Не могут же все в стране быть "голубями"! Природа так устроена: будут одни голуби, тут же вырождаются, станут уродами, калеками. В природе нужен баланс. И в обществе тоже... Я так откровенно высказываюсь, потому что хочу поддержать тех, кто свой талант, призвание, труд отдал на защиту наших рубежей. Я считаю что это "вечная" профессия и с молоком матери должна передаваться мужчинам из поколения в поколение. Вспомните картину "Три богатыря". Разве народ не славил всегда защитников Родины!? Так что дело не во мне, просто я хотел поддержать в это трудное и сложное время тех, кто работает на оборону страны. Эти люди сегодня имеют низкие заработки — они ниже, чем в среднем по России. К тому же у них огромное количество социальных проблем — не только в закрытых городах, а везде, где развита оборонная промышленность. Сейчас социальная сфера там практически не развивается, а растут дети, внуки... А это добрая сотня городов, и перейти там в рынок чрезвычайно сложно — думаю, на это потребуется несколько десятилетий. Ведь постановлениями и указами не обойдешься, "гнать" рынок нельзя. Нечто подобное происходило в начале 30-х, когда людей повально загоняли в колхозы. Зачем же повторять ошибки прошлого?

Миф о конверсии сегодня уже не столь моден, как пять-шесть лет назад. Уже стало ясно, что из танков не сделаешь "сковородки", а ракетные заводы не могут выпускать картофелечистки. Примитивизм понимания конверсии стал отходить на второй план, и немалая заслуга Михайлова как раз в том, что он показал на примере закрытых городов Минатома, как надо решать конверсионные проблемы. Однако некоторым руководителям Правительства конверсия представлялась иначе: они были намерены на военных технологиях "делать деньги". И Нижегородский губернатор Б. Немцов решал "доказывать это делом". Он буквально навязал руководству Арзамаса-16 своего ставленника на должность заместителя директора, и этот коммерсант начал свою бурную деятельность:

речь шла о производстве и продаже нуклидов. Кончилось все аварией, облучением людей, а новоявленный "коммерсант" тут же сбежал из Арзамаса-16... Естественно, Михайлов был против этого назначения, не скрывал этого, но не учел, что у младореформаторов хорошая память...

Попытки разных "коммерсантов" (а подчас даже просто уголовных группировок) проникнуть в атомную промышленность, продать расщепляющие материалы, "добраться" до плутония и урана, золота и алмазов, а также установить контроль над атомными электростанциями не только очевидны и постоянны, но и с каждым месяцем становятся все наглее. Михайлов и его коллеги, прекрасно понимая сколь опасны эти поползновения, постоянно усиливали контроль над отраслью, отбиваясь от современных "акул капитализма".

В отличие от авиации, ракетостроения, цветной металлургии и даже космонавтики, атомная промышленность ее остается "государевой", а это для бизнеса и коммерсантов весьма обидно, так как лишь один процент при посредничестве в этой области дает прибыль в 22 миллиона долларов! Тут уж можно вспомнить и классическую формулу Карла Маркса, гласящую о том, что за пару сотен процентов прибыли капиталист готов убить мать родную...

Кстати, один из руководителей Правительства посоветовал Михайлову уйти в отставку, когда застрелился директор Уральского ядерного центра В.З. Нечай. Одна из причин ухода большого ученого из жизни была как раз циничность Правительства, которое обещало дать зарплату работникам ядерного центра, а деньги из Минфина так не поступили...

А вот о том, что в крупнейших научных центрах зарплату не платят по несколько месяцев, ученые не могут отправить своих детей на каникулы, а в лабораториях иногда случаются голодные обмороки, Президент страны узнает из сообщений зарубежной печати! Министр Михайлов не может попасть на прием к Ельцину, рассказать ему о катастрофической ситуации с бюджетными деньгами. Но в Москве проходит пресс-конференция, которую дают для зарубежных журналистов руководители двух ядерных центров России, и только затем Президент России приглашает к себе Михайлова...

Кстати, Запад и особенно Америка весьма часто пытаются "корректировать" развитие нашей атомной промышленности...

Американцам не очень нравится "строптивный" министр России. Во-первых, он прекрасно осведомлен о самых последних достижениях в их оружейном комплексе, привык отстаивать паритет и не допускает поспешности в решении проблем с разоружением.

Случилось так, что в США были закуплены мощные вычислительные комплексы для Федеральных центров России. Сделка законная и выгодная для американцев. Но потом там спохватились, поняли, что эти вычислительные машины помогают поддерживать безопасность ядерного оружия на современном уровне... и американцы начали всеми способами добиваться, чтобы ЭВМ были "изъяты" из центров Минатома. Естественно, Михайлов не позволил это сделать, прекрасно понимая, почему американцы этого требуют! Но к сожалению, наши "друзья" из США сразу же нашли сторонников в России, и Михайлову регулярно "рекомендуют прислушаться к их совету".

С ним трудно разговаривать и по нераспространению оружия... Легко убедить руководителей России в том, что Иран — "плохая" страна, что "есть опасность появления там ядерного оружия, а потому не надо строить там атомную станцию". Однако тут же Михайлов популярно объясняет, что это попытки конкурентов вытеснить нас с рынка, что возведение АЭС в Иране не имеет никакого отношения к оружию...

Небольшое отступление. На первый взгляд комичное, но на самом деле — трагичное!

Для некоторых газетчиков нет разницы между Ираном и Ираком, а потому, наслушавшись о ситуации вокруг Ирака, они заявили, мол, Михайлов был отправлен в отставку потому, что Минатом сотрудничал с Ираком, а сам Виктор Никитович был дружен с Хусейном...

А ведь Михайлов ни разу не был в Ираке, и никаких контактов по оружию у Минатома с этой страной не было. Просто американцам очень хотелось, чтобы они были, тогда и их подготовка в атаке на Ирак была бы еще более оправданной.

Пожалуй, для американцев Михайлов — слишком информированный человек, и им трудно проводить свою идеологию и свое понимание нераспространения ядерных технологий.

В "великой битве" за АЭС в Китае, которая развернулась на мировом рынке, победа принадлежит России. И в первую очередь благодаря работе Михайлова и его коллег по Минатому, которые смогли убедить китайских партнеров в надежности нашей промышленности и атомной науки, да и личный авторитет министра сыграл не последнюю роль...

Михайлову было очень трудно на посту Министра Российской Федерации по атомной энергии. Однако не нужно преувеличивать: испытания, которые выпали на долю его поколения, не идут ни в какое сравнение с той суетой, что была вокруг него "наверху". Но он прекрасно понимал: пока Ельцин владеет ситуацией, пока

можно рассчитывать, что он поставит на место всех, кто пытается "прихватизировать" атомную промышленность, еще имеет смысл сражаться... Уход Михайлова со своего поста означает, что он такую надежду потерял...

— *Виктор Никитович, вы оптимист?*

— **Безусловно.** Даже в самые трудные минуты жизни нельзя опускать руки и смиренно ждать чего-то, нужно бороться и не сдаваться. Только тогда придет победа.

— *На каком-то этапе нашей жизни вы говорили: "Главное — выжить!" Теперь это уже позади...*

— **Вы правы — мы отсталяли отрасль!**

Есть такая притча. Ее любят рассказывать физики. Однажды Резерфорд поручил молодому ученому работу. Через пару лет он радостно докладывает своему учителю, мол, "я все сделал, что дальше?" "Увольняться, если не знаешь, что дальше", — посоветовал Резерфорд.

У Михайлова не только была реальная и взвешенная программа развития и преобразования отрасли, но и на протяжении шести лет он ее последовательно воплощал в жизнь. Чаще всего, не только не получая поддержки, но и испытывая огромное давление практически со всех сторон. Что греха таить, его действия одобрял Президент, и это позволяло "отбивать" наскоки противников.

Ситуация предельно проста: нефть, газ, природные ресурсы, металлы и даже криминальные "зоны влияния" в России поделены между финансово-промышленными группами и прочими новоявленными "акулами бизнеса". Вот только никак не удастся "приватизировать" атомную промышленности, вывести ее из-под контроля государства.

Будет ли новый министр более сговорчив, чем прежний?

Или это место уготовано новому "Бревнову"? Кстати, еще не было среди руководителей атомного министерства ни одного банкира, да и женаты все они были на соотечественницах, а не американках... Может быть, это нуждается в демократической корректировке?!

Итак, кому выгоден уход Михайлова с поста министра?

Прежде всего, Президенту России, так как у него был слишком "беспокойный" министр, он вынуждал принимать какие-то решения. Теперь можно жить спокойнее, так как Администрация сама сможет справиться с атомщиками...

Довольны и реформаторы, так как теперь есть шанс вырвать лакомые кусочки из атомной промышленности — Михайлов не сможет помешать...

Будут рады и американцы, так как, возможно, ему на смену (по их понятиям!) придет более сговорчивый министр...

Плохо лишь нам, гражданам великой страны. Мы прекрасно понимаем, что безопасность России, каждого из нас, в ядерный век зависит от уровня мышления и разума людей, создававших и владеющих ядерным оружием. Смертельно опасно, когда оно попадает в руки так называемых "политиков". Когда-то об этом предупреждал учитель Михайлова академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Понимая эту опасность, он и мечтал о том, чтобы во главе страны стояли и ученые – профессионалы. Сегодня любят ссылаться на великого гуманиста и ученого, демонстрировать свою приближенность к нему, но заветы его давно уже забыты и похоронены, так как "мешают" развиваться демократии в России.

Обидно и весьма странно, что лишь один человек в стране увольняет и назначает министров, от которых во многом зависит судьба народа и всего человечества. Рано или поздно может случиться ошибка, которая приведет к трагедии.

В.Н. Михайлову ни Президент, ни его ближайшее окружение не могут простить, что он не остановил "похода на Москву" атомщиков Смоленской АЭС. Виктор Никитович был против такой формы протеста. Более того, он пытался остановить своих коллег из Десногорска. Мне кажется, тогда он и сделал ошибку – ему надо было быть во главе колонны, которая в белых одеждах молча прошла ночью по улицам Москвы, заставив трепетать мимолетных вождей...

Уход Михайлова был воспринят по-разному: одними с сожалением, другими с радостью. Так бывает всегда, когда приходят или уходят нестандартные люди. Особенно если к ним можно предъявить претензии: ну а кто из нас без греха?!

Но большинству казалось, что приход в Министерство Е.О. Адамова внесет новую струю в жизнь атомного ведомства. Тем более имя его было связано с Курчатовским институтом и А.П. Александровым, с которым Адамов работал, да и директорство в НИКИЭТ, где традиции Н.А. Доллежалея еще не были забыты, тоже шло в плюс новому министру. Те, кто знал Адамова по прежним работам, отзывались о нем неплохо. Было лишь одно сомнение: не слишком ли велик прыжок с одной должности на другую?

Я был убежден сразу, что Е.О. Адамову нельзя доверять столь высокий пост в государстве. То, что я знал о нем, свидетельствовало, что испытание властью он не выдержит. Тем более в тех условиях, при которых развивалось наше государство последние десять лет. С моей точки зрения, как руководитель института он был всего лишь бледной тенью своего предшественника – академика

Н.А. Доллежаля, а на посту министра его беспомощность будет видна отчетливей. А человек он самолюбивый, не терпящий оппонентов, и потому атмосфера в Минатоме должна резко измениться.

Через несколько месяцев я начал убеждаться, что был прав...

Всегда забавно наблюдать, как маленький человек старается выглядеть великим.

"Наш Сталин с Ордынки" – так называлась моя статья в "Новой газете".

В нашем "Атомном доме" кипят нешуточные страсти: образовалось две группировки, которые не могут сойтись во мнении – каков же у них министр?

Одни утверждают, что Евгений Адамов, назначенный на высшую должность в Минатоме России в марте этого года, наконец-то, как и положено "новой метле", расчищает "авгиевы конюшни", которые образовались здесь за долгие годы демократии.

Другие же – категорически не приемлют нового министра, считая, что эксперимент, начатый нашим Президентом в марте сего года, закончился неудачей. Нарушив все традиции, Президент назначил министром человека, мало знакомого с атомной промышленностью и ядерным оружием. Да, он работал в Институте атомной энергии имени И.В. Курчатова, да, руководил одним из отраслевых институтов, да, принимал участие в ликвидации Чернобыльской аварии, да, частенько выезжал за границу, чтобы принимать участие в международных конференциях, – но всего этого оказалось слишком недостаточно, чтобы руководить отраслью, в которой переплелись высшие интересы страны и судьбы сотен тысяч людей. Тут амбиций и "шапкозакидательства", столь присущих "реформаторам 90-х годов", оказалось недостаточно. И произошло то, что произошло: Евгений Адамов стал министром, над которым уже и посмеиваются, и издеваются, одновременно прекрасно понимая, насколько трагично все то, что происходит в атомной отрасли России.

"Наш Сталин с Ордынки" – так говорят об Адамове уже не только в коридорах Министерства, но и в Сибири и на Урале, в закрытых городах и на атомных станциях. К сожалению, Евгений Олегович дал немало поводов, чтобы говорить именно так!

В том кабинете, куда забросила его судьба, витают тени великих министров, и первым из них мы по праву называем Ефима Павловича Славского...

Многие из тех, с кем он работал, по-прежнему трудятся на урановых комбинатах и ядерных центрах, в институтах и конструкторских бюро. И не раз они приглашались в этот кабинет на

третьем этаже здания на Ордынке, чтобы поделиться с министром своими планами, успехами или неудачами. По-разному проходили эти встречи, случалось, Ефим Павлович и крепкие слова употреблял, но никогда в этом кабинете не унижали — здесь человек чувствовал свою необходимость и высокое доверие, которое ему оказывала страна, потому что именно ее в этом кабинете представлял Славский...

Ныне все иначе. Случалось, Адамов выходил к посетителю в белом халате... Привычка?.. Но кабинет министра — это не лаборатория... Пустяк?.. Возможно, но дурные привычки все-таки надо менять, иначе складывается представление, что попадаешь в операционную, где тебя встречает хирург...

Часто Адамов назначает заседания на вечернее время, не считаясь, что всем остальным это неудобно... Да и прошли те времена, когда учреждения работали по ночам, потому что вождь отсыпался днем...

Уже стало традицией для Адамова проводить заседания и встречи по выходным дням, и люди подчас прилетают на них из других городов...

Очевидно этим Евгений Олегович хочет продемонстрировать, что он работает "от зари и до зари" (во времена Сталина говорили: "От гимна до гимна"). Но нынче это уже относится не к достоинствам, а недостаткам — свидетельствует о том, что министр не способен четко организовать собственную работу, а следовательно, и работу других. Ну а оправдание, мол, много "белых пятен" в отрасли, лишь оттеняет скоропалительность при назначении на должность как со стороны Президента, так и своего согласия на это предложение.

Впервые в истории Средмаша и Минатома России министром стал человек, который плохо знает атомную индустрию, который не "поднялся по производственной лестнице", что абсолютно необходимо для такой должности.

Заместители Адамова, уже побывавшие в министерской должности — Л.Д. Рябев, В.Ф. Коновалов и В.Н. Михайлов, прежде чем оказаться на Ордынке работали на разных должностях в Арзамасе-16, в Усть-Каменогорске и Электростали, в Глазове и в ЦК КПСС. Каждый из них прошел суровую школу практического опыта, и не теоретически, а собственными руками познали, что такое плутоний и оружейный уран, как получать бериллий и цирконий. Их знали в отрасли, им доверяли... Кресло министра они занимали как высокие профессионалы, а уж потом становились политиками.

Судьба Адамова иная — он стал министром в результате политических интриг, и за это ему приходится платить тем, кто способствовал его выдвижению...

"Человек Немцова" становится одним из советников... Естественно, он проваливает все, за что берется. И как ни пытается его защитить и оправдать Адамов, Крысову приходится оставить свою должность... А ведь его даже предлагалось сделать замминистра!

Кстати, первый заместитель Министра сразу же покидает свой кабинет, отказываясь работать с Адамовым. Кто-то посчитал тогда, что уход Белосохова — это "каприз", мол, обиделся, что не его назначили... Но на самом деле поступок бывшего директора Новосибирского комбината — одного из основных в отрасли — вполне оправдан: он предвидел, что начинается распад отрасли — неизбежный распад, когда властвуют амбиции, а не дело...

Впрочем, первые шаги Адамова нравятся его коллегам. Новый министр приезжает в атомные центры, расспрашивает об особенностях производства, интересуется теми областями, о которых он ничего не знает. Казалось бы, идет нормальный процесс: человек начинает учиться! Но такое положение продолжается недолго — уже через пару месяцев министр "познает все", и теперь он начинает командовать. И вот тут-то проявляется "вождизм", который пагубно начинает сказываться на отрасли.

Начинается "эпоха реформ". Так провозгласил Адамов на одной из первых Коллегий Министерства, когда в зале собрались руководители предприятий, институтов и научных центров. Казалось бы, новый человек — новые плодотворные идеи... Но на самом деле началась кадровая чехарда. К руководству отраслью потянулись случайные люди: нетрудно увидеть, что высокие должности занимают "свои", "лично известные" ...

На протяжении нескольких месяцев все наблюдали за борьбой, развернувшейся между Генеральным директором концерна "Росэнергоатом" Е. Игнатенко и министром. Это была схватка амбиций! Адамов пытается доказать, что уж атомную энергетику он знает великолепно — недаром ведь был директором института! Однако в его позиции была "ахиллесова пята" — на практической работе он не был, ну а теория всегда остается теорией... Евгений Иванович Игнатенко — признанный атомщик России, он пускал почти все ныне действующие блоки, он прилетел на аварийный блок Чернобыльской АЭС 26 апреля (Адамов появился там с экспедицией Института атомной энергии имени И.В. Курчатова только в июне 1986 года). Игнатенко был членом Правительственной комиссии, потом возглавлял "Комбинат". После развала Советского Союза именно Игнатенко принадлежит одна из главных ролей в том, что в России атомная энергетика не только сохранилась, но и АЭС работают устойчиво и безопасно... ("Новая газета" рассказывала об Игнатенко в материале "Главный ликвидатор"

в апреле сего года). Естественно, в отрасли авторитет Игнатенко несравним с авторитетом Адамова, и новый министр решил использовать свою власть — он освобождает Игнатенко от поста Генерального директора, а начальником над ним назначает очередного "реформатора". А как поговаривают в Министерстве, это сынок одного из "генералов от энергетики", то есть "человек Чубайса".

Нет сомнений, Игнатенко как человек энергичный и волевой, наделал немало ошибок. И его можно обвинять во многих грехах, но унижать его и близких к нему атомщиков нельзя. А так вольно или невольно, но получилось, что человек, назначенный Генеральным директором концерна — сторонний для атомной энергетики. Нынешний ставленник Адамова на посту Генерального директора концерна Росэнергоатом ни минуты не работал на атомной станции, а бывал лишь там на экскурсиях! Впрочем, и Чубайс, как известно, стал главным энергетиком страны, так и не поняв разницы между турбиной и генератором...

Этот поступок Адамова как министра, какими бы благими намерениями он не обставлялся, расценивается в отрасли как предательство...

У меня много друзей среди атомщиков страны. Это и "бомбоделы", и известные ученые, и директора АЭС, и медики. Так случилось, со многими из них довелось встретиться во время юбилейных торжеств по случаю столетия со дня рождения Ефима Павловича Славского. Событие это отмечалось широко — прошла научно-практическая конференция, торжественные заседания, открытие мемориальной доски.

И появилось возможность сравнивать!

Славский отстаивал свою точку зрения и перед Берией, и перед Хрущевым, и перед Брежневым, и с ним считались, потому что интересы дела и его министерства были для Славского интересами страны.

Так получается, но в современной ситуации Адамов по сути лоббирует интересы канадских атомщиков, предлагая построить на Дальнем Востоке новую атомную станцию по их проекту. Приводятся всевозможные аргументы, мол, это очень выгодно для России... Некоторые из соратников Адамова убеждены, что и министром-то он согласился стать только ради того, чтобы осуществить свою давнюю мечту о "новой атомной энергетике", в данном случае его союзниками выступают ученые Канады. Возможно, это и так, но, во-первых, для реализации своих идей не нужно "ходить в министры", а во-вторых, хорошо известно, что его институт НИКИЭТ атомщики давно уже именуют "филиалом Канады

в России, где сотрудники работают по совместительству". Наверное, для института — это нормально и допустимо, но недопустимо для нашего министра отстаивать интересы чужеземцев. Ведь именно в том институте, которым последние годы руководил Адамов, был создан первый промышленный реактор для получения плутония, а потом реактор Первой в мире АЭС и реакторы для подводных лодок, и их главный конструктор Н.А.Доллежалъ еще живет под Москвой, приближаясь к своему столетию ...

Славского никогда не интересовало то, что ныне именуется имиджем. Много раз он подчеркивал, что нужно дело делать, а все остальное, в том числе и признание, само придет. Вот почему с такой теплотой вспоминают сегодня самые разные люди Ефима Павловича Славского.

К сожалению, у Адамова имидж на первом месте. Это проявляется во многом: и в создании новой пресс-службы, и в реакции на критические замечания в прессе, и даже в организации юбилейных торжеств, посвященных Славскому. Как известно, подхалимов много, а потому сразу же начало создаваться впечатление, что это совсем не юбилей бывшего министра, а нынешнего... Примеры? Пожалуйста... Выходит номер газеты "Российская Федерация". Судя по всему, он полностью оплачен Минатомом или какой-то коммерческой структурой, связанной с министерством. Номер о Славском. Но с заголовком "Человек — легенда" на первой полосе портрет Адамова — автора статьи, а Ефим Павлович "потеснен" внутрь... Или выход книги "Активная зона". Покупая ее в киоске Министерства я подумал, что книга о Славском. Оказывается, нет — об институте, где до недавнего времени директором был Адамов. И вот уже на первой странице читаю: "Евгений? Человек-машина!", "В Минатоме к нему прислушиваются...", "Да как с ним говорить, если все наперед знает, что ему ни скажешь. Я, например, еще только задаю вопрос, а он уже отвечает", — это шофер пожаловался... Если интеллект — вторая натура, то это и есть Адамов"... Неужели это приятно самому читать?! А ведь книга-то заказная, оплаченная самим институтом, да и, безусловно, читанная и перечитанная самим директором.

Кстати, все-таки к юбилею Е.П. Славского книга воспоминаний вышла. И потоньше она, и хуже издана, так как "денег было мало". Да и тираж "Воспоминаний" всего две тысячи экземпляров, а "Атомная зона" — пять тысяч. Значит, в одном и том же ведомстве на одну книгу нашлись средства, а на другую их явно не хватило? Я уверен в одном: случись нечто подобное при Славском (если поменять министров местами), то книга воспоминаний о Е.О.Адамове вышла бы максимальным тиражом, а книга об институте, возможно, вообще бы не увидела свет...

Придираюсь? Отчасти можно и так сказать, но я вспоминаю одно событие десятилетней давности. Несколько редакторов науки центральных газет (я представлял тогда "Правду") были приглашены на необычную пресс-конференцию, которая состоялась в ресторане. Новый директор НИКИЭТ Е.О. Адамов "устанавливал контакты" с прессой. В общем-то, ничего необычного по нынешним временам, но тогда это показалось мне по крайней мере странным. Я быстро попрощался с Адамовым, заметив только: "Будут интересные работы, звоните. У нас добрые отношения с академиком Доллежалем, и они не изменились, хотя он и освобожден от работы". Кстати, Николай Антонович никогда не заботился об имидже в нынешнем его понимании, он просто создавал реакторы для первых АЭС, и об этом люди будут помнить всегда.

Минатом России напоминает самолет, который идет в крутое пики. Казалось бы, командиру падающего лайнера надо предпринимать энергичные меры, чтобы спасти пассажиров и самого себя, но вместо этого он меняет опытных членов экипажа на молодых, но преданных, а пассажирам рисует радужные картинки из будущего. За полгода пребывания нового министра, к сожалению, ситуация в атомной промышленности и на АЭС не улучшилась, а резко ухудшилась. Было бы неверным в этом обвинять только Е.О. Адамова, но тем не менее спрос с него особый — ведь знал какой пост предстояло занимать!

Власть всегда изменяет человека, редко — в лучшую сторону. Чаще всего человек, занявший высокое кресло, предполагает, что почитание относится к нему, а не к креслу. И это главная ошибка... Есть ли возможность исправить положение? Конечно, и для этого ничего особенно сложного делать не надо — а надо только понять, что пост министра — это служение тем миллионам людей, что работают в отрасли, а не их служение тебе...

На следующий день после выхода статьи мне позвонил один из новых заместителей министра и попросил приехать к нему. Мне было любопытно: "Новые формы работы с прессой?". Я согласился. С удивлением увидел на столе свою статью, испещренную пометками. Сразу же понял, что ему поручил со мной встретиться Адамов. Заместитель министра потребовал, чтобы я объяснил ему — кто меня информировал о тех или иных данных, какими документами я пользовался. Пришлось популярно объяснить моему собеседнику, что подобные допросы даже секретари ЦК партии себе не позволяли, что в русском языке есть весьма неприятные слова для чиновников, которые пытаются обеливать своих начальников, особенно по их просьбе. К сожалению, у моего собеседника не хватило такта не

спросить: "Какие слова?" Я вынужден был напомнить ему одно из них – холоуи... Он обиделся.

С тех пор во многие кабинеты и на некоторые предприятия доступ мне был закрыт. На Урале в одном из закрытых городов я узнал, что это личное распоряжение нового министра.

А страсти в Минатоме не утихали... Я понял, что в Минатоме России началось производство новых "изделий" – уголовных дел.

Я писал об этом, потому что в прицеле Адамова оказались мои друзья...

Бомба, что заложена в стенах Минатома России обязательно взорвется! И только глухой не слышит, как тикает часовой механизм... Хорошо, если этот взрыв затронет лишь узкий круг людей – тех, кто погряз в конфликте, а если он выплеснется на атомные станции?! Впрочем, уже поздно говорить "если": конфликт давно уже затронул все наши АЭС, он обсуждается в коллективах, а оттого обстановка явно ненормальная... Сужу не понаслышке: недавно побывал на двух станциях, встретился как с их руководителями, так и со специалистами. И они задавали один вопрос: "Почему это происходит?"

На это "почему" я и сам пытаюсь ответить уже несколько лет, и особенно последний год, когда министром Минатома был назначен Евгений Олегович Адамов. Именно его конфликт с Евгением Ивановичем Игнатенко и является той самой "бомбой", которая способна нанести мощный, может быть, даже непоправимый удар по атомной энергетике России. И речь идет не только о технике, но прежде всего о моральной атмосфере в отрасли.

Когда же между ними пробежала "черная кошка"?

Установить это трудно, потому что в судьбе обоих есть "точки соприкосновения", и казалось бы, они должны объединять, а не разделять людей.

Оба – доктора наук. Путь у Адамова прост: работа в Институте атомной энергии имени И.В. Курчатова, после аварии в Чернобыле назначен в НИКИЭТ – институт, директор которого академик Н.А.Доллежал был признан Политбюро ЦК КПСС одним из виновников случившегося. "Старшее поколение" уходило, ну а новое должно было "исправлять ошибки прошлого". Е.О.Адамов принимал участие в ликвидации аварии в Чернобыле летом 1986 года он возглавлял одну из экспедиций Курчатовского института на Чернобыльскую АЭС.

Судьба Евгения Ивановича Игнатенко не только "весомей", но и гораздо трагичней, чем у Адамова.

До 33 лет он занимался наукой в Институте ядерной физики – филиале знаменитого Ленинградского физтеха, где проработал

десять лет. Открыл четыре изотопа, защитил диссертацию, работал от СССР в ЦЕРН. Он сформировался как крупный ученый, и в своей среде пользовался вполне заслуженным авторитетом. Однако вдруг он принимает неожиданное решение: уходит на Кольскую АЭС, где возглавляет исследовательский отдел. И с тех пор он является тем самым звеном, который соединяет большую науку с атомной энергетикой. Игнатенко принимает участие в пусках многих атомных блоков в СССР. Сначала как один из руководителей, а затем как председатель Госкомиссии. Его хорошо знают атомщики как на Севере, так и на Украине, в Армении, в Центральной России – не было в нашей стране АЭС, в пуске которых Е.И. Игнатенко не принимал бы участия.

Апрель 1986 года. Днем 26-го Игнатенко уже на аварийной Чернобыльской станции. Он – один из членов Правительственной комиссии. Единственный человек, который пробыл в Чернобыле два года! Да, да – два года! А ведь Правительственная комиссия менялась каждые две недели, ну а подавляющее число атомщиков выдерживало несколько месяцев... И лишь Игнатенко оставался!

Почему? Неправда, когда говорят, что нет незаменимых – они есть! И об этом Игнатенко сказал тогда Председатель Правительственной комиссии... Когда говорят о ликвидаторах, пытаются ставить их всех в один ряд (кстати, Адамова рядом с Игнатенко!), я категорически с этим согласиться не могу – Евгений Иванович вне сравнений! Я просто преклоняюсь перед его подвигом в Чернобыле, хотя, признаюсь, случалось критиковать его на страницах "Правды" за те или иные упущения в "Комбинате", которым он руководил в Чернобыле...

Но оказалось, что испытания Чернобылем стали трагической, но не самой страшной страницей в жизни. В годы перестройки и в последнее десятилетие атомную энергетику пришлось не только спасать, но и поднимать на принципиально новый уровень. И это бесспорно связано с деятельностью концерна "Росэнергоатом", во главе которого стали прославленные наши атомщики, и один из них – Генеральный директор Евгений Иванович Игнатенко.

Из официальных документов: *"В настоящее время АЭС поставляют 27 процентов энергии в Европейской, экономически наиболее важной части России. Атомная энергетика России достаточно эффективна (ее тариф вдвое ниже, чем на ТЭС, а по безопасности эксплуатации она входит в число лучших в мире).*

Хотим мы этого или нет, но это и есть оценка работы Евгения Ивановича Игнатенко и его товарищей в минувшее десятилетие. Именно они добились того, что атомная энергетика России пользуется в мире уважением и доверием.

Впрочем, это пытается оспорить Е.О. Адамов. Будучи директором НИКИЭТ он доказывал, что "спасение реакторов РБМК — это заслуга именно их института".

Цитирую: *"За послечернобыльские годы проделана работа, превратившая РБМК в равные по безопасности другим АЭС. За этот же период создали систему управления атомными станциями на современной аппаратуре, современном программном обеспечении, проводим научные исследования по прочности материалов, диагностике, другим крупным проблемам. Предложили проект реактора естественной безопасности, ее концепцию. Сумели выработать стратегию развития атомной энергетики, но воплощение, к сожалению, зависит не от нас, а от того, когда страна вернется к нормальному экономическому функционированию".*

Это из книги об Институте, которая была написана по заказу дирекции НИКИЭТ.

Этот спор мог бы продолжиться на научных конференциях, но он особо не волновал Игнатенко — ему надо было решать проблемы атомной энергетики, которая постоянно испытывала удары экономического кризиса, бушевавшего в стране многие годы. А этот кризис ощущался на АЭС в невыплатах зарплаты, голодовках, протестах, "маршах на Москву" и так далее. Достаточно сказать, что ежегодно Правительство несколько раз рассматривала ситуацию вокруг АЭС, и эта документация хорошо известна.

Я много раз встречался в эти годы с Игнатенко, старался помочь атомным станциям, напоминал о Чернобыле. В одном из очерков я писал об Игнатенко так: *"Все, знающие Игнатенко делятся на две части. Для одних он символ надежности, четкости, преданности профессии, бескомпромиссности и честности. Для других — опасный и умный противник, с которым спорить невозможно: слишком информирован, да и к тому же очень жесткий человек, который бывает беспредельно резок, подчас даже оскорбительно прямолинеен. Вполне естественно, с таким человеком трудно иметь дела, обходить его лучше стороной — ведь в гневе он беспощаден".*

Мне кажется, будучи директором института Е.О. Адамов познакомился именно со "вторым Игнатенко", так как, что тут скрывать, мнение о работе НИКИЭТ у Генерального директора "Росэнергоатома" было невысоким. Ведь не только как чиновник, но прежде всего как ученый он мог по достоинству оценивать ту продукцию, которую выдает институт... Отрицательно он относился и к проектам новых реакторов, и к "кабелю в Японию" и многому другому, что рождала фантазия ученых, подчас оторванных от реальностей и лишь требующих денег на свое существование.

Здесь прошла та самая черная кошка? Возможно...

Но вот Е.О. Адамов назначается министром Минатома России.

Не хочу ничего выдумывать, а предоставлю слово самому Евгению Ивановичу Игнатенко. Почему-то во всех публикациях, связанных с ним, представлена одна сторона, а вторая умалчивается. И, во-вторых, я – повторяю – с великим уважением отношусь к Е.И. Игнатенко, верю каждому его слову, потому что знаю – выше интересов России, ее атомной энергетики у него ничего нет.

Итак, "Справка" об отношениях министра и Генерального директора концерна "Росэнергоатом":

"1. Март 1998 г. – назначение Адамова Е.О. министром Российской Федерации по атомной энергии.

В этот период техническое и финансовое состояние атомной энергетики можно было считать удовлетворительным. Выработка энергии превышала достигнутый в 1987 году уровень на 4 процента. Долги по зарплате имели минимальный за последние 5 лет значение. Количество отказов систем, важных для безопасности, находилось на минимальном по сравнению за последние годы уровне (Россия по этому показателю входила в тройку лучших стран мира..."

Нельзя не прокомментировать эти слова Е.И.Игнатенко. Он наивно считает, что претензии к нему как к Генеральному директору "идут по линии работы атомных станций" – нет, тут дело давно уже в стороне: речь идет о самоутверждении министра, в чем Игнатенко скоро убедится.

Продолжаю:

"2. Март-май. Лично министр дважды меня проинформировал о том, что за снятие меня с должности некоторые группы готовы заплатить большие деньги..."

Что естественно, ведь Игнатенко выступает за сохранение отрасли в целости, не поддается на "приватизацию АЭС", ведет бескомпромиссную борьбу за справедливую оплату электроэнергии, выработанной на АЭС, с РАО "ЕЭС России", не берет на работу "комиссаров Немцова" – как известно, будучи вице-премьером тот старался везде "посадить" своих представителей...

"3. Май-июнь. Министр потребовал от меня заменить заместителя Генерального директора Трунова В.М. на его человека Елисеева В.И. (не имеющего необходимого опыта в атомной энергетике и экономике).

Не так ли начинается "расплата" с теми, кто помог Е.О. Адамову стать министром?!

"4. Июнь. В концерне "Росэнергоатом" в мое отсутствие обнародован приказ министра (без номера) об отстранении от работы заместителя Генерального директора по экономике Трунова В.М. и назначении на его место Елисеева В.И.

Мой протест был воспринят министром как личное оскорбление. Свое требование министр подкрепил проектом приказа о моем снятии с работы. После этого требуемые министром перемещения в концерне были легализованы моим приказом".

Думаю, за эту слабость Игнатенко еще долго будет краснеть: он не понимал, что уступив один раз, он теперь окажется под еще большим прессингом. Так и случилось...

5. Июль. На коллегии Министерства объявлено, что руководство концерна "Росэнергоатом" будет посажено в тюрьму, для чего назначена аудиторская проверка фирмой определенной указанием министра (по закону аудиторская фирма должна выбираться по тендеру).

До этого концерн обычно дважды в год проверялся аудиторскими фирмами, кроме того, в 1997 году был проверен налоговой полицией и КРУ при Президенте. Результаты проверок были положительными.

Результаты аудиторской проверки, назначенной министром, оказались в основном положительными..."

Казалось бы, достаточно и можно уже нормально работать? Неужели не ясно, что такие отношения между министром и руководством концерна отрицательно сказываются на работе АЭС?

6. Август. В КРУ при Президенте, в МВД и ФСБ появились анонимки на основании материалов, подготовленных в качестве справок для министра Елисеевым В.И. (факты, изложенные в анонимках, не подтвердились).

Август. По требованию министра КРУ при Президенте провело повторную проверку концерна "Росэнергоатом" и трех АЭС. (Результаты проверки в основном оказались положительными.)

Сентябрь. Проведена межведомственная балансовая комиссия концерна "Росэнергоатом". (Результаты в основном положительные.)

Октябрь. Без объявления причин министр потребовал от меня уйти в отставку..."

13 октября 1998 года Генеральным директором концерна "Росэнергоатом" назначен некто Л.Б. Меламед – человек, не имеющий никакого отношения к атомной энергетике, но зато, как выразился министр, "хороший экономист". На самом деле Леонид Меламед из той самой "экономической стаи", к которой принадлежат Гайдар, Чубайс, Березовский, Немцов и другие и которая ограбила и изнасиловала Россию. Этим назначением вольно или невольно Е. Адамов показал кому именно он обязан назначением на пост министра. К сожалению, в наше время следует расплачиваться за свою карьеру – именно так воспринимают происходящее сотрудники Минатома.

"...За подписью министра, без уведомления меня, в Генпрокуратуру направлены материалы (ранее использованные в анонимках с целью возбуждения уголовного дела.

Внесены (незаконно) изменения в структуру концерна "Росэнергоатом", назначен без моего ведома ряд лиц и ликвидирована моя должность.

В связи с вышеизложенными действиями министра, лишившего меня возможности качественно управлять атомной энергетикой, я подал в отставку..."

На этом мытарства Игнатенко не закончились. В декабре министр назначает очередную комиссию, которые готовит "нужное" ему заключение. Не обращая внимания на доводы президента концерна и главного бухгалтера, министр пишет резолюцию "В Генпрокуратуру..."

Тут уж не "черная кошка" бегаёт, а нечто побольше, именуемое в России издавна как "донос". Вот только обычно министры на своих подчиненных этот метод не используют, но в данном случае, по-видимому, нашла коса на камень...

Сам Игнатенко объясняет такое отношение к нему Адамова тем, что тот воспринимает его как конкурента — в Госдуме ходили упорные слухи, что на должность министра претендует Игнатенко, и это вызвало такую ярость и месть Адамова.

Может быть, сам Евгений Олегович уже и не рад, что так развивается скандал в его Министерстве (где на протяжении десятилетий при всех предыдущих министрах не любили выносить сор из избы!), но его прихлебатели уже не могут остановиться. И в одной из центральных газет появляется информация: "Генпрокуратура России возбудила уголовное дело по фактам злоупотреблений в руководстве концерна "Росэнергоатом", осуществляющего управление российскими АЭС. Хотя обвинение никому не предъявлено, главным фигурантом дела, по-видимому, станет бывший гендиректор предприятия Евгений Игнатенко." А в конце информации вдруг такой вывод: "Собрать доказательства хищения и мошенничества следователи пока не смогли. Поэтому возбудили уголовное дело по фактам служебных нарушений".

И вновь министр Е.О.Адамов оказался в неловком положении: он послал компромат на своего сотрудника, а там "хищений и мошенничества" нет... Да и могут ли они быть, если человек отдал не только свой талант, силы, но и здоровье любимому делу, а именно атомной энергетике! И поддерживать надо таких людей, заботиться о них, а не третировать.

Вся эта история вокруг "Росэнергоатома" — темное пятно не только в биографиях конкретных участников событий, но прежде

всего на ведомстве, работой которого мы гордились.

... И еще об одном, уже личном. На днях встретил знакомого ученого из Курчатовского института. Он предупредил меня, мол, теперь в Минатоме я попал в "персоны нон грата", и там внимательно следят за моими контактами. В частности, с руководителями институтов и предприятий, и у них могут быть неприятности, если об этом донесут министру...

— А донесут обязательно, — сказал ученый, — а так как Евгений Олегович человек мстительный (это известно у нас в Институте хорошо), то у твоих собеседников могут быть неприятности.

На всякий случай фамилию ученого не сообщаю, и хочу сразу же предупредить тех, кто нынче подхалимничает вокруг министра: не буду подводить своих друзей и приятелей под гнев и месть главы Минатома, подожду лучших времен. Убежден, что они наступят скоро, так как история отношений с Игнатенко показывает, что сейчас личные амбиции министра затмевают дело. А в таком ведомстве, как Минатом России, подобное недопустимо.

К сожалению, личный спор между Игнатенко и Адамовым так и не был окончен, потому что Евгений Иванович Игнатенко погибает в автомобильной катастрофе... Ну, а история атомной промышленности давно уже сказала свое веское слово и об Игнатенко, и о его оппоненте. Думаю, что через непродолжительное время его фамилию даже не вспомнят, а память об Игнатенко останется навсегда. По крайней мере, я на это надеюсь и в это верю.

В той борьбе, что шла вокруг "Росэнергоатома" В.Ф. Коновалов участия не принимал. Он прекрасно понимал, что амбиции министра слишком велики, что он считает себя крупным специалистом в атомной энергетике. Честно говоря, надеялся, что ОАО "ТВЭЛ" постепенно наберет силу и его не тронут.

Естественно, Коновалов ошибался. Постепенно Адамов (завоевав, как он считал, "Росэнергоатом") обратил свой пламенный (по сути же, алчный) взор на "ТВЭЛ", где господствовал Коновалов — признанный лидер в этой области не только в России, но и во всех странах, с которыми у Минатома были деловые контакты.

Удар, как всегда, Адамов нанес неожиданно и исподтишка.

В мае 2000 года министр Минатома России Е.О. Адамов и президент ОАО "ТВЭЛ" В.Ф. Коновалов вернулись из Китая. Еще в самолете они пришли к выводу, что поездка была продуктивной и сотрудничество с дружеской страной развивается успешно. Китайские партнеры с энтузиазмом восприняли сообщение президента "ТВЭЛ", что ядерное топливо будет к ним поступать точно по

графику и что оно будет только высшего качества. Китайцы прекрасно были информированы о том, что Виталий Федорович Коновалов слов на ветер не бросает. Они помнили его еще с тех пор, когда он был Министром атомной промышленности СССР и когда закладывались первые кирпичики в здание сотрудничества. Нового министра Минатома России они знали меньше, но если рядом с ним Коновалов – значит это гарантия надежности. Впрочем, президента "ТВЭЛ" и предыдущий министр В.Н. Михайлов тоже брал с собой в Китай, прекрасно понимая, что именно ядерное топливо дает нам преимущество в борьбе за рынки на Востоке.

Итак, Е.О. Адамов и В.Ф. Коновалов тепло простились у трапа самолета, поздравили друг друга с наступающими праздниками. А утром 3 мая министр Минатома написал короткое письмо за № 01-21П в Правительство Российской Федерации (имя премьера не было вписано, так как М.М. Касьянов не был даже представлен Госдуме), в котором значилось: **"... прошу дать Мингосимуществу России поручение досрочно прекратить полномочия президента ОАО "ТВЭЛ" Коновалова В.Ф. и вывести его из состава Совета директоров ОАО "ТВЭЛ".**

Формирование нового правительства – время смутное. Оно идеально подходит для всевозможных интриг, получения нужных виз и подписей, а также для пробивания "своих" людей и борьбы с негодными. Свое письмо Е.О. Адамов три недели носил в портфеле, и как только представилась возможность положил его на стол новому председателю Правительства М.М. Касьянову. Новый руководитель не стал разбираться в сути дела и наложил свою резолюцию "Согласен". Это произошло 25 мая, а уже 2 июня 2000 года появился один весьма любопытный документ. На листке бумаги значится: "Протокол № 1 внеочередного общего собрания акционеров открытого акционерного общества "ТВЭЛ". Этот документ достоин, чтобы его процитировать чуть пошире. В частности, в нем говорится:

"Внеочередное собрание ОАО "ТВЭЛ" проводится на основании предложения Министерства атомной промышленности Российской Федерации, согласованного Правительством Российской Федерации (поручение Правительства Российской Федерации от 25 мая 2000 г № МК-П7-15151).

Повестка дня:

О досрочном прекращении полномочий президента ОАО "ТВЭЛ" Коновалова В.Ф.

Об исполнении обязанностей президента ОАО "ТВЭЛ".

Принятые решения:

По первому вопросу:

Прекратить досрочно полномочия президента ОАО "ТВЭЛ" Коновалова В.Ф. с расторжением договора от 14 октября 1996 г....

**Первый заместитель Министра
имущественных отношений
Российской Федерации**

Ю.М. Медведев"

Любопытно, не правда ли? Проходит общее собрание акционеров, но на него не приглашаются ни президент, ни вице-президенты, ни члены Совета директоров. Наверное, в истории акционерных обществ такое случается впервые...

Да и собрание акционеров проводится по предложению не существующего министерства! Дело в том, что Министерство атомной промышленности было в Советском Союзе, а с 1991 года у нас есть Министерство Российской Федерации по атомной энергии. И невольно возникает сомнение: а не являются ли все эти документы "липой"? Тем более, что даже поверхностное расследование показывает, что все "собрание акционеров" – это размашистая подпись господина Медведева!

Но события приобретают совсем нешуточный характер. Ничего не подозревающего В.Ф. Коновалова вызывает первый заместитель Министра РФ по атомной энергии (иное дело, если бы "атомной промышленности!") и сообщает ему о том, что он снят с работы. На резонный вопрос: "А причина?", следует столь же короткий ответ: "Не знаю!"

А знать-то господину В.Б. Иванову следовало бы, потому что не первый месяц работает он в Минатоме и должен быть бы осведомленным о том ненормальном положении, которое здесь сложилось!

Взлет Е.О. Адамова из кресла директора отраслевого института в кресло министра не был случаен, как это может показаться со стороны. Он представляет определенные интересы группы людей, надежно окопавшихся в Администрации Президента. Через Минатом России проходят крупные финансовые потоки. Их много, и каждый из них нужно было контролировать в интересах тех, кого мы именуем олигархами. С приходом Е. Адамова в Минатоме появились люди, которые вышли из "ведомств Чубайса, Березовского и Абрамовича", и они четко контролировали всю деятельность Минатома. А при необходимости и "прикрывали" самого Адамова. Те многочисленные разоблачения нового министра, в том числе и связи его в США, и коммерческая деятельность, для другого человека давно бы остановили карьерный взлет. Но Е.О. Адамов

защищен надежно, а потому плавно переходил из одного правительства в другое.

Атмосфера же внутри Министерства была довольно напряженной. Не буду касаться стратегии, тактики и поведения самого министра – это субъективная оценка, но ответить на вопрос "Почему?" попытаюсь.

Так случилось, но в подчинении у Е. Адамова оказалось три бывших министра. Л.Д. Рябев, В.Ф. Коновалов и В.Н. Михайлов руководили ведомством в труднейшие годы нашей истории, и, что греха таить, они провели "корабль Средмаша" сквозь все бури и штормы. У каждого из них авторитет в отрасли огромен, потому что за Л.Д. Рябевым стоит длительная работа в Арзамасе-16, потом в Оборонном отделе ЦК КПСС, затем в Совете Министров СССР. В.Ф. Коновалов создавал уникальные предприятия в Казахстане, на Урале. Прежде чем занять кресло министра он руководил главными предприятиями Средмаша по производству урановой продукции для атомной энергетики и оружейного комплекса. Академик В.Н. Михайлов – выходец из Арзамаса-16. Разработанные под его руководством "изделия" до сих пор стоят на вооружении, а созданные системы контроля намного превосходили американские... К сожалению, достижения Е.О. Адамова намного скромнее. А потому невольные сравнения не в его пользу.

В.Ф. Коновалов всегда в Министерстве был на особом положении. Его незаурядные организаторские способности помогли сохранить производство тепловыделяющих элементов (ТВЭлов) и полностью обеспечить атомную промышленность. Вместе со своими коллегами Л. Проскураковым, В. Кожиным, О. Линяевым, Г. Лавренюком, В. Бураном, при активной поддержке В. Виноградова, В. Зубакова он создавал концерн "ТВЭЛ", который сегодня конкурирует на мировом рынке с самыми крупными компаниями Америки, Канады и Европы. В ОАО "ТВЭЛ" были погашены полностью все долги, произведены выплаты, ликвидирована задолженность по зарплате, которая одна из самых высоких в отрасли, наконец, "ТВЭЛ" выполнил все обязательства как перед атомными электростанциями, нашими и зарубежными, так и перед атомным и военно-морским флотом. 18-21 апреля 2000 г. в г. Москве состоялся Российский Конгресс лучших менеджеров по теме: "Экономика России на рубеже веков: опыт реформ и стратегия успеха".

Конгресс проводился в рамках Общероссийского Общественного Проекта "Новая эпоха. Лучшие менеджеры России" при поддержке Администрации Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и Организации Объединенных Наций.

На Конгрессе получила высокую оценку деятельность ОАО "ТВЭЛ". На основании анализа динамики экономического роста корпорации за 1998-99 годы Президенту ОАО "ТВЭЛ" Коновалову В.Ф. присуждена Национальная премия имени Петра Великого, учрежденная Общественным Фондом "Лучшие менеджеры" как высшая общественная награда за личный вклад в развитие теории и практики управления экономикой, в номинации: "За выдающийся вклад в развитие экономики России".

А через два месяца человек, отмеченный столь престижной и высокой премией, вдруг этой самой экономике становится ненужным!? "Снят за выдающийся вклад в экономику" – своеобразно новое Правительство России начинает борьбу за подъем промышленности страны!

В.Ф. Коновалова убрали потому, что он начал мешать очередной "реконструкции" атомной промышленности. Предполагается воедино собрать все "денежные" области отрасли – атомную энергетику, производство твэлов, переработку урана и некоторые другие. На этой основе создать некий "Фонд", в котором поставить "нужных" людей и контролировать все финансовые потоки. А оружейный комплекс, фундаментальную науку оставить на попечении государства, мол, пусть бюджет ими и занимается. Ту "денежную часть" можно и приватизировать, благо, это столь же доходная пока отрасль, как и алюминиевая промышленность.

Помню, сразу же после первого назначения министром Е.О. Адамов очень был озабочен своим имиджем. И он поручил группе по работе с общественностью заняться его созданием. Появились многочисленные очерки о новом министре, интервью с ним, популяризировалась написанное о нем книга. Многие материалы щедро оплачивались. Но эта пропаганда все же практически не изменила отношения к нему и в отрасли, и среди общественности. А это отношение – негативное. Вот только говорить в глаза министру это люди не могут, так как Евгений Олегович на расправу крут, да и сказанное о себе помнит долго. И в этом тоже одна из причин увольнения В.Ф. Коновалова – не научился он за свою жизнь сгибаться перед начальством...

Я спросил Коновалова:

– *Такое решение было для вас неожиданным?*

– Более того, шокирующим. Да, я замечал, что у нас отношения становятся натянутыми, так как Адамов терпеть не мог, когда ему возражали. Ну, а я это делал регулярно, отстаивая свою точку зрения. Но удара в спину, тайного и неприличного, я не ожидал.

Видно, в Минатоме пришли иные времена, и мы, воспитанники Средмаша, еще не привыкли к подлости, к иезуитству.

— *Теперь свое мнение изменили?*

— Почти год я был безработным... Это самый тяжелый год в моей жизни, потому что нет ничего унижительнее, чем доказывать свои правоту и искать справедливость там, где о ней давно уже забыли...

А в Минатоме, руководимом Адамовым, события развивались своим чередом... Я старался знакомить общественность с тем, что происходит в Министерстве, считая это своим гражданским долгом...

Сразу же после отстранения Коновалова в ОАО "ТВЭЛ" был назначен на новую должность первого вице-президента некто А. Карклин. Его имя в атомной промышленности никому ничего не говорит. По-моему, он ни разу ни на одном из предприятий и не бывал! Зато в его биографии значится "вице-президент группы "Сибирский алюминий". Он побывал и в Самаре на "Авиакоре", где проработал ровно год. Именно столько времени потребовалось А. Карклину и его менеджерам, чтобы нейтрализовать работу предприятия: таким образом был выведен из строя один из конкурентов американцев на авиационном рынке. И вот теперь менеджер группы Абрамович — Мамут прибыл в атомную промышленность. Нет сомнений, что вместе с министром ему удастся нужным образом "организовать финансовые потоки". По сути дела отраслевой атомный банк "Конверсбанк" уже захвачен ими. Этот банк был создан специально для того, чтобы финансовые потоки отрасли были "прозрачными", да и управляли ими руководители атомных предприятий — именно им судить о том, куда направлять заработанные ими же средства. Но иначе считает Адамов, Абрамович и Мамут. Последний руководит частным МДМ-банком, и именно туда теперь по распоряжению министра Е.О. Адамова передано банковское сопровождение крупнейшего контракта России и США ВОУ-НОУ, цена которого 12 миллиардов долларов. Теперь контролировать эти деньги будет не государство, не Минатом России, а г-н Мамут. Предполагается в этот частный банк передать и деньги, которые зарабатывают атомные станции России и предприятия топливного комплекса.

Однажды Виталий Федорович сказал, что, наверное, не стоит подробно рассказывать о том, что происходило в Минатоме в минувшие годы, мол, это может сказаться в какой-то мере на авторитете министерства и людей, которые в нем работают. Думаю, что в данном случае Виталий Федорович ошибается. То, что происходило в Минатоме во время руководства Адамова, напротив, нужно

тщательно изучать, исследовать и доводить до общественности, ибо бесконтрольность и вседозволенность — это основа коррупции, от которой страдают не только отдельные люди, но и общество в целом. "Эпоха Адамова" — это зеркало того строя, которое мы с вами общими усилиями построили в России. Если оно нас устраивает, будем его восхвалять. Если же мы добиваемся для своих детей и внуков иного, постараемся обнажить его пороки, чтобы постепенно избавляться от них.

Однако вернемся к нашему разговору с Коноваловым. Час от часа он становился все тяжелее, потому что слишком мало времени отделяет нас от событий, о которых идет рассказ. Поистине: великое видится на расстоянии, а мелочное успевает раствориться в прошлом... Но пока отделить важное и менее важное сложно, потому что укол булавки так же болезнен, как и удар ножа — а ведь и то и другое может привести к гибели.

История с Адамовым завершается для меня сменой вывески "Конверсбанка". Даже в труднейшие годы неразберихи и разрухи удалось построить прекрасное здание банка на берегу Москвы— реки. Знаю, что и Коновалов и его коллеги, стоявшие у истоков рождения "Конверсбанка" гордились тем, что не принимали участия в спекуляциях с госбумагами, что привело к краху в августе 1998 года, и что построили самое современное здание банка.

И вдруг вижу, как рабочие скалывают с фасаду одну букву за другой. А через два дня вместо слова "Конверсбанк" появились иные: "Московский Деловой Мир". МДМ-банк стал хозяином этого здания. Не хочу разбираться до конца, как именно это случилось, но считаю, что лучшего подарка от Адамова его "друзья" получить не могли! Интересно, чем они отплатили ему?!

Среди тех людей, которые в эти нелегкие времена для Минатома и Коновалова занимал принципиальную позицию, был начальник Госатомнадзора России Юрий Георгиевич Вишневский.

Есть нечто общее между этими двумя людьми. Главное — это общая обеспокоенность ситуацией в отрасли и стремление выправить очень сильно накренившийся "атомный корабль". Позиции Коновалова и Вишневского иногда различались, но лишь по частностям. Особенно это проявилось, когда речь шла о последствиях Чернобыльской катастрофы и тех выводах, что необходимо было после нее сделать.

"Атомные дискуссии" напоминают мне беличье колесо: чем шустрее его хозяйка, тем быстрее оно вращается. Однако проку от этой гонки нет — золотые скорлупки и зерна-изумруды бывают лишь в сказках, а нам остаются лишь мусор и отходы...

Из-за дискуссий вокруг пуска Ростовской АЭС, ввоза отработавшего ядерного топлива в Россию, экологической обстановки на Урале, закрытия Чернобыльской АЭС, безопасности ядерного оружия и многих других проблем, связанных с Минатомом России, сказано и пересказано столь много, причем даже очевидной неправды (к примеру, бывший министр Е.О. Адамов заявлял, что он руководит "самой безопасной отраслью в стране"?!), что поиск истины затруднен до предела. Мне кажется, что осталось единственное место, где можно получить сегодня объективную информацию о состоянии атомного комплекса России. Это Федеральный надзор России по ядерной и радиационной безопасности (Госатомнадзор России). А потому я и оказался в кабинете его начальника Юрия Георгиевича Вишневого. Разговор у нас с ним был прямой и, как мне кажется, откровенный. Впрочем, судите сами. Я спросил у него:

— Не кажется ли вам, что сейчас уж слишком много внимания уделяется атомной промышленности? Только и разговоров то об атомной энергетике, то о загрязнении природной среды, то о ввозе отходов в Россию с Запада. Действительно ли эта проблема так актуальна сегодня или идет некая "игра", в которой атомщики пытаются взять своеобразный реванш за Чернобыль, мол, пришли иные времена и прошлое следует забыть?

— На мой взгляд, быть в центре внимания плохо.

— Почему?

— Плохо, когда отрасль начинает себя рекламировать, не имея на то особых оснований. У меня отношение к тому товару, который навязывает себя, с помпой рекламируется, настороженное. Я понимаю, что такой товар покупать не надо. Это первое. И второе: вы, конечно же, помните те времена, когда об атомной отрасли практически ничего не было известно и называлась она Средмашем. Рекламы не было, а отрасль выполняла те функции, которые на нее возлагались — обеспечение безопасности Родины.

— То были совсем иные времена...

— Сегодня отрасль должна вписаться в рыночные отношения. А следовательно, она должна зарабатывать и тратить соответственно своим возможностям.

— А как это делают американцы?

— Нельзя сравнивать Минатом России и Министерство энергетики США, потому что у них совершенно разные функции. Там Министерство не является производителем, оно является государственным заказчиком, то есть оно ставит четкую задачу: сколько, при каких условиях и за какие деньги осуществлять тот или иной проект. Отрасли как таковой в США нет, есть частные компании, и ими государство управляет через заказы, цены, биржи. А у нас

наступили "рыночные времена", но Минатом по-прежнему не только является производителем, но пытается командовать предприятиями точно так же, как вчера. На мой взгляд, Минатом как ведомство должен заниматься стратегическими задачами. В прежние времена это было, когда во главе ведомства стояли Славский, Рябев, Коновалов и Михайлов. С приходом Адамова все изменилось...

— *Начнем, как говорится, "от печки". Вы — Госатомнадзор. Ваша задача, насколько я понимаю, следить, чтобы в стране было чисто, чтобы атомных аварий не случалось. Можно ли дать общую картину сложившейся ситуации — чего нам стоит страшиться, а чего нет?*

— В двух словах это сделать невозможно... Попробую обозначить лишь главные проблемы. Однако для этого нам нужно вернуться назад, в конец восьмидесятых годов. Еще сохраняется государственная дисциплина, появляется наше ведомство. Его появление активно поддерживал Виталий Федорович Коновалов, после Чернобыля он стал заместителем министра, который "отвечал" именно за атомную энергетику. После Чернобыля нужно было ужесточить и усилить контроль за работой АЭС. Наши функции были простые: при появлении каких-то недостатков немедленно информировать вышестоящие органы, и они уже принимали соответствующие меры. Но с начала 90-х годов ситуация резко изменилась: началась анархия. На предприятиях было то же самое, что у выходов из метро. Все начали что-то продавать, условия антисанитарные... "Базар" прокатился по всей России, включая предприятия атомной промышленности. Я считаю, что большая заслуга Госатомнадзора в том, что мы сумели создать систему инспекций. Причем уже не только в атомной энергетике, но и в топливном цикле, на оборонных предприятиях. Нам удалось сократить количество радиационных происшествий, их невозможно стало скрывать.

— *Их стало больше?*

— Нет, сегодня ситуация не хуже, чем она была в 80-е годы. И это, безусловно, заслуга предприятий, которые предпринимают все возможное, чтобы не допускать каких-то чрезвычайных происшествий. Ведь каждое из них — это удар по всей отрасли. К сожалению, Москва мало им помогает.

— *Опять-таки попрошу привести пример?*

— Тот же печально знаменитый "Маяк". Каждый год — по весне — там создается критическая ситуация. Большая вода для Теченского каскада — это реальная опасность. 11 миллионов кубических метров сосредоточено там. В 2000 году весна прошла по лезвию трагедии. У последней плотины оставалось всего лишь 62 сантиметра, и затем зараженная вода устремилась бы в сибирские реки... Я непрерывно "штурмую" начальство — и в Правительстве,

и в Министерстве, мол, чего мы ждем?! Надо немедленно предпринимать меры, чтобы вода не пошла через плотину... Да и у нас большие сомнения о ней самой. Она строилась для одних условий, а потому выбирались соответствующие материалы. И условия были совсем иные! Потом плотину наращивали дважды, и это делалось без всякого проекта. А потому на вопрос – выдержит плотина или не выдержит? – никто квалифицированно ответить не может. При переливе она, конечно же, не выдержит – это ясно любому грамотному инженеру. Те 11 миллионов кубометров воды и юри, которые "сидят" в иле и воде, выйдут в Течу, а значит, будет загрязнены Иртыш и Тобол...И вероятность такой катастрофы очень высокая!

– *Чего же мы ждем?!*

– На "Маяке" говорят одно: "Нет денег!" Все, что возможно в их силах, они предпринимают, но этих сил явно недостаточно.

– *А что надо делать?*

– Еще в 2000 году мы провели на "Маяке" большое совещание. Был на нем министр, приехали ведущие ученые страны во главе с вице-президентом РАН академиком Н.П. Лаверовым. Побывали на месте, познакомились с проектами по "разгрузке" водоема. Там есть два канала, идущие в обход плотины, и в случае необходимости по ним можно сбрасывать излишние воды. Один из них полностью засыпан золой от теплостанции, нужно хотя бы его расчистить... К сожалению, так ничего и не сделано. Деньги Правительство не выделяет. Хотя если произойдет авария, безусловно, средства тут же найдутся. Только потребуется их во много раз больше!

– *С Карачаем легче?*

– Большая часть озера уже засыпана. Вокруг водоема сделана обваловка. Но все-таки при большой воде есть опасность, что она не выдержит и часть активности уйдет в соседнее болото. А там мох. Из него ничем радионуклиды не вытащишь... "Проблема Карачая" – это гигантская линза, находящаяся на глубине ста метров. Это 5 миллионов кубических метров радиоактивного соляного раствора. И эта масса со скоростью 80 метров в год движется к системе "Теча – Тобол". Уже сегодня есть данные, что "передний край" линзы уже начал выходить на поверхность и попадает в речку. Если в водоемах находится низкоактивные отходы, то в Карачае – среднеактивные. Там 11 миллионов, здесь 5 миллионов, а если неблагоприятные условия совпадут? Там уровень повысится, здесь возрастет давление, – вот вам и самый неблагоприятный сценарий развития событий. Причем это говорят ученые, они предупреждают об опасности. Возможна грандиозная катастрофа! А те меры, которые предпринимаются, на наш взгляд, явно недостаточны.

– *А другие "больные точки"?*

– В Северске работает два промышленных реактора. Плутоний уже нам не нужен, но они дают тепло городу, которое идет и на Северск и частично на Томск. Все это замечательно, но реакторы по проекту должны были работать два десятка лет, а они уже превысили этот срок вдвое! Их надо выводить из эксплуатации. Но это не так просто...

– *Экологи по всей стране бьют тревогу. Они напрасно паникуют?*

– К сожалению, основания для тревоги, а не паники, есть. И в Новосибирске, и в Чите... Я уж не говорю об утилизации атомных подводных лодок, о хранении отработавшего топлива, о его переработке... А что такое переработка на "Маяке"? Это опять-таки сброс в Карачай отходов. Вот и получается заколдованный круг, из которого мы пока выбраться не можем, а сделать это необходимо.

– *Говорят, что мы научились перерабатывать отработавшее топливо столь хорошо, что даже с Запада готовы его завезти?*

– Технологии переработки, конечно же, у нас есть. Но следует помнить, что при переработке тонны топлива образуется сто тонн жидких отходов. Объемы "грязи" вырастают во много раз!

– *А что в чернобыльской зоне?*

– Тот мониторинг, который ведется, показывает, что за счет естественного распада постоянно сокращается "дозовый фон". Никаких всплесков, никаких чудес не происходит... Серьезных вмешательств человека в этот процесс нет. Природу не обманешь, а потому нам остается только ждать.

– *И сколько?*

– Период полураспада цезия порядка 30 лет, значит, через пару десятков лет во многих районах Чернобыльской зоны ситуация придет к нормативной, то есть острота кризиса снизится. Однако часть зоны, естественно, останется опасной на столетия.

– *Итак, в общем плане картина получается далеко не радостной...*

– Все это мы получили в наследство от прошлого. Что есть, то есть. Меня же волнует то, что мы не извлекаем уроков из этого прошлого.

– *Страна "грязная"... Мне довелось проехать по ней с западных границ до восточных, а потому иллюзий уже нет...*

– Это вы правильно заметили: иллюзий не должно быть! Но я не сказал бы "страна грязная"...

– *А как точнее выразиться?*

– В стране много "грязных пятен"...

– *Согласен. Но для тех, что в них живут, это вся страна... Однако в какой бы район ни приезжал, начинается разговор о радиоактивном заражении. Причем приводятся вполне конкретные*

примеры, о которых раньше и не слышал... А тут Минатом вместе с Госдумой подбросили нам проблему ввоза отработавшего ядерного топлива. Причем она представляется нам как панацея от тех самых бед с загрязнением среды, о которых мы с вами говорили.

– Мой хороший приятель Анатолий Сергеевич Куликов, бывший министр МВД, такие вещи называет "Панама". Так вот – это "Большая Панама"! Депутатам громко сказали, что Россия может заработать 20 миллиардов долларов, потом чуть тише добавили – "за десять лет", и совсем тихонько уточнили: "нам надо использовать наши высокие технологии, которые будут созданы через пару десятков лет". Депутатам не сказали, что у нас нет сегодня технических возможностей принять эти тысячи тонн отработавшего топлива... Поистине "Панама"! Ведь никто это топливо не повезет в Россию, так как нет гарантий безопасного его хранения. И на Западе это прекрасно понимают, а зачем им дополнительная головная боль? Там прекрасно понимают, что нельзя превращать Россию в радиоактивную "помойку", потому что эта "грязь" обязательно попадет к ним! У нас был договор с финнами о приемке отработавшего топлива со станции, которую мы им помогали строить. Казалось бы, логично: мы поставляем в Финляндию топливо для АЭС, а потом перерабатываем его. Но финны сказали, что сначала они приедут на "Маяк", посмотрят условия хранения и переработки, а потом примут решение. Посмотрели, тут же решили хранить отработавшее топливо у себя, потому что поняли, что эту "грязь" они получают обратно через Север, через ту же селедку... Они построили хранилище у себя. Аналогичная ситуация со Швейцарией, с Германией. Там сказали, что до тех пор, пока в России не будет современных и надежных хранилищ, они ничего к нам не повезут. Но чтобы построить такие хранилища – очень сложные сооружения, обустроить поездные пути и обеспечить безопасный транспорт, – требуются большие деньги. Их нужно вложить намного раньше, чем мы начнем получать доллары за ввоз топлива.

– *Есть еще Тайвань. Там действует восемь АЭС и отработавшее топливо девать некуда – остров очень маленький.*

– Там стоят американские станции. Ни конгресс, ни правительство США не рассматривали эту проблему, а без их решения вывоз отработанного топлива с Тайваня и ввоз его в Россию невозможен. Это не только техническая проблема, но и политическая. Свое слово не сказал еще и Китай... Да и большинство цивилизованных людей во всем мире защищают нас, именно они не позволяют ввозить ядерные отходы в Россию, какими бы благозвучными терминами слово "отходы" ни прикрывались! Они защищают нас самих от нашей же глупости и от нашей же жадности...

— Спасибо за откровенность. Подобной позиции по поводу ввоза отработавшего ядерного топлива придерживается и Виталий Федорович Коновалов.

— Все, кто долго работает в Средмаше и в Минатоме прекрасно знают о положительных и отрицательных (а они, к сожалению, есть!) сторонах нашей деятельности. И мы сами в первую очередь стараемся избавиться от недостатков, от того негативного, что пришло к нам из прошлого, от наследия "холодной войны". Виталий Федорович — выдающийся специалист, он прекрасно знает ситуацию в отрасли, а потому к его рекомендациям не только надо прислушиваться, но и следовать им...

Хочу резко прервать ход событий и вернуться на десять с лишним лет назад, чтобы объективно оценить происходящее.

— Вы сразу стали первым заместителем министра и что пришлось курировать? — спросил я у Коновалова.

— Буквально сразу же после своего назначения Михайлов предложил мне стать его первым заместителем, а всех остальных освободить от должностей. Я был единственным первым замом — курировал промышленность, топливный цикл, атомные станции.

— Дружно работали?

— Мы понимали друг друга. У нас была общая задача: выстоять в очень трудных условиях и по мере своих сил мы делали все возможное, чтобы это случилось. Теперь это уже прошлое, но чтобы оно стало им, приходилось работать и работать...

Вместо эпилога

Наши беседы с Виталием Федоровичем Коноваловым начались с коротких вопросов и ответов. Мне показалось, что имеет смысл и завершить их так же: мозаика тем и хороша, что воссоздает панораму. Будем надеяться, что так и случилось...

— *Как можно охарактеризовать коротко минувшее десятилетие?*

— Как годы восстановления: будто война прошла по стране, все было разрушено.

— *Почему с Украиной так тяжело восстанавливаются отношения?*

— У наших друзей и коллег там была иллюзия, что их ждут на Западе. Теперь ситуация меняется — наши позиции и интересы сближаются.

— *В чем особенность вашего присутствия на мировом рынке?*

— Мы выходим на него вместе с наукой, и именно это дает нам преимущества. Мы показываем партнерам, что обладаем самыми современными наукоемкими технологиями.

— *Что вас порадовало в последнее время? Я имею в виду отношения с наукой...*

— Как известно, Средмаш всегда поддерживал геологию. Работа геологических экспедиций, большая наука, поиск неожиданных решений — все это привело к тому, что в стране были разведаны большие запасы полезных ископаемых. К сожалению, в последние годы геологоразведочные работы практически не ведутся. И вдруг геологи сказали, что с ОАО "ТВЭЛ" они будут работать с удовольствием. Это их предложение меня порадовало, так как ученые никогда не пойдут туда, где им плохо...

— *Человека назначают на высокий пост. Что он должен сделать в первую очередь?*

— Забыть о себе и своих интересах.

— *Почему так медленно решаются экологические проблемы? Я имею в виду Карачай, Чернобыльскую зону, Уральский радиоактивный след... Невозможно их решить в наше время?*

— Возможно. Однако это невыгодно, отдачи нет, а потому и интереса ни у Правительства, ни у ведомств нет...

— *Все решают деньги?*

— К сожалению, сегодня это так.

- *Что в отрасли сегодня развивается быстрее всего?*
- Атомная энергетика. На мой взгляд, кризис, связанный с Чернобыльской аварией, позади.
- *Что определяет успех?*
- Талант и самоотверженность людей. К счастью, их много в Минатоме.
- *Что было самым тяжелым, когда вдруг стали безработным?*
- Не хотелось ехать на рыбалку!
- *Не может быть?!*
- Это так. И меня сей факт поразил чрезвычайно...
- *Без чего нельзя жить?*
- Без работы.
- *Какой поднимете первый тост на своем юбилее?*
- Первый – за Минатом. Второй – за друзей, товарищей и коллег, с которыми работаю...

1988 – 2002 гг.

Ульбинский металлургический завод (г. Усть-Каменогорск)

19 лет активной жизни В.Ф. Коновалов отдал Ульбинскому металлургическому заводу в Усть-Каменогорске. Там он строил себя, варил, плавил, прокатывал тантал, ниобий, уран, набираясь от этих металлов твердости и стойкости в любых средах. Там он стал инженером – технологом-профессионалом. Постоянно учась и обучая других, весело отдыхая и упорно работая, в окружении и общении с друзьями и соратниками.

На УМЗ выпускник Уральского политехнического института превратился в специалиста широких знаний, профессионала, прошедшего последовательно все рабочие ступени производства.

Вот, что вспоминают ветераны – работники УМЗ о том времени, о совместном труде и отдыхе.

"Ты инженер... или в шахматы только играешь?"

А. Гофман, В. Марков

Виталий Федорович Коновалов..., вспоминают друзья, соратники по совместной работе в г. Усть-Каменогорске.

Альберт Ефимович Гофман работал мастером, старшим мастером, технологом, начальником цеха, заместителем главного инженера, заместителем директора. Лауреат Премии Совета Министров СССР...

Владимир Иванович Марков – цеховой врач терапевт, заместитель начальника МСЧ-22 по заводскому здравоохранению, первый заместитель начальника МСО-22.

Оба – ровесники Виталия Федоровича....

Слово Альберту Ефимовичу.

"В 1974 году директор Ульбинского металлургического завода В.П. Потанин назначается начальником 3-го Главного Управления Минсредмаша СССР, сменив на этом посту Николая Федоровича Кваскова. Владимир Петрович сразу приступил к стратегическим преобразованиям и ротации руководства предприятиями, входящими в Главк. Первым, кто был назначен директором, стал Коновалов В.Ф. Коллектив, который он возглавил в 1975 году, – Чепепкий механический завод, – одно из крупнейших предприятий Министерства.

Наши отношения с Виталием всегда были самыми дружественными, и расставание было тяжелым. Ведь Виталий Федорович – руководитель из когорты тех, кто всегда умело брал на себя ответственность в любых, порой сложных, тяжелых ситуациях. В большом, в малом он всегда чувствовал себя командиром, отвечающим за всех и за все.

И, как говорится..., не хлебом единым....

Программа создания атомной отрасли в СССР была разработана во второй половине 40-х годов. В соответствии с ней шло строительство промышленных предприятий. Вся промышленность дублировалась. Наш завод (его первое наименование п/я № 10) по технологии переработки урановых концентратов стал дублером предприятий, расположенных в Средней Азии (Чкаловск, Табашары,

Адрасман, Карабалты). По своему профилю завод должен был стать одним из звеньев начала технологического цикла по производству ядерных зарядов. Официальной датой рождения п/я № 10 (Ульбинский металлургический завод) считается 29 октября 1949 года.

Для обеспечения успешного пуска и освоения уранового производства со всех концов страны с путевками Управления кадров Министерства, группами и по одиночке на завод непрерывно приезжали молодые специалисты. Возраст 18–22 года. Желание проявить себя было хорошо заметно в глазах каждого. Создавался прекрасный коллектив из молодых людей, обученных, знающих и, главное, желающих работать и как можно скорее. Одним из них был и Виталий Коновалов, который прибыл в Усть-Каменогорск в августе 1956 года вместе с супругой, тоже выпускником УПИ, общительной и очень симпатичной женщиной. Виталий и Нелла – это прекрасная семья – образованная, эрудированная, открытая для товарищеских отношений. И хотя основная масса молодых специалистов была в то время холостой, многие были с ними по-настоящему дружны. Их отношения между собой были для нас практическим примером и ответом на вопрос – какой может быть жизнь семейная.

Свою трудовую деятельность Виталий Коновалов начал мастером-дублером опытного цеха. Очень быстро он проявил себя грамотным инженером, способным решать многие производственные вопросы, связанные с освоением исследуемых технологий. В 1957 году он назначается начальником смены в том же цехе, откуда затем, уже как хорошо зарекомендовавший себя специалист, переводится на пусковой объект завода – цех № 28.

Для предприятия пуск этого цеха по изготовлению тетрафторида урана был сложнейшим в истории завода. Недостаточно отработанная и изученная сульфатная технология обладала множеством опасных переделов, которые пришлось осваивать в жесткие сроки, как говорится, "на ходу". В этих условиях талант В.Ф. Коновалова – инженера и прекрасного организатора коллектива, проявился в полной мере. Он стал одним из трех специалистов большого коллектива, участвовавших в пуске цеха № 28 и получивших поощрение от дирекции предприятия в виде повышения оклада на сумму 250 рублей. В тот период это была высокая награда.

За короткий срок работы на заводе (всего 4 года) среди большой команды талантливых руководителей предприятия Виталий Коновалов стал очень заметной фигурой, быстро продвигающейся по ступеням профессионального роста. В 1961 году он назначается начальником отделения, а в 1962 году – первым из своих ровесников, соратников по работе, начальником цеха № 10.

Этим назначением судьба открыла возможность Виталию Федоровичу проявить себя в роли первого руководителя, которому доверено создать новое для завода производство. Что он и сделал просто блестяще. Под его руководством огромный коллектив заводчан создал и освоил единственное в СССР предприятие по изготовлению танталовой и сверхпроводящей продукции в обширной номенклатуре изделий. В 1970 году эта работа была отмечена первой на предприятии Государственной премией СССР, лауреатом которой стал и В.Ф. Коновалов.

В 1976 году "За разработку и создание производства сверхпроводящих материалов" Виталий Федорович Коновалов был удостоен второй медали лауреата Государственной премии СССР. Одновременно свою техническую эрудицию незаурядного специалиста в области тугоплавких металлов он блестяще подтвердил, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

Виталий Федорович – личность одаренная, неординарная, он самобытен, интересен в общении с коллегами по работе, с друзьями в быту, в семье....

Слово Владимиру Ивановичу.

"... Ноябрь 1958 года, в Усть-Каменогорске проходит шахматный турнир на первенство города среди мужчин. Участвую в турнире и я..., только, только прибывший на работу в МСЧ-22 3-го Главного Управления при МЗ СССР, которая обслуживает УМЗ (тогда завод п/я 10). Борьба на шахматных досках идет острая, но мне – "незнакомцу" удастся захватить лидерство. Общение, знакомства, разговоры с участниками первенства, с "болельщиками", и все чаще слышу – "жаль, что в турнире не играет кандидат в мастера спорта Виталий Коновалов, один из сильнейших шахматистов Казахстана".

Так впервые я услышал фамилию человека, с которым меня чуть позже судьба сдружила на многие десятилетия. И я благодарен звезде моей жизни, что встретился тогда с этим во многом удивительным человеком. В 1959 году в период подготовки к мощнейшим, массовым спортивным стартам – Спартакиаде народов СССР – в Казахской ССР, как впрочем и во всех союзных республиках, развернулась подготовка к главному спортивному празднику страны. В городах, селах развернулись горячие спортивные сражения почти по всем видам спорта, в том числе и по шахматам.

Заводская команда шахматистов, где на первой доске играл Виталий Коновалов, уверенно "укладывала на лопатки" всех противников в городе, области. А противники, поверьте, были достойные и сильные, особенно шахматисты свинцово-цинкового

комбината во главе с Александром Шабриным, ВНИИцветмета — во главе с Александром Гилязитдиновым. Но мы победили. И вот мы в Алма-Ате на Спартакиаде Казахской ССР в составе большой спортивной делегации Восточно-Казахстанской области. Чемпионами мы не стали, но в призеры пробились.

Виталий Коновалов включен в состав сборной шахматистов Казахстана и едет в Москву на Спартакиаду народов СССР. Праздник..., да еще какой!

Старший мастер цеха № 28 "закрытого" завода п/я 10, кандидат в мастера спорта по шахматам, Виталий Коновалов наносит поражение мастеру спорта К. Клеману, делает "ничью" с гроссмейстером И. Болеславским. Да! ...

Команда шахматистов Казахстана вошла в шестерку победителей Спартакиады, а это важные очки для всей команды Республики! Возвращение В. Коновалова на родной завод из Москвы, казалось, вило новые силы в шахматную жизнь не только завода, но и города.

В 1960—61 годах шахматисты завода, ведомые талантливым, постоянно заряженным на атаку в шахматных баталиях Виталием Коноваловым, успешно выступают в чемпионатах города, области, республики.

Хочу вспомнить и высветить людей, которые более чем успешно отстаивали спортивную марку завода в многочисленных шахматных сражениях.

На первой доске играл кандидат в мастера спорта СССР В. Коновалов, на второй — перворазрядник Валентин Трофимов, на третьей — перворазрядник Владимир Марков, на четвертой — перворазрядник Алексей Матюнин, на пятой (женская) — Людмила Чуркина. Четверо — инженеры завода, В. Марков — врач. Как чемпион Казахской ССР команда была направлена защищать спортивную честь республики на первенство СССР по шахматам в г. Харьков.

Но сначала шахматная федерация Казахстана организовала нам тренировочные сборы в Алма-Ате, а позже направила нас в далекую Кзыл-Орду.

... И вот Харьков. На соревнования прибыло 24 команды шахматистов из всех союзных республик, из Москвы, Ленинграда, от ЦК профсоюзов..., от некоторых больших спортивных обществ: "Динамо", "Спартак", "Локомотив".

Проходим мандатную комиссию, председатель комиссии полусушя спрашивает: "За Казахстан выступаете, а где же казахи?". Виталий, подарив членам комиссии свою добрую, мягкую улыбку, смеется: "А вот Леша Матюнин, он у нас казах". Смуглый, темноволосый Леша только и улыбнулся....

Играли мы неплохо, но уж здорово сильны были команды – гроссмейстеры, мастера, на женской доске выступала будущая претендентка на мировую шахматную корону Алла Кушнир.

В итоге – 12-е место, а Виталий за лучший результат против мастеров на первой доске получил приз – настольные, красивые часы. Счастливые, радостные вернулись мы в Усть-Каменогорск..., ведь столько времени мы не были дома!

Прошло несколько дней.... Главный инженер завода Иван Васильевич Волков, ставший позже доктором технических наук, профессором в Ленинграде, пригласил Виталия Федоровича Коновалова на беседу.

Отдадим должное прозорливости, такту, мудрости Ивана Васильевича. Несомненно, он уже давно присматривался к молодому выпускнику Уральского политехнического института В.Ф.Коновалову, прибывшему на завод в 1956 году и за короткое время показавшему себя грамотным, с большим будущим инженером. Беседа была недолгой. Как мне сказал позже Виталий, Главный в конце встречи сказал: "Ты же толковый инженер... или только в шахматы будешь играть?".

Инженерный вектор, а значит, жизненный путь Виталия Федоровича во многом увидел и предначертал видный металлург, будущий ученый. Главный инженер завода – Иван Васильевич Волков....

... Но шахматная жизнь на завода продолжалась, мы реже встречались с Виталием за шахматным столиком, но открылись другие горизонты.

Все, кто жил, бывал в Восточном Казахстане, не позволят мне слухавить..., ведь природа здесь..., жемчужный край! Флора, фауна богатейшая, во многом неповторимая!

Рахмановские ключи, хребты Алтайских гор, озера Маркаколь, Зайсан, Сибирские реки Иртыш, Бухтарма, Уба..., надо видеть, почувствовать!

Большой природолюб, человек, относящийся неоднозначно к людскому злу – табакокурению, злоупотреблению алкоголем, ко всему пакостному, – Виталий Коновалов, полностью отдавшийся работе на заводе, в минуты отдыха тянулся к красотам природы.

Он один из первых среди нас купил автомашину, а сделать это в 60-е годы было непросто, и начались совместные выезды на охоту, рыбалку. И, конечно, кроме всего охото-рыбацкого снаряжения, в салоне авто всегда были шахматы, часы.... Нередко в эти поездки с нами отправлялась жена Виталия – женственная, очаровательная Нелла Викторовна и дочь Лена, особенно, когда путь лежал на берега рукотворного Бухтарминского водохранилища

в сторону д/о "Голубой залив". Меня не перестает удивлять до сих пор особый дар, увлечение Виталия кулинарией. Каждый (по крайней мере, многие) смогут на охоте, рыбалке сварить на костре уху, утиный "чулим", но "заварганить" и потчевать друзей оладушками, паровыми битками из рыбы, рагу из потрошков утки или тетерева. Кто из нашего брата возьмет на себя смелость сотворить такие блюда?

Да, от удивления, а главное от вкуса приготовленного, да еще у костра на охоте, рыбалке, да если по чуть-чуть... можно только очаровываться.

На охоте, рыбалке всегда бывают всякие курьезы, чаще веселые, смешные, но бывают и неприятные, и даже очень....

Уже позже, в одну из поездок Виталия Федоровича в Усть-Каменогорск, мы рыбачили на Бухтарминском водохранилище, в районе Куйгана. Рыба на блесну брала плохо, хотя день был рыбацкий, — хмарно, легкий западный ветерок, октябрь.... Мне все же фартило, атаки хищников следовали довольно часто, особенно нагло вели себя щуки и все по 2–3 кг. Одна из атак впечатляла: щучина вылетела в буруне волны, из-под камыша в 10–15 метрах от берега..., удар!... еле удержал катушку! Блесна была заякорена ниже жабр рыбины. Пришлось достать перочинник, простой складшок, подарок отца. Справившись, возбужденный (рыбаки поймут!) отправился по песчаному берегу дальше. Долго поклевки не было, но затем пришла удача, и опять потребовалась помощь ножика, но его в кармане не оказалось.... Раздосадованный, бросив рыбачить, ходил я по берегу и искал пропажу. Увы! Удрученный, я пришел к месту, где блеснил Виталий.

— Ты чего такой сумрачный?

Я рассказал....

Широкая, добрая улыбка на лице Виталия, лучистость его глаз и теплые слова:

— А я нашел твой ножик, вот возьми, — и он протянул мне в руке красивый, богатый складшок, как оказалось, швейцарской работы, — быстро пробудили меня, ведь человек всегда лучше познается в беде, в острые минуты жизни. Волшебное слово "Спасибо", но и его порой очень мало...

... В начале 70-х годов Виталий Федорович со своим другом Виктором Ходько проводили отпускные дни на озере Алаколь, расположенного примерно в 500 км на юго-запад от областного центра. Озеро богато рыбой, сазан всегда охотно берет на растительные наживки, на червя. Прибереговое мелководье заросло камышом, уток всегда много, но когда идет перелет, "вал" осенней миграции гусей, утиных..., это надо хоть раз увидеть!

Середина октября, дни стояли солнечные, теплые, но по ночам до 3–5 градусов мороза. Утренняя зорька для друзей началась чудесно, — косяки уток то и дело проносились над зарослями камыша, в плавнях которого на легкой каркасной лодчонке возле "блюдца" с резиновыми чучелами то и дело "разогревали" стволы своих Иж-54 Виталий и Виктор. Прямо на чучела, в "штук" на бреющем, из-за мыса выскочил табун кряковых.... Друзья ударили дуплетом.... Виктор стал подбирать сбитых утей. Одна, вторая, потянулся за третьей, резко упершись в прорезиненное дно охотничьего суденышка..., тр-р-р... и друзья оказались в воде. Огромная дыра, холодное купание заставили охотников соображать мгновенно. До берега 400–500 метров, глубина 1,4–1,6 метров, Витя Ходько плавать, к несчастью, не умел....

Брошено все, что можно бросить, в том числе и ружье Виталия... "К берегу, скорее, пока тело хранит тепло". В экстремальных условиях жизни человек всегда сдает суровый экзамен на прочность, порядочность. Помощи ждать было неоткуда, все надежды только на себя, на взаимовыручку. Дно, к счастью, было песчаное, твердое. Глубины порядка 1,8–2,0 метра были редки.... Как вышли к машине..., может, с трудом понимали и они!...

... Годы летят, только стрелка часов, да весны земли мелькают. Вскоре Виталий Федорович был назначен начальником цеха № 10, а я к тому времени уже работал в должности заведующего заводской поликлиникой, турнирные шахматные бои уходили в прошлое, а встречи за шахматной доской "для себя" у нас продолжались. Часто это были "бои местного значения" у Виталия дома, — в уютной домашней обстановке, где радушная, гостеприимная супруга Виталия готовила бывшим чемпионам легкий ужин и пару бутылочек "Жигулевского".

Виталий в шахматах всегда напорист, в вихре атак, жертв фигур и делал это с улыбкой, с легким юмором в репризах....

Еще один шахматный мини-клуб был у супругов Плюсниных. Они оба страстно увлекались шахматной игрой. Жена Юрия Михайловича имела по шахматам второй спортивный разряд, участвовала в турнирах на первенство завода, города, и всегда очень "болела" за мужа. "Закусочный" стол всегда хозяева сервировали с парочкой бутылочек сухого вина, что-то вроде "Рислинг". Играли на "вылеты", но осторожный Юрий, подливая Виталию и мне вино в бокалы, долго не садился за доску, а все отшучивался: "Жду своей очереди".

Да, дай бог таких жен, как Нелла и супруга Юрия Михайловича, каждому шахматисту, да что шахматисту — каждому мужчине!

Но добрые встречи с Виталием Федоровичем были и на других "полях". Врачи промышленной медицины, в том числе и цеховые

врачи-терапевты совместно с руководством цехов решали многие общие вопросы. А это и культура производства, охрана труда и здоровья работающих, особенно профилактика профзаболеваний. Актуальны всегда были вопросы по трудоустройству отдельных категорий работающих.

Надо отдать должное Виталию Коновалову, он всегда помогал врачам и, как правило, лично занимался трудоустройством своих работников. Виталий Федорович хорошо знал людей своего цеха, часто — их домашние социально-бытовые условия, беспокоился о людях. Но если лодырь, бездельник — спуску не будет. Много можно вспомнить и здесь, но приведу удивительный, незабываемый случай.

Работал на заводе в цехе № 30 (цех по выпуску плавиковой кислоты) аппаратчиком А—в, он пришел на завод в 1949 году, работал в различных цехах, выводился, трудоустраивался, прошел и "север" и "юг" (промплощадки завода), казалось, "осел" в цехе № 30. За рабочим, как лисий хвост, прочно закрепилось много нелюбимых эпитетов, слово "лодырь" было не самым худшим. За год, что А—в работал в цехе плавиковой кислоты, он написал одиннадцать жалоб, семь из них были на врачей. А что значила жалоба рабочего человека в советское время, вспоминать не будем.

Но в партком завода пришло письмо и от рабочих цеха № 30, его написали работники бригады, в которой работал А—в, они категорически отказывались работать с ним и просили партком добром подействовать, чтобы из бригады убрали А—ва. Аргументов в письме было очень много и все против А—ва.

... Редкий случай. Заседание парткома, который то и дело "возился" с заявлениями А—ва, посвящено обсуждению письма, в котором рабочие просят убрать "склочника", как выразились авторы письма. Что делать? Перевести? Куда? Никто не знает. Начальники цехов хорошо знают трудовую биографию А—ва. И вдруг Виталий Коновалов (он член парткома) заявляет, что возьмет А—ва в свой цех. Казалось, что само солнце, вечерние лучи которого брызгали в окна комнаты парткома, удивилось....

На следующий день начальник цеха № 10 и рабочий цеха № 30 встретились и обо всем договорились. По ОК завода прошел приказ о переводе. А—в вышел рабочим хозяйственной службы танталового цеха на работу. Установив персональный контроль за новым работником цеха, Виталий Федорович дал "новобранцу" полную возможность показать, проявить себя на новом участке работы. Увы, грубые нарушения трудовой дисциплины, требований техники безопасности, личная недисциплинированность привели к тому, что А—в получил за две недели... три выговора в приказах по

цеху..., и как положено был уволен с завода, пропуск в проходной изъят. И новая жалоба..., уже в горком партии на "произвол" администрации цеха № 10.

К секретарю горкома партии Мырзашеву мы поехали втроем: В. Коновалов, В. Марков и представитель ОК завода (не помню, кто с нами был). К моему удивлению, разговор в горкоме был очень спокойный, взвешенный и он шел с явным перевесом, выражаясь языком шахматистов, белых фигур, а они были в наших руках. Выслушали вибрирующего А-ва, он был явно потрясен, столько лет больничные листы, болезни помогали ему легко идти по трудовой дороге и тут..... он публично извинился перед нами, попросил прощения у В. Коновалова. Виталий Федорович умеет понять, почувствовать состояние человека, он мудр и обладает большим человеколюбием.

Приказ отменили. А-в вышел на работу вновь в цех № 30..., позже я узнал, что он и работать стал хорошо и товарищей по работе уважал, жалобы не писал. Урок пригодился.

Виталий Федорович глубоко порядочный, надежный, верный человек, он не подведет, не предаст. И если он убежден в правоте человека, порядочности, он сделает все, чтобы если это нужно, отстоять, защитить человека. Счастье в жизни, когда на твоём жизненном пути рядом есть такие люди, как Виталий Федорович!

Я смотрю на дорогие фотографии, которым уже более 40 лет..., а нам тогда было около 30.... Мы молоды, красивы!

Спасибо, что было!

"Посредством шахмат он воспитал свой характер"

Я.Г. Ганенко

Коновалов В.Ф. работал на УМЗ с 20.08.1956 г. по 20.03.1975 г. С 12.07.1962 г. и до перевода на другое предприятие он был начальником цеха по производству тантало-ниобиевой продукции и сверхпроводящих материалов п/я В – 8857 (УМЗ).

Что сделано коллективом цеха за эти годы под его руководством, и какие изменения в производстве произошли за это время – свидетельствуют такие факты.

В 1962 году производство тантало-ниобиевой продукции размещалось в корпусе № 10, введенном в эксплуатацию в 1952 году и во временно приспособленном для производства корпусе № 14. В этом году было выпущено 22,7 т танталовой продукции, в том числе 16,8 т натриетермического порошка тантала, 4,5 т карточного проката и 1,4 т порошков конденсаторного класса (гидрида тантала).

В 1974 году (накануне перевода Коновалова В.Ф. на другое предприятие) производство тантало-ниобиевой продукции и сверхпроводников размещалось в корпусах №№ 3, 10, 10А, 56, 57, 58, 64. Суммарный выпуск только продукции из тантала составил 157,8 т (около 700% к 1962 году). Осуществлялся выпуск многих марок и наименований проводов и токонесущих элементов из сверхпроводящих материалов. Из пятиокиси ниобия производился товарный продукт под названием плав ниобата калия.

Вся танталовая продукция производилась из тантала, прошедшего двойную вакуумную плавку, марки ТВЧ (тантал высокой чистоты).

Темпы создания производственных мощностей и наращивания объемов выпускаемой продукции были очень высокими. Так, например, технорабочий проект на корпус № 10А и пристройку к корпусу № 10 были выпущены в 1963 году, а в 1964 году пристройка к корпусу № 10 и корпус № 10А были приняты в эксплуатацию. Вакуумные дуговые печи для плавки тантала изготавливались на дагестанском заводе электротехнического оборудования, который в силу ряда причин отстал в сроках изготовления и поставок печей и поэтому участок вакуумной дуговой плавки в корпусе № 10А был принят в эксплуатацию в 1965 году. Одной из причин повлекшей задержки поставки печей, послужили взрывы печей на одном из предприятий в городе Верхняя Пышма при дуговой плавке титана. Поэтому, как говорится, на ходу принималось решение о защите обслуживающего персонала во время плавки тантала.

В августе 1967 года правительством СССР было принято решение о доведении мощностей по производству тантала до 200 тонн к 1972 году. В обеспечении этого решения Министр Среднего Машиностроения 09.09.1967 г. издал приказ о строительстве корпусов 57, 58, 64 и реконструкции корпуса 3.

В назначенные сроки корпуса были построены и введены в эксплуатацию.

Практически все эти годы ощущался дефицит сырья, плановые задания по выпуску товарной продукции, как правило, опережали сроки ввода производственных мощностей под них. Планового времени на отработку технологии и освоение нового оборудования не было. Работы эти велись параллельно. Руководителям цеха, отделений и участков вместе с рабочими в отдельные

периоды (довольно часто) приходилось работать круглосуточно и без выходных дней. Месячные планы по выпуску товарной продукции, за редким исключением, выполнялись в последний день месяца. За все это время был только один случай невыполнения месячного плана – недодали 23 кг танталового проката.

Как Виталий Федорович Коновалов попал в цех по производству тантала?

В феврале 1961 года директором завода был назначен Владимир Петрович Потанин, который обратил внимание на молодого инженера, работавшего в урановом производстве и за 6 лет работы показавшего себя инициативным и ответственным работником. Он взял Коновалова в свою "команду", назначив начальником цеха № 10.

Как показало время, Потанин В.П. не ошибся в Коновалове В.Ф., который, пользуясь поддержкой руководства завода, служб главных специалистов завода и рационально используя возможности коллектива цеха, успешно справился с заданиями дирекции завода и управлений министерства.

На руководящих должностях цеха в то время работали автор этих воспоминаний, а также Былинин В.В., Алферов Б.В., Коробейников В.П., Косенко В.П., Кутний В.Е., Внуков С.П., Сугаков А.Н., Аксенов В.В., Бушманов В.И., Родин В.И., Деменко А.А., Авербух Ю.Е., Демин Л.Н., Шаклейн В.М., Проневич В.Б., Гасов В.В., Марочнова В.И., Новокшанова Н.И., Жданова Е.С., Семенов В.К. и другие.

Общая численность работников цеха в 70-х годах составляла около 1000 человек. В целях совершенствования структуры управления производством и повышения эффективности работы проверялась дифференциация производства – в самостоятельные подразделения завода выделялись производство натриетермических порошков тантала и ниобиевой продукции, а также производство сверхпроводников и прутков, и проволоки тантала. Однако и эти преобразования не прижились, производство тантало-ниобиевой продукции и сверхпроводников были объединены в одно подразделение и Коновалов В.Ф. успешно справлялся с его управлением.

В разработке технологии современного производства тантала и особенно в действовавшем тогда производстве сверхпроводников, кроме руководителей и исследователей ЦНИЛ и ЦЗЛ завода (Пехов Г.Ф., Березко В.В., Барам И.И., Смольская В.П., Цораев А.К.-С., Кутний В.Е., Белогорцева А.А., Белогорцева М.В., Мурина Н.В. и другие) принимали участие руководители и исследователи научно-исследовательских институтов – ВНИИНМ, ИАЭ, ВНИИХТ, СвердНИИХимМаш, ФТИ (г.Харьков), Сибкадемпроект и другие.

По инициативе Потанина В.П., Иванова Е.Д., Мурина Ю.И., — на заводе было проведено несколько научно-производственных конференций, в которых принимали участие представители министерств, ведомств и многих НИИ СССР.

Активное участие в проведении конференций, как в организационном плане, так и научно-техническом, принимал Коновалов В.Ф.

В итоге за 13 лет работы в танталовом производстве (1962 — 1975 гг.) с непосредственным, активным участием Коновалова В.Ф., были разработаны и внедрены в производство действующие и поныне технологии производства танталовых слитков, проката, прутков, проволоки, нескольких марок порошков конденсаторного класса, сплавы тантала с вольфрамом и ниобием. Были разработаны и внедрены в производство технологии выплавки слитков из сверхпроводящих материалов и переработки их в провода, фольгу и токонесущие элементы с применением гальванотехники.

На основе технических разработок производства Коноваловым В.Ф. была написана и защищена диссертация кандидата технических наук.

В 1970 и 1976 годах за работы по разработке и внедрению современных производств по танталу и сверхпроводникам, авторам этих работ, в составе которых был и Коновалов В.Ф., были присуждены Государственные премии СССР с выдачей соответствующих дипломов.

"Он умел заразить людей работой"

Г. и Ю. Чукины

Прежде всего, вспоминается внешний облик: рабочий халат, чепчик (маленькая хлопчатобумажная шапочка типа берета) и он быстро-быстро идет от корпуса к корпусу. Это ежеутренний обход всех цеховых отделений и участков. Цех имел большую территорию, несколько корпусов. Маленькая деталь: и рабочий халат и брюки были несколько короче, чем у других мужчин. Видимо потому, чтобы быстрее ходить (так тогда шутливо замечали женщины).

Платежку подписывал СРОЧНО! Тогда все знали бухгалтерские правила, как только начальник цеха подпишет платежную ведомость, так сразу цеховым кассирам можно будет получать аванс

или зарплату. Люди всегда с радостью получали деньги, видимо, поэтому Виталий Федорович для подписания платежки моментально отвлекался от дел, какими бы они ни были, и бежал в бухгалтерию. Интересы рабочих — прежде всего.

Исходя из интересов рабочих Виталий Федорович глубоко вникал во все, что касалось распределения или очередности. Тогда в цехе (как и везде) существовали очереди на квартиры, автомобили, ковры, холодильники, телевизоры и прочее. Помню, я на расширенном заседании цехкома вслух удивилась, зачем же так много внимания уделять разговору о коврах, ведь без них можно жить. Тогда Коновалов и мне и другим объяснил, что действительно без ковров жить можно, что сам он живет без ковров, но многим ковры очень нужны и поэтому важно не нарушать очередность. В цехе должна соблюдаться социальная справедливость.

Очень заботился о престиже цеха, во всем стремился сделать цех лучшим. Скрупулезно следил за выполнением всех показателей социалистического соревнования.

Всячески поддерживал спортивную команду цеха. Перед ответственными соревнованиями собирал спортсменов у себя в кабинете, по-деловому кратко их напутствовал. Был активным болельщиком. А когда требовалось устроить массовые соревнования, то сам в них и участвовал, и организовывал на лыжные, конькобежные или легкоатлетические старты весь цех. А это было тогда больше 1000 рабочих и больше сотни инженерно-технических работников.

В праздники тогда превращались вечера художественной самодеятельности цеха. Виталий Федорович — и организатор, и участник. Сам пел в хоре, а дальше — активный зритель. Помню, как у исполнителя вдруг отказал микрофон, как моментально сорвался со зрительского кресла Виталий Федорович и помчался за сцену. Микрофон включили, а певец даже ничего не успел заметить.

Также и на субботниках. Сам организатор, сам активный участник. Наводили порядок на улице — он с метлой или лопатой. Строили свинарник в селе Тарханка — он вместе с другими мужчинами что-то тяжелое выполнял. Умел заразить людей работой.

Выступления с трибуны Коновалова Виталия Федоровича интересно было слушать также как и Потанина Владимира Петровича. Всегда по существу, всегда четко, конкретно. Рабочие всегда внимательно и заинтересованно слушали Коновалова — своего начальника цеха. Он понятно обозначал важность момента, настраивал людей на работу, каждый понимал, как важна та операция, которую он выполняет, каждый вырастал в собственных глазах.

Недаром до сих пор все и всё сравнивают с коноваловскими временами. Говорят примерно следующее: "Коновалов бы этого не допустил" или "А у Коновалова было так!".

Специалист и руководитель

Г.Ф. Пехов

В далеком теперь 1959 году, на заводе, теперь ОАО "УМЗ", мне довелось встретиться с Виталием Федоровичем. В то время он работал в урановом производстве по получению тетрафторида в цехе 28 мастером.

Танталовое производство в тот период базировалось на древней неэффективной технологии: вскрытию танталовых концентратов сплавлением с едким натром и разделением тантала и ниобия по Мариньяку, поэтому в научно-исследовательской лаборатории развернулись интенсивные исследования по созданию современной технологии. С 1960—1961гг. развернулись исследования по сорбционному и экстракционному процессам. Был создан эффективный кислотный процесс вскрытия любых танталсодержащих концентратов, метод экстракции из растворов, далее из пульп, создан непрерывный процесс экстракции тантала из пульп, новый экстрагент, метод очистки тантала и отделения ниобия.

Эти работы, проводившиеся при поддержке Потанина В.П. и назначенного руководителем танталового цеха и далее производства тантала, Виталием Федоровичем Коноваловым, проходили непрерывные полупромышленные и промышленные испытания, разрабатываемых процессов и аппаратуры.

Виталий Федорович проявил завидную настойчивость, инициативу в создании и внедрении новой, не имевшей аналогов в Союзе и мировой практике химической технологии — извлечения тантала и ниобия. Соединения тантала удалось получать в невиданно ранее чистом виде, при невиданно высоком извлечении.

Почти в этот период с участием ученых ВНИИНМ, велись работы и осваивались металлургические процессы и оборудование по дуговой и электроннолучевой плавке и получения высокочис-

того плавленного металлического тантала.

Разработка этих гидрометаллургических и металлургических процессов фактически открыла в Коновалове огромный талант руководителя и инженера-технолога. Вокруг него стали формироваться и расти молодые специалисты инженеры-технологи, металлурги. Виталия Федоровича характеризовала настойчивость в решении сложных вопросов по технологии, обязательность, отзывчивость, честность и доступность в общении.

В 1970 г. комплексу работ по созданию новой, не имеющей аналога в Союзе и мире технологии получения тантала была присвоена Государственная премия. Одним из лауреатов этой премии заслуженно стал Виталий Федорович.

Вклад Виталия Федоровича в совершенствование производства тантала далее коснулся процессов получения проката тантала, получения проводов, порошков тантала и ряда других изделий.

Авторитет Виталия Федоровича, огромный потенциал руководителя, приобретенные на создании современного эффективного танталового производства не остался незамеченным в высшем руководстве Министерства и далее он был востребован для укрепления руководства на предприятиях в гг. Глазове, Электростали, и наконец в Министерстве.

Можно было бы привести немало примеров творческих достижений В.Ф. Коновалова за время его работы на предприятиях в гг. Глазове, Электростали, наконец в Министерстве и объединении ТВЭЛ. Но началом движения, роста В.Ф. Коновалова как руководителя и специалиста, технолога, бесспорно, была его работа, посвященная созданию современного эффективного производства тантала.

В.Ф. Коновалов является для нас примером специалиста, достигшего высшего роста, благодаря бесспорным талантам специалиста и руководителя непрерывно отдающего свой опыт, знания, которые все время пополняются и совершенствуются на благо развития атомной отрасли и когда-то ранее, нашей общей страны.

Есть, что вспомнить ветеранам.

Е.А. Якутин

С Виталием Федоровичем Коноваловым я работал с первого дня его деятельности начальником цеха до последнего дня вступления его в новую должность — директора завода.

Будучи комсомольцем, мне было поручено возрождение спорта в цехе. С приходом начальником цеха Виталия Федоровича ранее неизвестное подразделение на спортивной арене стало называться подразделением Коновалова В.Ф. И когда это подразделение на зимних и летних играх заняло впервые первое место, начали придумывать название. Так родилась "Искра". И все спортсмены громко заявили: "Из Искры возгорится пламя", которое горит до сих пор.

Сам Виталий Федорович защищал честь цеха и завода по баскетболу, в цехе играл на первой доске в шахматы, являясь кандидатом в мастера по шахматам.

Кроме спортивных дел он был первым, кому пришлось начинать реконструкцию цехов танталового производства. Вспоминается случай, когда при реконструкции старого корпуса (10) нужно было временно перейти и выполнять программу в корпусе 14, меньшим в 3 раза 10 корпуса. В корпусе 14 все перемещения растворов производились при помощи вакуума и вакуумные насосы вышли из строя. Мне, как бригадиру, в то время пришлось производить с бригадой ремонт, который затянулся до утра. Виталий Федорович не оставался в стороне, помогал советом, привозил пирожки и курево, подбадривал.

Виталий Федорович молниеносно не принимал какое-то серьезное решение, а мне всегда говорил: "Подумай лучше, если докажешь, что ты прав — я соглашусь". Мне нравилось в нем то, что он прислушивался к мнению младшего эшелона и если это имело успех, не стеснялся ставить в пример старшему эшелону. Говорил: "Вот так надо знать дело!".

В.И. Афонин,
ветеран отрасли, рабочий-аппаратчик

Я работал на заводе УМЗ с 1949 года по 1989 год и приход на завод Коновалова Виталия Федоровича помню хорошо. Особенно то время, когда он стал начальником цеха № 10, где я работал и.о. начальника смены и практически встречался с ним каждый день. Особенно первые месяцы его работы в цехе, так как для него это была новая технология. Он ее изучал, не стеснялся обращаться к старым рабочим. Он был очень общителен, с подчиненными ровен, но требователен.

Считаю, что мне очень повезло в жизни, работая под руководством такого грамотного и общительного человека.

Ф.В. Рыльский,
ветеран отрасли, рабочий-аппаратчик

Я работал под руководством Виталия Федоровича с его приходом на танталовое производство.

Первое, и считаю главное качество Виталия Федоровича – это человек слова. Если Виталий Федорович пообещал – напоминать другой раз не надо.

Второе – прост в общении, то есть можно обращаться к нему в любом месте и решить вопрос и подписать заявление, не заходя в кабинет.

Третье – справедлив.

За деловые его качества говорят занимаемые им должности.

В труде и песне вместе

В.П. Коробейников

С Виталием Федоровичем Коноваловым мне довелось работать с 1962 года до середины 70-х годов. Эти годы были периодом бурного развития танталового производства, в том числе и гидрометаллургического передела, где я работал в то время. Реконструкции следовали одна за другой. В 1962 году экстракционное разделение тантала и ниобия, а также их очистка от примесей,

осуществлялись в небольших экстракторах ящичного типа, мешалки которого приводились во вращение моторчиками от бытовых швейных машинок типа МШ-2, передаваемое от моторчика к мешалке с помощью бельевых резинок. В этом же году началось временное перемещение производства в небольшой корпус № 14, чтобы отдать под реконструкцию корпус № 10. Затем началось освоение нового производства в корпусе № 10, где на экстракции уже использовались экстрактора объёмом 2 м³ с приводом мешалок от мощных промышленных электродвигателей. Затем в 1973 году началось освоение нового производства в корпусе № 58, где экстракционное разделение и очистка от примесей тантала и ниобия осуществлялись уже не из растворов, а из пульп в экстракционных колоннах. Понятно, что все эти переходы из корпуса в корпус, освоение новых технологий и оборудования требовали громадных усилий, и в первую очередь, от руководителей цеха. Удивительно, но Виталий Федорович не стоял над душой, как говорится, у исполнителей, не докучал мелочной опекой и, казалось, даже не вникал в происходящее, но, тем не менее был всегда в курсе всего, что делалось, и вмешивался только в самых крайних случаях. Только позднее я понял, насколько это правильно. Ведь мелочная опека воспитывает в подчиненных безответственность, с них потом и спросить-то ничего не возможно. И наоборот, доверие воспитывает в подчиненных инициативу, желание взять ответственность на себя.

В 1973 году, когда началось освоение технологии в новом корпусе № 58, я работал начальником второго отделения, расположенного в корпусе № 10, производство из которого постепенно переводилось в корпус № 58. Нагрузка на отделение, которым я руководил, постепенно уменьшалась. Воспользовавшись этим, я решил проверить на освобождающемся оборудовании несколько новых технологических решений, которые невозможно было осуществить при прежней напряженной работе. Когда я пришел к Виталию Федоровичу с организационными мероприятиями на очередной месяц, в которые и заложил намечаемое мною, он посмотрел и сказал: "Не о том думаешь, Коробейников. Думай о том, как быстрее закрыть производство в этом корпусе и отдать его под очередную реконструкцию". Не прошло и недели после этого разговора, как он решил поменять местами начальников отделений. Меня поставил начальником в первое отделение на запуск нового корпуса № 58, а начальника этого отделения на мое место, добавив ему отдельный участок газоочистки и нейтрализации бросовых растворов и пульп, обслуживающий основное производство в корпусе № 58. Действительно, мне удалось не только быстро

довести производительность нового корпуса до тех масштабов, которые позволяли приостановить полностью производство в старом корпусе, но и испытать и внедрить все то, что думал я сделать в старом корпусе.

При всей своей громадной занятости Виталий Федорович находил время и на организацию дел и далеких от производства. Помню, к очередному юбилею советской власти всегда цехи готовили художественную самодеятельность. Коновалов В. Ф. и в этих вопросах считал, что мы должны быть первыми, доказывая это своим примером. Весь инженерный корпус он сам привел в Центральный дом культуры для участия в хоре. Когда в хор идет такой авторитетный начальник цеха и лично участвует со всеми своими заместителями, ни у кого и мысли не возникало увильнуть от этого мероприятия.

Постепенно нам это даже не стало казаться обузой. Не случайно, в смотре-конкурсе художественной самодеятельности при таком подходе начальника цеха мы заняли первое место. Мы просто иначе не могли.

Воспоминания

В.П. Косенко,
заместитель исполнительного директора

В начале 1963 года после вывода меня из цеха 3 бериллиевого производства в один из дней февраля на промплощадке меня встретил, без предварительной договорённости, незнакомый мне товарищ, который представился — начальник цеха 10 Коновалов Виталий Фёдорович.

Меня поразило то, что он уже знал мою биографию и всё о моей четырёхмесячной работе после окончания института на заводе и сразу предложил мне в своём цехе должность инженера по рационализации изобретательству и технике безопасности.

В апреле 1963 года Виталий Фёдорович вызвал меня к себе в кабинет и в присутствии Мурина Ю.И. — начальника ПТО предложил должность мастера прокатного участка. На мою реплику, что я в прокатном производстве ничего не понимаю, оба заявили,

что они лучше знают мои возможности. При таком заявлении отказываться от новой должности было просто неразумно. Так я стал прокатчиком.

Последующие годы совместной работы с Виталием Фёдоровичем это были годы испытаний на прочность как всех инженеров цеха 10, так и самого Виталия Фёдоровича. Но всегда поражала его работоспособность и умение отдавать себя полностью производству.

Эти испытания были связаны с бурным развитием электронной техники и естественно необходимы были новые виды продукции и новые качественные показатели, а также увеличение объёмов производства не согласованное с возможностями завода.

Благодаря Виталию Фёдоровичу в цехе 10 был воспитан прекрасный коллектив инженерно — технических работников. Создание сплочённого коллектива инженеров позволило в короткие сроки справиться со всеми заданиями министерства и правительства СССР по созданию уникального танталового производства, единственного в СССР, имеющего полный цикл от рудного сырья до готовой продукции, предназначенной для производства изделий электронной техники.

При непосредственном участии Виталия Фёдоровича были запущены практически все производства, существующие на настоящее время.

Особенно большую поддержку от Виталия Фёдоровича я получал при запуске и освоении новых видов продукции: переход на прокате от штабиков на танталовые слитки, танталовая проволока, производство оболочек топливных элементов из сплава TaW-10 для "лунохода", "марсохода", "биостимулятора сердца", сверхпроводящих материалов.

Виталий Фёдорович очень много внимания уделял созданию нормальных бытовых условий своих сотрудников. В октябре 1969 года в моей семье родились два сына, в то время мы с супругой и дочерью жили в двухкомнатной квартире. После рождения сыновей я, естественно, написал заявление на расширение жилплощади. Завод развивался, принимали многих специалистов, но даже в этих сложных условиях Виталий Фёдорович сумел убедить руководство завода и завком профсоюза и через два месяца я получил новую четырёхкомнатную квартиру. В 1973 году сдавался новый девятиэтажный дом по улице Крылова. Все квартиры были распределены. В ноябре Виталий Фёдорович вызвал меня к себе в кабинет и предложил написать заявление на получение пятикомнатной квартиры, что я и сделал. В декабре я был направлен в длительную командировку по производственной необходимости. Я посетил предприятия в Москве, Ленинграде, Харькове,

Орджоникидзе. Командировка была связана с развитием производства танталовой и сверхпроводящей продукции и, естественно я вёз с собой много чертежей. Общий вес моего багажа был более сорока килограмм. Самолёт прилетал 30 декабря поздно вечером и, с трудом добравшись до своей четырёхкомнатной квартиры, я был удивлён, когда из-за двери своей квартиры услышал мужской голос. Двери мне не открыли, но женщина из-за двери мне сказала, что моя семья переехала на улицу Крылова, 108. Где я и живу по настоящее время. Из разъяснений супруги я узнал, что всё организовал Виталий Фёдорович, когда узнал, что один из претендентов на пятикомнатную квартиру проштрафился и был лишён очереди на квартиру. Виталий Фёдорович также организовал переезд моей семьи.

Помимо производственной, общественной, спортивной деятельности Виталий Фёдорович увлекался и до настоящего времени увлекается охотой и рыбалкой, но что примечательно, он всегда заботится, в первую очередь, о сохранении природы. Я с Виталием Фёдоровичем бывал неоднократно на охоте. Примечательно то, что Виталий Фёдорович умеет организовать отдых коллектива и сам, даже когда он был в должности Министра среднего машиностроения, всегда на равных участвовал в работах, которые обязательно есть при отдыхе на "дикой природе". Виталий Фёдорович прекрасно готовит на "дикой природе" и, как правило, берёт на себя эту ответственную миссию.

Уже запомнил, в каком году это было, но в памяти до сих пор остались все пережитки нашей поездки на Кулундинские озёра. Виталий Фёдорович узнал, что на Кулундинских озёрах, которые находятся в Алтайском крае, скопилось большое количество перелётных гусей. На трёх машинах команда – Виталий Фёдорович с Пахомовым Я.Д., я с Проневичем В.Б., Авербух Ю.Е. (ныне покойный) с Кастенецким В.П..

В районе Новичихе нам пришлось, практически "на руках" переправлять машины через песчаную полосу шириной 700–800 метров. По пути около одного из озёр в сосновом бору команда набрала три ведра грибов– шампиньонов. Вечером остановились у одного из красивейших озёр. Все очень устали после переезда через пески. Мы с Проневичем В.Б. начали устанавливать шатёр, Виталий Фёдорович с Пахомовым Я.Д. начали готовить ужин. Авербух Ю.Е. с Костенецким В.П. предлагали ничего не делать, переспать в машинах, поужинать сухими продуктами. Виталий Фёдорович очень спокойно подошёл к машине выставил три ведра шампиньонов и предложил Авербуху Ю.Е. через час принести ему почищенные грибы. Вопрос был исчерпан. Вечером, сидя за рос-

кошным обеденным столом, все были очень довольны. Мы, работники 10 цеха, я, Проневич, Авербух, были ещё молодые и невнимательные и совсем упустили из виду, что Виталию Фёдоровичу в этот день исполнилось 40 лет, о чём нам не преминул напомнить Пахомов Я.Д. На следующий день, бродя по бору, Виталий Фёдорович принёс грибы, необычайно красивые и крупные. Пахомов Я.Д. определил, что это белые грибы. Так наша команда стала заядлыми грибниками. После этого мы ещё два дня ездили по Алтайскому краю. Гусей мы, конечно, не нашли, но общение с Виталием Фёдоровичем и Пахомовым Я.Д. до сих пор живёт в моей памяти.

Простой и деликатный человек

А.М. Силкин,
ветеран завода

Мои воспоминания о Коновалове В.Ф. связаны, прежде всего, с совместной работой на Ульбинском металлургическом заводе и его отношением к науке в целом, работникам Центральной научно-исследовательской лаборатории, где я проработал более 20 лет. Как руководитель химической лаборатории ЦНИЛ, я видел внимание Коновалова В.Ф. к разработкам, которые проводились в исследовательских группах. Это было важно, когда танталовое производство, руководством которым в 1962 году было доверено Виталию Фёдоровичу, переживало период своего бурного развития и становления как крупномасштабного производства с выпуском большой номенклатуры танталовой и сверхпроводящей продукции. Именно в этот период осуществлен переход от выпуска фтортанталата калия и порошка на выпуск слитков тантала (1964 г.), а затем, в 1969 г., был построен большой корпус, оснащён требуемым оборудованием и создано прокатно-волочильное производство для выпуска ленты и фольги из тантала и сверхпроводящих материалов. Как руководитель наукоемкого производства, продукция которого использовалась в то время только для специальных целей в электронной и электротехнической промышленности, особенно в конденсаторостроении, Виталий Фёдорович понимал, что без привлечения заводской науки и головных научно – исследовательских институтов невозможно создать и поставить на

производство такие образцы танталовой продукции и сверхпроводящих материалов, которые бы удовлетворяли жестким требованиям потребителей. Для решения научно-технических проблем танталового производства, наряду с ЦНИЛ предприятия были привлечены такие институты, как ВНИИНМ, ВНИИХТ, ХФТИ, ГИРЕДМЕТ, КОЛФАН, проектные институты. Минсредмашем были выделены необходимые средства на развитие танталового производства с учетом разработок ЦНИЛ, научно-исследовательских и проектных разработок. Прямое участие и организация работ Коноваловым В.Ф. позволили провести полную реконструкцию танталового производства на основе последних достижений науки и техники, построить новые корпуса для химической переработки сырья, металлургии и металлообработки тантала.

Большое внимание Виталий Федорович уделял повышению технического и научного уровня ИТР цеха, заставляя многих ведущих специалистов учиться в аспирантуре и защищать кандидатские диссертации по проблемам танталового производства. При этом сам был примером, став в 1975 году кандидатом технических наук.

В период создания крупномасштабного производства тантала проявились высокие профессиональные и организаторские способности Виталия Федоровича, которые были оценены руководством Минсредмаша, начальником 3-го Главного управления в лице Потанина В.П. — бывшего директора нашего завода, направив его сначала директором Чепецкого механического завода, затем директором Электростальского завода, начальником 3-го Главного управления Минсредмаша и, наконец, министром.

По служебным обязанностям мне часто приходилось встречаться с Виталием Федоровичем, да и сейчас мы встречаемся, когда он приезжает в Усть-Каменогорск. Занимая высокую должность в Минатоме России, Коновалов В.Ф., остается для нас простым и деликатным человеком.

"Рыбацкая" история

В.Б. Проневич,
заместитель начальника цеха,
начальник отделения сверхпроводящих материалов

Ровно 30 лет назад в связи с переносом открытия охоты в ВКО на конец сентября, Коновалов Виталий Федорович предложил поехать на открытие в Алтайский край. В компанию был приглашен и зам. директора НИИ-9 Ярослав Дмитриевич Пахомов.

С самого начала поездки руководство "экспедицией" Виталий Федорович взял на себя. Ехали через г. Рубцовск и, чтобы не делать крюк в 150км он предложил проехать через лес напрямую и выехать к лесничеству, откуда шла дорога на озеро. Предложение было принято и колонна из 3-х автомобилей ("Волга", "Москвич" и "Жигули") двинулась по проселочной дороге. Километров через 5 мы подъехали к песчаной долине шириной 1–1,5км. Пытались пробиться с ходу, но попытка успеха не принесла. Откопав "Волгу" приняли решение: 1 человек за рулем, пятеро толкают машину (всего нас было 6 человек). С некоторыми остановками для выкапывания зарывавшейся в песок "Волги" препятствие было преодолено. Таким же способом перегнали и остальные машины. Устали мы настолько, что не было сил открыть канистру с водой, чтобы напиться и умыться. Мы готовы были спать в машине сидя, но Виталий Федорович в полуприказном порядке (все же начальник цеха) заставил нас ехать дальше, найти подходящую полянку и встать лагерем по всем правилам. Пока мы устанавливали большую палатку, готовили машины, трясли от песка вещи, Виталий Федорович начал организовывать ужин (дело было к вечеру). Я с удивлением узнал, что готовит он по всем правилам — холодные закуски, борщ, жареная картошка, чай. Все последующие дни заведовал кухней и готовил пищу только Виталий Федорович. Мы все исполняли роль подсобников.

На следующий день приехали на озеро и остановились лагерем на берегу. Берег оказался настолько топким, что до открытой воды мы так и не добрались. За ужином Виталий Федорович собрал у всех стаканы, достал какую-то хитрую бутылку и налил всем по чуть-чуть. Это было 14 сентября и Виталий Федорович решил отметить свое 40-летие, угостив нас коньяком "Наполеон". Мы дружно

поздравили его, пожелав здоровья и всяческих благ в жизни.

Охота оказалась неудачной и через 2 дня мы решили возвращаться домой. Остановившись на ночевку у очередного озера, мы стали готовить лагерь. Уже смеркалось и Ярослав Дмитриевич Пахомов, взяв корзинку, пошел посмотреть грибы. Вернулся он в глубоких сумерках с ярко горящими глазами, гордо вытряхнул грибы из корзинки и сказал: — "Смотрите, что я нашел". Мы с удивлением смотрели на серые среднего размера грибы, не понимая восторг Пахомова. "Да это же настоящий гриб-боровик!" — воскликнул он, "Такое количество грибов в Подмоскowie я не набираю за целый сезон". Пахомову едва удалось удержать нас, бросившихся на поиск грибов ночью.

Следующий день мы посвятили сбору белых грибов. Домой привезли по 4—5 ведер каждый. Так началась компания сбора белых грибов для работников цеха 10, да пожалуй и всего "УМЗ".

Виталий Федорович был не лишен и чувства юмора. Однажды мы на двух машинах поехали в Алтайский край на реку Чарыш, один из притоков Катуня, половить хариуса и тайменя. Расположились табором на живописном мысе. Наутро мы отправились на рыбалку. Клева почти не было и к обеду мы вернулись на стан. Рыбачить остался механик цеха Аркадий Николаевич Сугаков, мужчина в возрасте, со строгим выражением лица. В это время к нам подъехал УАЗ-469 с местными жителями и они объяснили нам, что мы приехали в межсезонье и рыба сейчас клюет очень плохо. УАЗ уехал, подошедший через час—полтора Сугаков поинтересовался, что за люди и зачем они к нам подъезжали. Коновалов нам подмигнул и объяснил Сугакову, что это были люди из Алтайского крайкома партии и приехали посмотреть, свободен ли мыс, на котором любил останавливаться на отдых секретарь крайкома. Эти ребята объяснили нам, что он прибудет через 1—2 дня и мы должны освободить ему место. Сугаков сказал, что это место очень понравилось и ему и он не прочь провести здесь неделю, позагорать и покупаться, можно попросить секретаря крайкома позволить нам пожить на этом месте несколько дней.

С серьезным видом Коновалов сказал Сугакову, что наверное так и выйдет, так как он объяснил приезжим, что с нами отдыхает второй секретарь Восточно-Казахстанского обкома партии, и он был бы рад встретиться со своим соседом. Приезжие якобы тут же связались со своим шефом, который также был бы рад познакомиться. Сугаков поинтересовался, где же он видел второго секретаря, на что Коновалов ему ответил, что за секретаря он выдал Аркадия Николаевича.

Сугаков страшно разволновался и заявил, что в делах обкома он ничего не смыслит, на что Коновалов ответил, что пусть Аркадий Николаевич не беспокоится, так как второй секретарь ведаёт промышленными вопросами, а Сугаков знает "УМЗ", СЦК, ТМК, ВКМЗ, слышал о Лениногорском и Зырянском комбинатах.

Вечером мы долго сидели у костра, а Аркадий Николаевич сидел в машине и все пытался поймать по приемнику местные последние известия.

Наутро Сугаков вдруг заявил, что это место ему не нравится, рыба здесь не клюет, в речке дно каменистое, нет рядом родника с холодной питьевой водой. Коновалов же заявил, что сбегать просто неприлично и нужно дожидаться хозяев. Сугаков поморщился и ушел рыбачить. В его отсутствие к лагерю подъехал на лошади чабан, поздоровался и уехал. Вернувшись Сугаков спросил, зачем подъезжал к нам человек на лошади и Коновалов объяснил, что через этого человека секретарь крайкома передал нам привет и извинился, что дела не позволяют ему встретиться с нами сейчас, но он надеется увидеться в скором будущем.

Аркадий Николаевич повеселел, выключил приемник и отправился загорать и купаться. Только через два года я признался Сугакову, как его разыграл Виталий Федорович.

"На посошок"

А.Е. Гофман,
начальник цеха, заместитель директора УМЗ

Март 1975 года. Владимир Петрович Потанин, недавно назначенный начальником 3-го Главного Управления, проводит политику ротации директорского корпуса заводов Главка. На пост директоров предприятий в г.Глазове и г.Новосибирске в управлении кадров Минсредмаша проходят утверждение рекомендуемые им на эти должности – В.Ф. Коновалов и Э.Н. Свешников. Ведомство Семендяева положительно оценивает данные кандидатуры. Но это еще далеко не все. Существующий в стране Советов порядок требовал обязательного утверждения руководителей такого уровня в ЦК КПСС. Называлась эта процедура – собеседование. Такое милое название (почти "чаепитие") по замыслу авторов из ЦК должно

было действовать на приглашаемую сторону успокаивающе. На практике же кандидаты в начальники, естественно, волновались и даже очень.

Мы с Юрием Ивановичем Муриным в это время были в командировке в Главке и стали невольными свидетелями, как волновались Коновалов и Свешников, ожидая вызова в ЦК. Весь день слонялись они по кабинетам, чтобы как-то в общении с их хозяевами снять нервное напряжение, которое все нарастало пропорционально течению времени.

Закончив свои дела, я и Юрий Иванович, чем могли, отвлекали их от предстоящих испытаний. Мы также были крайне заинтересованы в скорейшем решении данного вопроса, так как по действующим обычаям состоявшееся назначение обычно подвергается дружескому ужину под названием "обмывание", а рабочий день (это была пятница) уже заканчивался.

В ЦК все не приглашали. Но мы продолжали, с упорством достойным другого применения, ждать. Уже в восьмом часу вечера объявили, что собеседование переносится на понедельник. То есть получалось так, что я и Муринов автоматически исключались из участников компании по "обмыванию" новых директоров, так как нам надо было в субботу лететь домой в Усть-Каменогорск. И мы вслух высказали свое недовольство действиями ЦК по этому вопросу.

Но кандидаты в руководители, сами достаточно много пережившие за этот день и принимая во внимание нашу уверенность в том, что все для них закончится благополучно, и назначение состоится, согласились досрочно отметить это событие в ресторане "Центральный".

В тот период наше правительство в очередной раз боролось с пьянством и возможность купить бутылку хорошего напитка было не просто. Магазинов, торгующих спиртным, осталось немного и время их работы было весьма ограничено. В нашем случае это был один магазин на "Каширке", который по условиям "борьбы" с алкоголизмом открывался только в одиннадцать часов утра. К открытию там скапливалась огромная очередь различного по интеллекту и одеянию люда.

В своем желании выпить "на посошок" нас ограничивало время вылета из Москвы, поэтому Виталий вынужден был идти к открытию магазина. Поход был удачным, но Коновалов, с присутствующим ему чувством юмора, прокомментировал его буквально так: "Если бы Сербин (зав. сектором оборонных министерств ЦК, утверждающий результаты собеседований) увидел в какой компании жаждущих я стоял в очереди, то, ни на какое назначение мне рассчитывать нечего, хотя бы не лишили того, что имею". Мы его

успокоили тем, что соседи по очереди не знают Сербина, а мы ему об этом не расскажем.

Как теперь известно, все подтвердилось — назначения состоялись и в этот раз, и в последующие, на более высокие должности, тоже.

Виталий Федорович Коновалов и Э.Н.Свешников блестяще подтвердили на практике свою инженерную и руководящую компетентность, возглавляя огромные трудовые коллективы.

Я полагаю, что и факт обязательного выполнения процедуры досрочного обмывания (о чем должны знать и другие) этому тоже способствовал.

Под партийным контролем

С.Н. Мордвинова,
инженер-химик, заместитель секретаря парткома УМЗ

Виталий Федорович Коновалов, безусловно, одна из ярких личностей в более чем полувековой истории Ульбинского металлургического завода, многогранный, неординарный человек и руководитель, он и сегодня дорог тем, кто с ним работал и просто даже общался в неформальной обстановке.

В те строгие режимные времена цеха называли не по номерам, а по фамилии их начальника, благо начальники менялись не очень часто. Цех Коновалова был самым многочисленным, здесь трудились около тысячи рабочих и ИТР, и начальник танталового производства был бессменным членом парткома завода. Партийное внимание к делам и людям производства было, что называется, всеохватывающим и личная жизнь также была под партийным контролем. Особенно морально-нравственная сторона.

В цехе Виталия Федоровича работал молодой талантливый специалист, холостой. Но как-то так у него получилось, что его поклонницы то-ли уязвленные его вниманием к другой, то-ли еще по каким-то причинам, обратились с жалобой в партком. И завертелось колесо. А молодой специалист был и молодым коммунистом, нетрудно представить какие бы последовали оргвыводы после персонального дела. Виталий Федорович, как истинный шахматист, быстро просчитал ситуацию и, видимо, дал Анатолию добрый совет, а заодно и приставил к нему наставника — энергетика цеха Внукова

Серафима Петровича, человека опытного в житейских делах, коммуникабельного и веселого. Каково же было изумление членов парткома, когда перед началом рассмотрения персонального дела, Анатолий и его наставник Внуков С.П., вошли в зал в черных костюмах, белых рубашках, и с белыми бутоньерками в петлицах, а в руках свидетельство о браке. Анатолий был спасен, Виталий Федорович рад, а семья эта здравствует уже почти тридцать пять лет! Впоследствии Анатолий стал заместителем директора одного из заводов Минсредмаша.

В.П.Потанин и Виталий Федорович были неравнодушны к новой технике, особенно к той, которая бы позволяла выпускать продукцию и высокой технологической готовности и высокого качества. Увидев на выставке в Сокольниках в 1967 году 20-ти валковый прокатный стан производства Японии, оба загорелись желанием приобрести его для получения танталовой ленты и фольги. Стан был приобретен и доставлен на завод. И, вдруг, среди ИТР шепотом (я работала в ЦЗЛ в исследовательской группе) разносится молва, что для монтажа стана будут приглашены самые настоящие японцы! Это к нам-то, на режимное предприятие! Что тут началось! Всем инженерно-техническим работникам цеха Коновалова было предписано быть в белых рубашках и галстуках, "не выражаться" (а вдруг они знают русский язык), быть вежливыми и корректными. Солдаты, охранявшие завод, были переодеты в форму военизированной охраны, как-будто это обычное предприятие, ну скажем Минцветмета. А мы, работники ЦЗЛ, получили вместо белых синие халаты, чтобы японцы не догадались какая огромная аналитическая служба на заводе, а думали, что это хозяйцех. Виталий Федорович целыми днями (быть может, и ночами) был при японцах с переводчиком. Наконец, монтаж стана окончен, японцы наносят визит вежливости домой к "мистеру Коноваловф" и.... Очень удивляются скромности его апартаментов. Такой великий инженер, а живет в двухкомнатной квартире с женой и дочкой. Владимир Петрович Потанин это моментально уловил, и вскоре семья Виталия Федоровича переселилась в прекрасную трехкомнатную квартиру, и мы стали соседями. Сколько раз Виталий Федорович "воевал" за своих работников и у директора, и в парткоме, и в жилбыткомиссии, чтобы улучшить им жилищные условия, но о себе никогда и не заикался. Скромнейший человек!

Многие женщины, не говоря о мужчинах, восхищались женой Виталия Федоровича Неллой Викторовной. Это действительно удивительная женщина — умница, тактичная, интеллигентная, с восхитительной точеной, как у японской статуэтки, фигуркой, огромными глазами и роскошными волосами. Долгое время Нелла

Викторовна, инженер производственно-технического отдела, имела общественную нагрузку, была секретарем ПДПС (постоянно действующего производственного совещания) и когда она проходила к столу президиума для записи выступлений, то все глаза были устремлены на эту миниатюрную, казалось неземную, женщину. Коноваловы были одной из красивейших пар завода!

Дела молодежные

В.А. Ломов,
секретарь к/о цеха №10,
главный механик танталового производства

С особой теплотой вспоминается отношение Виталия Федоровича к молодежи в годы его работы начальником цеха 10 на "УМЗ". Молодежи в возрасте до 30 лет в цехе было более 200 человек, что составляло свыше 20% от общей численности. Несмотря на большую занятость — цех в конце 60-х в начале 70-х годов бурно развивался, строились новые корпуса, отрабатывались новые технологии и направления — он всегда находил время для посещения молодежных мероприятий, будь то собрания, культурно-спортивные мероприятия.

Спортивная команда цеха "Искра" — неоднократный чемпион заводских спартакиад тех лет, была его гордостью, а присутствие на стадионе, в спортзалах его самого, заместителей и других ИТР цеха, было как бы обязательными обязанностями к их должностным.

Постоянно интересовался, как обстоят дела с жилищно-бытовыми условиями, учебой в ШРМ, техникумах, ВУЗах, работой, повышением квалификации.

Большинство работников он знал не только в лицо, но и по фамилиям и именам.

Во время перетарификации в 1974 году руководство мехслужбы цеха необоснованно предложило снизить квалификационный разряд одному молодому слесарю-ремонтнику, который к этому времени зарекомендовал себя как неплохой специалист, был занесен на Доску Почета цеха. Возмущению Виталия Федоровича, в адрес руководителей мехслужбы, за такой безалаберный подход к решению данного вопроса не было предела. Все это непроизвольно подталкивало молодежь к серьезному отношению как к производственным

делам, так и к участию в общественной жизни коллектива цеха и завода в целом.

Таким и до сих пор, помнят его еще многие работники и ветераны бывшего цеха 10, ныне танталового производства ОАО "УМЗ".

Руководитель

Л.Н. Демир,
главный приборист танталового производства

Под руководством Коновалова Виталия Федоровича мне повезло работать 12 лет в цехе 10: мастером КИП и А, старшим мастером КИП и А, прибористом цеха. Навсегда запомнилась первая встреча, когда по направлению отдела кадров я пришел на собеседование с руководством цеха. На проходную вошли двое мужчин. Один в годах, а другой молодой спортивного вида. Это были Коновалов В.Ф и Внуков С.П. Оказалось, что молодой и есть начальник цеха, а пожилой секретарь партийной организации цеха. То, что знакомиться с новым работником пришел сам начальник цеха вместе с секретарем партийной организации, показало мне, что подбор кадров в цех идет серьезный и руководству цеха не безразлично кто будет возглавлять определенный участок работы и коллектив этого участка. Виталий Федорович не скрывал, что цех находится в начале организации, положение с выполнением плана тяжелое, осваивается много нового оборудования, новые технологии, у рабочих не хватает навыков и поэтому ждать легкой жизни не придется. Я сказал, что это меня не пугает и постараюсь сделать все, что умею и могу. Распросили о семейном положении, как устроился с жильем, нашла ли жена работу. Затем дали согласие на зачисление меня в цех 10. Приказом от 28.06.62 г. я был назначен мастером КИП и А цеха 10, где мне предстояло проработать 36 лет. На первой же оперативке Виталий Федорович представил меня ИТР цеха. Служба только организовалась и поэтому первое время было действительно нелегко. Не хватало опыта, была низка квалификация слесарей КИП и А, для оснащения новых участков не хватало приборов и средств автоматизации. На помощь со стороны надеяться было нечего. Тогда Виталием Федоровичем перед ИТР была поставлена задача об организации учебы в службах и сменах по повышению

знаний рабочих, а мастерам детальное изучение технологических процессов цеха. Там, где казалось нет выхода, шли к Виталию Федоровичу и вопрос решался. Так, например, работники службы не имели никаких льгот, тогда как остальные работники вспомогательных служб имели эти льготы. Вызвано это было тем, что в "ПЕРЕЧНЕ" по льготам профессия слесаря КИП и А отсутствовала. Люди работали в одинаковых условиях, а получали по разному. Я обратился за помощью к Виталию Федоровичу. Казалось бы, не до этого ему было в то время. Туго с планом, неурядицы с оборудованием, недовольство руководства завода положением дел в цехе, но он понял, что за этим вопросом стоят люди с их нуждами и интересами. По его настоянию, для определения условий труда на рабочих местах слесарей КИП и А, был подключен отдел ТБ завода, инженер по ТБ цеха, промсанврачи. В результате работники службы КИП и А стали получать льготы наравне с остальными работниками цеха. Такая забота естественно находила положительный отклик у трудящихся, спланивала коллектив цеха.

Настойчивость и целеустремленность, твердость в отстаивании своего мнения были проявлены им при решении вопроса о замене оборудования в металлургическом отделении. Изначально в проекте была допущена грубая ошибка в выборе аппаратов спекания штабиков. Во первых, была запроектирована слабая вакуумная система и при отгазовке штабиков она не справлялась с отсосом газов. Во вторых, сами аппараты спекания ЦЭП – 302 были разработаны для спекания ниобиевых штабиков, при нагрузке 2500 А, а для спекания танталовых штабиков требовалась нагрузка 5000 А. И таких аппаратов было 2/3. Горели зажимы, не справлялась система охлаждения аппарата и в результате оборудование постоянно выходило из строя. На этом же участке были смонтированы 10 аппаратов "Суздальцева", которые хорошо себя зарекомендовали в работе. Но их было всего 1/3. План же был рассчитан на все аппараты и 10 аппаратами его физически невозможно было выполнить. Как всегда бывает в невыполнении плана обвиняли Коновалова В.Ф. и руководство цеха. Было заслушано большое количество незаслуженных упреков, угроз о служебных выводах. Однако руководство было твердо убеждено в том, что без реконструкции этого участка ситуацию изменить не удастся. И только благодаря настойчивости Виталия Федоровича, помощи партийной организации цеха, удалось убедить руководство завода в необходимости реконструкции. Механическим цехом срочно были изготовлены еще 10 аппаратов "Суздальцева" поставлены более производительные насосы ВН-6г. Это дало возможность цеху стабильно выполнять план и к декабрю 1962 г покрыть задолженность по

выпуску продукции за предыдущие месяцы. Это повысило авторитет как цеха, так и его начальника. Цех стремительно развивался. Строились и вводились в строй новые корпуса, внедрялась новая технология, оборудование. Руководством завода ставились все новые задачи по выпуску различных видов продукции, и коллектив цеха успешно эти задачи решал благодаря целенаправленному и умелому руководству Виталия Федоровича. Росло мастерство рабочих, мастеров. Результатом всей работы явилось присвоение цеху почетного звания "Коллектива коммунистического труда" в 1973 г.

Спросят о том, неужели не было "разборок полетов". Были, конечно. Не ошибается тот, кто не работает. Но при любых разборах ошибок, проступков Виталий Федорович никогда не позволял себе унижать человеческое достоинство провинившегося, поэтому даже тот кого наказывали никогда не таил обиды на него, а старался как можно быстрее исправить свою ошибку или промах.

За разработку и внедрение новых технологий, выпуск новой продукции Виталию Федоровичу в числе других работников завода присуждается Государственная премия, он успешно защищает кандидатскую диссертацию. Стало ясно, что Виталий Федорович перерос должность начальника цеха и предстоит скорая разлука с ним. Так оно и случилось: в 1975 г. он был назначен директором завода в г. Глазове. На прощальном вечере было высказано много добрых слов в его адрес, пожеланий успешной работы на новом месте, здоровья и счастья в личной жизни. Но чувствовалось, как не хочется расставаться с таким человеком. Звучали и опасения, как сложится судьба цеха при новом руководстве. Худшие опасения оправдались. За последующие 20 лет сменилось 13 руководителей цеха, а впоследствии завода. Одни приходили с намерением работать, но не получалось, другие видели в должности очередную ступеньку в карьере и вели себя как временщики. Чехарда в руководстве, а в дальнейшем и неуверенность в будущем привели к оттоку кадров, уходу многих грамотных ИТР. Особенно страшные дни для завода ТиСП наступили, когда к руководству прорвалась шайка авантюристов в лице фирмы "Финконкорд". Было закрыто уникальнейшее производство сверхпроводников, разграблены материальные запасы. Завод был доведен до банкротства. Перестала выдаваться зарплата, рабочие были вынуждены объявлять голодовки.

В редких встречах с Виталием Федоровичем, во время его командировок в Усть-Каменогорск, при разговоре было видно, что беды завода для него не безразличны, он переживал их, как свою беду.

Я благодарен судьбе за то, что в самом начале моей трудовой деятельности она свела меня с руководителем, как говорят от бога, человеком с большой буквы.

Воспоминания ветеранов танталового производства

Б.В. Кулик

Я пришел на завод электриком 5 разряда в шестой цех в 1962 году.

Когда пришла электронно-лучевая печь и Виталий Федорович Коновалов дал задание подобрать специалистов-военных, знакомых с электроникой. Ну и меня вычислили и силком привели в 10-й цех. А почему не соглашался: выслугу лет в 6 цехе платили через 2 года, а в 10-м цехе — через 3 года. И я лишился выслуги лет. И меня, и Виталия Семеновича Комарова, электрика 7 разряда послали в Подольск, на завод твердых сплавов нашего Министерства для ознакомления с электронно-лучевой печью. В то время ее уже там немцы смонтировали и взяли пробную плавку.

Но когда мы приехали, то возле этой печи стояли вооруженные женщины с карабинами и нас даже не подпустили к ней. И мы ни одной плавки не видели. Нам просто показали несколько плавков на печах советского производства. Но дело в том, что мне даже обидно, что наша печь отличалась от немецкой — как бочка с дымом от паровоза. Мы там пробыли еще 2 недели. Приехали домой и начали знакомиться с печью. Привезли инструкции на немецком языке. Мы раскладывали электрические схемы на полу, один говорил — какой контакт, другой бежал и нажимал кнопку. Так мучились мы долго. И все-таки методом "тыка" запустили ее.

В начале плавил медь, у нас получилось. Потом плавил сталь, получилось. Плавки вел все я. Затем стали пробовать на тантале. Когда температура в ванне-кристаллизаторе повышалась свыше 3000 градусов, вакуум падал, и все было на месте. Удалось нам провести плавку, и затем этот слиток пробный отвозили в Подольск на испытания, после этого стали задумываться, как переделать кристаллизатор. Кристаллизатор мы сделали хороший, даже с электромагнитным перемешиванием в ванной и стали плавить кристаллизаторы диаметром 100. Кристаллизатор представлялся на ВДНХ, как первый, который был сделан вообще, с электрическим перемешиванием, это наше детище.

Стали работать помаленьку. Плавилы штабики, иногда что-то взрывалось, потому что в то время никто не знал, что происходит в печи, когда в нее попадает вода. Когда мы это усекли, от чего это получается, стали думать, что делать. Здесь нам повезло. Титано-магниевоый комбинат закупил японское оборудование с холодильными установками, закупили 5 штук вакуумных установок. Виталий Федорович принимал во всем непосредственное участие и помогал. Потом Коновалов В.Ф. вызывает меня и

говорит: — Переходи в аппаратчики. Тогда назывались не аппаратчики, а плавильщики электронно-лучевой печи. Коновалов В.Ф. говорил: — Я тебя перевожу плавильщиком электронно-лучевой печи по 6 разряду. Я тогда уже в совершенстве знал всю механическую часть и электронную. Работали мы хорошо. Тогда была всего одна смена. Затем организовали четыре смены и как раз перед этим, меня вызывает Коновалов В.Ф. и говорит: — Готовься, будешь сдавать на 7 разряд. А я говорю: еще не прошло и половины года. Раньше закон такой был, меньше чем через год нельзя было сдавать. — Это не твое дело. Готовься!

Оказывается, приехала комиссия из Москвы, из Министерства среднего машиностроения и я должен был объяснить, как работает электронно-лучевая печь на экзамене. Экзамен сдал, мне присвоили 7 разряд. Прошло 2 месяца. Виталий Федорович говорит: — Переходи в начальники смены! Я согласился. Стал мастером смены с окладом 150 рублей. И когда я получил первую получку, у меня оказалась ниже пятого. Я собираю квитки, прихожу к Виталию Федоровичу и говорю: — Переведите меня обратно. Зачем я буду получать меньше пятого разряда или мне опять что ли сдавать?

Тогда он меня, правда, обругал и сказал: — Когда надо будет, я сам тебя выгоню. А сейчас иди и работай. И уже к вечеру висит приказ — Кулику назначить 170 рублей оклад. А с "накрутками" получалось как по 7 разряду и так я стал работать. И работал я в этой должности до 1978 года. А потом меня пригласили в шестой цех.

Потом, вскоре подошла вторая печь, третья, четвертая, пятая я принимал во всех участие, потому что это на мне висело, дергали очень часто, бывало нас вызывали на участок и мы там "торчали" по двое, трое, четверо суток, спали на кране, кормили нас спецпитанием. Отработал я здесь ровно 14 лет и все по сменам.

А с Коноваловым В.Ф. было такое дело, что он говорил: — Будете столько получать, сколько заработаете!

Здорово работали. Лучшие мои годы были.

На завод я пришел в 1955 году, а ушел с завода в 1998 году.

Вся моя жизнь прошла на этом прекрасном заводе. О чем я не жалею. Самые лучшие, творческие, молодые годы, все, что я знал, что умел, отдал производству и людям.

Начал я работать аппаратчиком 1-го цеха. Днем делали хозяйственные работы, а ночью учились, учили технологию, изучали оборудование, а затем соответственно сдавали экзамены. А. Марочнов был начальником цеха и до 1957 года я проработал в 1-м цехе, а потом после армии меня послали в 10-й цех. Я сильно возмутился, конечно, как же так я работал, у меня осталась там бригада, ушел и потом я ушел с большим разрядом, у меня был шестой разряд, по тем временам разряд великий. А потом, когда пришел к Ивану Захаровичу Гусаренко, начальнику ОК он говорит: — Иди в 10-й цех и никаких разговоров.

Танталовое производство только начинало раскручиваться. Проработал я в химии недолго

и был назначен аппаратчиком в металлургическое отделение для плавки штабиков. И вот я здесь вплотную столкнулся по работе с талантливым Виталием Федоровичем Коноваловым. Это — чудный человек. Когда он был начальником цеха, те вопросы, которые нужно решать сейчас, в часы приема с ним можно было решить на улице. Заявление в отпуск, помощь или еще что-то. Он прочитал. — Нагнись! И прямо тут же и расписался на спине. А потом продолжал: — Иди, отдыхай!

И еще, когда мы начинали выпускать штабики, производство уже было отлажено. И перваяковка... Стоял молот РБ — 412 и мы начинали ковать. Так вот, сейчас заставьте кого-то из мастеров замазать пальчики, никто на это не пойдет. Виталий Федорович приходил, снимал пиджак, надевал робу, одевал "верхонки", чепчик, вставал к молоту и ковал. Это — начальник цеха.

А однажды, прихожу в цех — сломался молот. Виталий Федорович сидят с механиком и разбираются. Виталий Федорович весь в солидоле, масле. Он чисто по-мужски поматерился, что я задержался. И говорит: — Давай, помогай! И мы меняли вместе компрессионные кольца. Это — настоящий человек. Дай Бог ему здоровья! Пусть он еще сто лет живет.

На завод я пришел в 60-м году, после армии. В 10-й цех, аппаратчиком 3 разряда. Химия у нас была, цех делал план в месяц 120 кг порошка. Жили на пусках, не выходя из цеха. Ездили в Подольск, смотрели, как там спекают

Коновалов В.Ф. пришел к нам в августе 1962 года, до этого мастером был Анатолий Алексеевич Ярков, технологом был Я.Г. Ганенко. И такого тандема, я никогда не видел. Коновалов и Ганенко понимали друг друга со взгляда, с полуслова. Были случаи, когда тот подписывает и этот подписывает молчком. А потом Коновалов и говорит: — Давай разберемся. У нас кто-нибудь останется в цехе работать или нет? Понимали друг друга прекрасно. Под их руководством нам легко было работать. Было построено все грамотно, обращение с людьми внимательное.

Вскоре, по состоянию здоровья вывели меня. Нормировщиком работал восемь лет. Потом опять в аппаратчики пошел. И так до пенсии. И отношение к работе у нас было какое-то яркое. Идешь на работу — дух приподнятый. Работали по три, четыре смены. Сама обстановка была совсем другая, к счастью. Был энтузиазм, цель. Мы работу любили. Здесь заложен наш камень в этот фундамент и пусть все это растет.

ОАО "Чепецкий механический завод"

(г. Глазов)

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 9 декабря 1946 года и приказом начальника ПГУ от 19 декабря 1946 года патронный завод № 544 Министерства вооружений СССР передается в систему ПГУ для организации на его базе крупномасштабного производства металлического урана.

С марта 1975 года по апрель 1979 года директором Чепецкого механического завода работал В.Ф. Коновалов.

В эти годы осуществлялась поставка циркониевой продукции для финской АЭС "Ловииса". Выполнялся заказ на продукцию для мощной АЭС с реактором ВВЭР-1000.

Проводилась работа по программе создания испарительных и пароперегревательных каналов реакторов РБМК-1500 и РБМК-2400, а также были изготовлены каналы для Игналинской АЭС.

Шла модернизация циркониевого прокатного производства труб, листов, проволоки. Особое внимание уделялось автоматизации производства.

Много средств и усилий направлялось на решение многочисленных социальных задач завода и г. Глазова.

ВОСПОМИНАНИЯ

Волков Александр Александрович,
Президент Удмуртской Республики

Я узнал Виталия Федоровича Коновалова задолго до того, как познакомился с ним лично.

В 1975 году, работая главным инженером участка СУ-2 Управления строительства Чепецкого механического завода, я сразу заметил, как быстро новый директор навел порядок на предприятии.

Не прошло мимо моего внимания и внимания заводчан, что Виталий Федорович, возвращаясь из очередной командировки, ехал с вокзала не домой отдыхать, а на завод. А то, что он постоянно следил за возведением жилья для работников ЧМЗ и еженедельно бывал на строительных площадках, для меня как для строителя было самым убедительным свидетельством того, что на завод пришел настоящий хозяин.

А наше личное знакомство началось, когда Виталий Федорович был уже министром самого авторитетного для нас работавших на ЧМЗ Министерства среднего машиностроения.

Сегодня я могу оценить, насколько это по-государственному мыслящий и порядочный человек, как много он сделал для развития, а затем и сохранения нашего государства.

С благодарностью вспоминаю его помощь во время моих частых визитов в Министерство Российской Федерации по атомной энергии, в ОАО "ТВЭЛ" для решения вопросов, от которых зависели развитие Чепецкого механического завода, нормальная жизнедеятельность города Глазова и бюджет Республики.

Многим памятны совместные Коллегии Минатома России и Правительства Удмуртской Республики на Чепецком механическом заводе в 1994 и 1996 годах, в подготовке и проведении которых Виталий Федорович принял самое деятельное участие.

Результатами этих Коллегий стали программы совместных действий Минатома и Правительства Удмуртии по преодолению финансово-экономического кризиса, развитию предприятий отрасли. Реализация этих программ позволила исправить положение

на предприятиях, стабилизировать их финансово-экономическое состояние, заложила основу для дальнейшего развития.

Во многом благодаря Виталию Федоровичу между ОАО "ТВЭЛ" и руководством Республики сложились добрые, деловые и взаимовыгодные отношения, которые, надеюсь, сохранятся и в дальнейшем.

Ю.С. Питкевич,
Председатель Правительства Удмуртской Республики

Среди имен видных организаторов производства, золотой строкой вошедших в летопись Удмуртской Республики, достойное место занимает имя Виталия Федоровича Коновалова. Могу утверждать это потому, что на личном опыте, во время совместной работы на Чепецком механическом заводе, неоднократно убеждался в его высоких способностях руководителя. Для меня, в ту пору молодого мастера цеха, а затем и начальника участка это были незабываемые годы.

Сейчас мы оцениваем это время, как период настоящего расцвета производства, строительного бума. Даже только по одному перечню объектов, построенных в 1975—1978 годах, можно судить не только о темпах развития производства, но и роли предприятия в социальном преобразении города. Старинный провинциальный Глазов обрел облик, соответствующий народному определению города как "северной жемчужины Удмуртии". При этом были сохранены исторические архитектурные традиции, они органично дополнены современными разработками по градостроительству. Школа, аптека, стоматологическая поликлиника, детский клуб и детские сады, молодежное кафе, жилье — эти объекты возводились на благо человека-труженика. Значительное развитие получила коммунальная инфраструктура города.

Мощная производственная база была создана в подсобном хозяйстве совхозе "Октябрьский". Современным оборудованием был оснащен отдел рабочего снабжения.

Признателен судьбе, что она свела меня с Виталием Федоровичем, у которого все мы учились быстрому и качественному выполнению задач, подчиненных перспективе развития производства и города, улучшению условий труда и жизни рабочего человека. В Глазове помнят его как человека простого, с открытой людям душой, отличного семьянина и надежного товарища, неременного участника общественных мероприятий. Несмотря

на высокую должность и большую загруженность, он старался общаться с людьми не в кабинетах, а в цехах и на стройплощадках. Его авторитет был не только в должности, а именно в этих нравственных качествах характера.

Высокий профессионализм и ответственность в сочетании с природным талантом руководителя, поддержка инициативы и стимулирование роста молодых кадров – вот суть практической школы Виталия Федоровича, которую мне посчастливилось пройти. Знания, полученные в ней, стали не только фундаментом, но и содержанием моей дальнейшей работы.

В.Ю. Перешенин,

Глава Администрации города Глазова

Жизнь города Глазова тесно связана с деятельностью главного городского предприятия – ОАО "Чепецкий механический завод". Всё, что происходит на заводе, как в капле воды отражается на жизни в городе.

Каждый директор ЧМЗ – это своя эпоха в жизни Глазова. Коновалов Виталий Фёдорович возглавлял завод с 1975 по 1978 годы. Когда Виталий Фёдорович приехал в город Глазов, он стал активно заниматься благоустройством городских территорий и жилого посёлка Чепецкого механического завода. Первое, что он сделал, – взял под свою опеку пионерский лагерь, сам жилой посёлок, детские дошкольные учреждения и совхоз "Октябрьский".

Внимательно изучив и разобравшись в структуре содержания эксплуатации данных объектов, он определил конкретные направления работы. В то время степень благоустройства жилого фонда и многих дворовых площадок, построенных в 50–60-е годы, уже не отвечали современным требованиям. Это касалось буквально всего: уличного освещения, хоккейных коробок, малых архитектурных форм.

Виталий Фёдорович был человеком дела. Он сам выезжал на место предстоящих работ и приглашал с собой всех необходимых в данном случае городских и заводских специалистов. Непосредственно на месте рассматривалось, что необходимо сделать для улучшения ситуации, и только после этого принимались окончательные решения. Чувствовалась "рука хозяина". Порядок наводился во всём, даже в таких элементарных вещах как урны, дворовые площадки, песочницы, деревья, состояние заборов, покраска фасадов. В каждом доме появился свой домком, который непосредственно отвечал за порядок не только в подъездах, но и на улице

рядом с домом. Всё находилось под его строгим контролем. Благодаря такому подходу к работе, за достаточно короткое время удалось приводить в порядок целые городские кварталы.

Когда программа-минимум шла к завершению, была определена новая задача — благоустройство города. Стали активно заниматься обустройством городского парка клумбами и цветочным хозяйством.

Виталий Фёдорович принял решение о необходимости озеленения проспекта Карла Маркса. Первоначально там предполагалось высадить саженцы деревьев двух—трёхлетнего возраста, но тогда бы пришлось очень долго ждать, пока бульвар превратится в настоящую зелёную зону отдыха. За очень короткие сроки был разработан новый эффективный способ пересадки взрослых деревьев. Благодаря поддержке Виталия Фёдоровича, который одобрил идею и выделил необходимый транспорт, на территории города было пересажено 176 крупномерных деревьев. Рабочие цехов выходили на субботники, выкапывали липы вместе с корнями, землёй и перевозили их. Об этом феномене писалось в центральной прессе. Приезжали делегации из других городов и перенимали глазовский опыт. Таким образом, за короткое время частично был озеленён проспект Карла Маркса и, на сегодня, это одно из самых красивых мест в городе.

В то время на территории города был район, условно называемый районом "К", который состоял из одно— и двухэтажных домов. Располагался он в старой части города, между улицами Кирова, Мира, Советская и Пряженникова. Виталий Фёдорович дал команду разработать проект реконструкции этого микрорайона, снести ветхие дома и построить здесь современный микрорайон, что впоследствии и было сделано.

На сегодняшний день — это прекрасный благоустроенный микрорайон, в котором расположены современные жилые дома, объекты соцкультбыта, столовая № 12, магазины, аптека на улице Республиканской, телеателье и многое другое. Глазов, благодаря этим постройкам, буквально преобразился.

Виталий Фёдорович стал основателем штабов по благоустройству города. При нём усилилась роль ЖЭКов, домовых комитетов, руководителей предприятий и учреждений города. Главная роль, конечно, принадлежала заводу. За цехами ЧМЗ были закреплены определённые территории города, на которых регулярно проводились субботники. Помимо этого, цеха предприятия организовывали шефство над школами и детскими дошкольными учреждениями.

Следующим этапом деятельности Виталия Фёдоровича стало развитие детских дошкольных учреждений. В то время была очень напряжённая ситуация с детскими яслями и садами. Были

бесконечные очереди, слёзы мам. Вопрос стоял очень злободневный. Коновалов принимает решение: начать активное строительство детских комбинатов. Проекты детских садов были самые современные, многие из них включали в себя бассейны. Они гармонично вписывались в архитектуру как нового, так и старого районов. Помимо строительства новых детских садов, параллельно ремонтировались старые здания.

За короткое время Виталий Фёдорович коренным образом изменил отношение к торговле. В то время уже во многих крупных городах была система самообслуживания, а мы ещё работали по старинке: прилавки, весы и т. д. Именно с его подачи в городе был реорганизован Отдел рабочего снабжения (ОРС) Чепецкого механического завода. По улице Пряженникова определили базу, построили административное здание, складские помещения, внедрили контейнерный метод доставки продуктов в магазины. Многие магазины перешли на самообслуживание, привели в соответствующий вид здания, они стали отвечать всем санитарным и противопожарным требованиям. Появились холодильники, прилавки и, соответственно, сразу улучшилось качество обслуживания населения. Сейчас всё это для нас необходимые атрибуты, а тогда это было достаточно ново.

Не совсем была отлажена система снабжения города продуктами питания. Тогда Виталий Фёдорович принял решение: на базе совхоза "Октябрьский" объединить близлежащие низкорентабельные хозяйства. Сразу после объединения город наладил техническое оснащение совхоза, особое внимание было уделено механизации сельскохозяйственных работ. Каждый цех Чепецкого механического завода был ответственен за тот или иной объект, вводимый на территории совхоза "Октябрьский". Для многих горожан то время памятно загородными выездами на поля для уборки картофеля. Тогда же удалось построить котельную, жильё, плотины, реконструировать несколько ферм.

Что касается здравоохранения, то при Коновалове практически построили самую большую городскую больницу, так называемую "Семиэтажку". Она вводилась в эксплуатацию уже не при Виталии Фёдоровиче, но база заложена была именно им.

Особое внимание Коновалов уделял наведению общественного порядка в городе. При нём в Глазове были образованы народные дружины. Именно тогда в городе появились опорные пункты, которые были закреплены за определёнными цехами. Были назначены и руководители этих пунктов. Всё это, конечно, сыграло определённую роль в наведении порядка в нашем городе. Виталий Фёдорович лично выходил на дежурство, проверял и

контролировал, как работают его подчинённые. Своим личным примером он доказывал необходимость проводимой работы.

Если оценить в целом роль В. Ф. Коновалова в жизни Глазова, то наверное сказав, что он сделал немало, я не скажу ничего. Многие новшества, которые внедрил Виталий Фёдорович, можно назвать революционными. В лице Коновалова Глазов получил грамотного, умного и энергичного директора завода. За время его работы было сделано очень много.

Экономические проблемы

Н.И. Шевелева

Я проработала на ЧМЗ 40 лет, из них в должности главного бухгалтера завода 23 года.

Работала при директорах предприятия: Архангельском С.Н., Коновалове В.Ф., Рождественском В.Н.

Работая с Коноваловым В.Ф., первые месяцы приходилось тяжело. Я не могла понять, что он хочет, получив какие-то данные. В один из дней по моей просьбе у нас состоялся разговор.

Прежде чем спрашивать или требовать от работников предприятия, я старалась сама разобраться с проблемами экономики, хозяйственной деятельностью предприятия и в отношениях завода с другими предприятиями.

Работая с Коноваловым В.Ф., я поняла, что он человек грамотный, умный, проводит на заводе новое строительство, как на предприятии, так и в городе. В частности, строительство жилого фонда, например, нового микрорайона.

Он требовал внедрения новых производств, усовершенствования технологии, улучшения качества продукции. Мне то же самое хотелось сделать и в экономике, и в хозяйственной деятельности предприятия. Проблемы, требующие решения не затягивались, а решались совместно с другими отделами и службами завода.

Неплохо были поставлены отношения с экономической службой (плановый отдел). Бухгалтерия, кроме всего прочего обеспечивала плановый отдел отчётными данными по затратам на производство (по цеху, службе...). Совместно с плановым отделом

занимались внутризаводским хозяйственным расчётом, привлекая другие службы (качество продукции и другие технические показатели). Много внимания уделялось внутризаводскому хозрасчёту. И всё это выполнялось вычислительной техникой (ИВУ). Работы по учёту, хозрасчёту и другой информации для бухгалтерии проводились по согласованным графикам между ИВУ и главной бухгалтерией.

Отчётность по заводу составлялась месячная, квартальная, как правило к 15–17 числу. Годовой отчёт представлялся в Москву к 25 января. Объём отчёта был не меньше.

В годовом отчёте всегда анализировались основные факты деятельности завода, которую мы проводили совместно с начальником планового отдела Барановым В.В.

Заводу в течение трёх лет присваивались классные места по Министерству.

Помощь селу

А.П. Котов

В 1975 году приехал Виталий Федорович Коновалов к нам в г. Глазов в качестве директора одного из крупнейших и уникальных градообразующих предприятий Минатома.

Директору завода предстояло заниматься не только производством, но и уделять большое внимание социальной сфере. Надо было обеспечить людям достойную жизнь.

В состав завода входили ОРС, МСЧ-41, детские учреждения, спортивный комплекс, Дворец культуры, клуб "Родник", Дом пионеров, совхоз "Октябрьский". Завод обеспечивал город теплом и водой.

Директор также возглавлял Совет директоров города. Все важные вопросы жизни города решались с его участием.

К руководителям всех рангов производства предъявляется неписаное требование: руководитель должен знать всё ни о чём, а исполнитель – всё об одном. Но Виталий Фёдорович думал по-своему: "Директор завода должен знать всё обо всём". Поэтому, приняв дела, он надолго ушёл в производство. Свой кабинет посещал только для решения неотложных вопросов.

Совместно с начальниками цехов, специалистами завода или самостоятельно он находился в цехах, день и ночь изучал технологию, знакомился с людьми.

Войдя в курс всех дел на заводе, убедившись, что все цеха работают в нормальном режиме, директор завода принял неожиданное для всех, очень важное решение по оказанию технической помощи сельскому хозяйству Глазовского, Юкаменского и Ярского районов.

Начальникам всех цехов было приказано совместно с председателями колхозов и директорами совхозов составить совместные планы работ, без увеличения численности цехового персонала, и предоставить их ему на утверждение.

За сравнительно короткое время был выполнен огромный объём работ, позволивший облегчить труд тружеников села и увеличить производство продукции сельского хозяйства.

Я хочу сказать несколько добрых слов о его жене — Нелле Викторовне. Это она создавала уют и "погоду" в доме и возможность Виталию Фёдоровичу отдавать всего себя делу, которому он посвятил свою жизнь.

Она была образованным и культурным специалистом. Работала в техническом отделе завода. Её отношение к работе и товарищам никогда не давало и намёка на то, что она жена директора завода.

Кадры решают все

И.Л. Вороник

Я 17 лет проработала на ЧМЗ начальником отдела труда и заработной платы (ООТиЗ) и по своей работе непосредственно была подчинена директору завода.

С Виталием Фёдоровичем я проработала около 4-х лет. Мне импонировали в нём энергичность, принципиальность, честность, открытость и огромное трудолюбие. Он часто бывал в цехах завода, разговаривал с рабочими, мастерами, технологами. Виталий Фёдорович ввёл диспетчерские совещания в цехах завода и сам их проводил. На диспетчерских присутствовали все главные специалисты завода, оперативно обсуждались наболевшие вопросы работы цехов, ставились задачи на ближайшее будущее.

Виталий Фёдорович поддерживал работу ООТиЗ по внедрению научной организации труда и управления производством в цехах завода. По итогам 1977 года коллектив завода награждён премией ВЦСПС за внедрение НОТ и УП. 48 работников предприятия награждены нагрудными знаками ВЦСПС за активную работу по организации труда.

Неоднократно предприятие занимало классные места в соревновании по Министерству. В соревнованиях участвовали все подразделения завода. Личные планы по росту производительности труда имели 90 % рабочих, работающих по нормированным заданиям.

Виталий Фёдорович поддерживал ООТиЗ по вопросам тарификации и оплаты труда работников предприятия. В результате несогласных в этих вопросах было очень мало.

Виталий Фёдорович очень гордился и радовался, когда в городе сдавались новые жилые здания и объекты соцкультбыта. Вносил в эстетический облик зданий и нового района свои задумки. Был такой интересный факт, когда сдали в новом районе столовую № 5 и детский сад, он спросил меня и главного бухгалтера завода, видели ли мы эти здания. Мы, конечно, из-за занятости на работе и дома их не видели. Тогда он выделил нам машину, и мы съездили на эти объекты. Конечно, были в восторге. А теперь я живу в благоустроенном квартале в этом районе.

Дни качества

В.А. Преснякова

В 1975 году директором ЧМЗ стал Виталий Фёдорович Коновалов. В то время я работала начальником ОТК предприятия. Коллектив ОТК тогда был большим, насчитывал около пятисот человек, занимался контролем технологических процессов и приёмкой готовой продукции.

Вскоре после того как Виталий Фёдорович приступил к своим обязанностям, он нашёл время ознакомиться с работой каждого подразделения ОТК, посмотреть как оборудованы рабочие места контролёров, поговорить с ними, выслушать их претензии, пожелания. Помню, как посадил он меня в свою служебную машину, и мы объехали буквально все цеха, все ВТК. Он внимательно

изучил все проблемы, задачи, которые стояли перед службой технического контроля, а после их тщательного анализа последовали конкретные предложения по улучшению работы ОТК.

Так, ежемесячно стали проводиться "Дни качества". Был составлен график их проведения в каждом цехе, на котором начальник ОТК докладывал о состоянии качества продукции. На совещание приглашались все главные специалисты, технический персонал цеха, и главное — почти всегда присутствовал сам Виталий Фёдорович. Для ОТК, да и для всех присутствующих специалистов "День качества" был настоящим экзаменом, а где-то даже и праздником. К нему тщательно готовились, потому что любому из присутствующих мог быть адресован любой вопрос по качеству продукции, и было стыдно не суметь на него ответить, оказаться некомпетентным в каком-то вопросе. Одним словом, Виталий Фёдорович заставлял "шевелить мозгами", а с нерадивыми работниками разбирался строго и по существу.

От того, как проводились "Дни качества", диспетчерские совещания мы, работники ОТК, получали большое удовлетворение. Чувствовалось, что качество продукции всегда было под контролем директора. И в своей повседневной работе он никогда не забывал ОТК, постоянно интересовался нашей работой, обстановкой дел с технологической дисциплиной, выполнением намеченных мероприятий.

Всем нам очень нравилось, как Виталий Фёдорович проводил приём по личным вопросам. Он всегда тщательно разбирался с проблемой, с которой к нему обращались, и был справедлив в принятии решения. Не взирая на личности "сажал" на место тех, кто пытался исказить истинное положение дел. Так, всем хорошо запомнилось, как он защитил молодого человека (сироту, сына умершей работницы ОТК), который в результате бездушия чиновников мог остаться без жилья.

Одним словом, воспоминания о годах работы с Виталием Фёдоровичем, человеком честным, справедливым, остались самые добрые.

Машиностроительный завод

(г. Электросталь)

Завод основан в 1917 году по производству патронов и гранат — "снаряжательный" завод. В 1946 году здесь было запущено урановое производство.

В.Ф. Коновалов в качестве директора работал на МСЗ с 1979 г. по 1986 г.

Сегодня предприятие выпускает ядерное топливо для энергетических, транспортных и исследовательских реакторов. Кроме основной продукции завод производит металлический кальций, твердосплавный инструмент, магниты.

Большое внимание уделяется социальной политике завода, культурно-бытовому строительству. Все это ориентировано не только на поддержку работников завода, но и на развитие инфраструктуры подмосковного города Электросталь.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Ф.Г. Решетников,
академик РАН

В 1979 г. директором Электростальского завода был назначен В.Ф. Коновалов. Может быть, это в какой-то степени условно, но я бы сказал, что он относится ко второй мировой волне высшего директорского корпуса нашего министерства, являясь представителем новой плеяды директоров, воспитанных и возвращенных на наших предприятиях. Я с ним познакомился и начал сотрудничать более 30 лет тому назад, когда он возглавлял на Усть-Каменогорском заводе производство тантала. Приказом первого заместителя министра А.И. Чурина я был назначен научным руководителем танталовой проблемы. У нас установились хорошие деловые отношения. Они существенно укрепились и расширились, когда в 1976 г. В.Ф. Коновалов был назначен директором Глазовского завода, а в 1979 г. — Электростальского — ведущего завода страны по твэльно-топливному направлению. В это время я уже работал первым заместителем директора института и научным руководителем по топливу, твэлам, а затем цирконию. Так что база для контактов и широкого сотрудничества была весьма серьезная и обширная.

Как мне представляется, на Электростальском заводе В.Ф. Коновалов в полной мере смог реализовать свои знания и организаторские способности, приобретенные за многие предыдущие годы. И он много привнес своего в стиль руководства заводом. Реформаторские начинания нового директора дали о себе знать довольно быстро. Это наиболее наглядно проявилось в организации работы по созданию собственными силами автоматизированной линии по производству твэлов для реакторов РБМК. Чтобы начать столь серьезную работу, надо очень хорошо знать состояние производства и правильно оценить возможности имеющихся заводских специалистов.

Для реализации задуманного, то есть создания автоматизированной линии производства твэлов для РБМК, В.Ф. Коновалов сформировал рабочий коллектив, в который были включены лучшие специалисты завода. К этой работе подключились и сотрудники нашего института. И в короткий срок эта линия была сооружена и введена в эксплуатацию. В 1985 г. эта работа была удостоена

Государственной премии СССР. В числе отмеченных был и автор этих строк. Но удивительно и до сих пор для меня остается загадкой, почему организатор и руководитель этой работы В.Ф. Коновалов не пожелал войти в состав коллектива награжденных.

У В.Ф. Коновалова, я бы сказал, несколько суховатый характер, однако это не затрудняет общение с ним. Как-то в Академии наук я разговорился с замечательным ученым и столь же замечательным человеком академиком А.И. Целиковым, с которым у меня были очень хорошие отношения. Когда зашел разговор о различных установках, разработанных и изготовленных в его институте, я заметил, что некоторые из них успешно используются и на наших заводах, в том числе и в Электростали. Я понял, что он не против бы посетить этот завод. Об этом я сказал В.Ф. Коновалову, и он, не задумываясь, в июне 1984 г. пригласил А.И. Целикова на завод. Александр Иванович был очень доволен увиденным. Живо интересовался многими вопросами как машиностроительного профиля, так и относящимися к производству твэлов и ТВС. К сожалению, в это время состояние здоровья А.И. Целикова было уже сильно подорвано, и в октябре того же года он скончался.

С В.Ф. Коноваловым случалось мне встречаться и в неформальной обстановке. Он вместе с замечательной супругой, Неллой Викторовной, был на моем 60-летию. Несколько позже мы встретились в Крыму в санатории "Горный". Вместе мы совершили немало увлекательных и порой нелегких туристических поездок и походов. В них он смог продемонстрировать свое недюжинное мастерство повара.

Пытались мы играть в шахматы. Но он быстро отложил "пустое попеченье". Ему, кандидату в мастера, некогда игроку сборной команды Казахстана по шахматам, играть с первоклашкой равносильно деквалификации.

В 1986 г. В.Ф. Коновалов сделал следующий шаг по своей служебной лестнице — он был назначен начальником 3-го Главного управления Министерства.

КОНОВАЛОВ И ДРУГИЕ

Это было в Электростали

Б.А. Фаин

Сначала об одном из "других" — В.Н. Турусине, хотя сказать о нем, что таких много в числе элемашевских рабочих, будет и не совсем правдиво. Конечно, это передовой рабочий в истинном смысле слова. Конечно, из тех, о ком часто на стыке 70–80-х годов (как раз на завод пришел Коновалов) любили писать газеты как о носителях технического прогресса, новаторах, людях творческих. Порой преувеличенные слова затеняли сущность таких, а ведь на самом деле это рабочая аристократия, ею надо дорожить во все времена. Они не могут быть "другими" ни при каком директоре. И все же уместно рассказать о нем как раз в период коноваловского директорства, когда технический прогресс на заводе обретал новый облик, "технические" струнки в людях были востребованы высокой инженерной нотой. То, что новый директор прежде всего технарь, признавали все, ставили на первое место в нем. В числе "других", с которыми предстояло работать Виталию Федоровичу Коновалову, был и он — В.Н. Турусин, оставаясь самим собой, работавший, как всегда — в предыдущие и последующие годы, и сейчас так же... Коновалов и работал с доставшимся кадровым капиталом завода — другого не было...

Мы встретились на пути в завком, угадали друг друга, познакомились, он протянул вдруг белый конверт со словами:

- Это вам от Глаголева.А.А.,
- Что тут?
- Понятия не имею.

Потом мы ненадолго расстались, и я успел прочитать: "Уважаемый такой-то... К Вам обращается начальник цеха, где работает В.Н. Турусин. Я знаю Валеру 33 года по совместной работе. Это человек, в котором счастливо сочетаются золотые руки, светлая голова и высокий интеллектуальный уровень. Я нисколько не сомневаюсь, что Вы и сами в этом убедитесь. Не знаю, пригодится ли Вам объективная характеристика Турусина, на всякий случай я ее посылаю".

Оказывается, это была оборотная страница, а на другой — "объективка", которую я начал читать...

Но тут вошел Турусин.

Россия в ее электростальском варианте заставляет думать и думать. Не только о сиюминутном. Что идет в распыл и что остается? Где они, границы выносливости, в чем?

Прощаясь в Валерием Николаевичем, вспомнил вдруг одного интеллектуала, заявившего с непреклонностью, что вопросы профессионализма для человека должны быть исчерпаны по крайней мере к 30 годам. Сказал об этом Турусину, которому в год прихода Коновалова на завод, было уже больше.

Он ответил так:

— У меня другое: век живи — век учись. Он ушел, а я остался читать характеристику на него, присланную Глаголевым на всякий случай... чтоб убедиться...

Убедился.

По случаю заводского юбилея В.Ф. Коновалов (с другой должности и другой временной высоты) дал интервью:

"Самое светлое воспоминание о времени работы на МСЗ, — сказал директор "Элемаша" в 79–86-х годах, — связано у меня с тем, что удалось создать на заводе творческую обстановку: мастера, начальники отделений, участков, цехов стали думать не только о выполнении плана, но решительно повернулись лицом к новой технике и передовой технологии, к широкому внедрению микропроцессорной техники, ПЭВМ, к экономическому анализу".

Постараемся последовательно проследить сказанное. Сначала о плане. Вспоминает один из заводчан: "Сидит в кабинете Виталий Федорович день, второй, третий и удивляется: почему не идут начальники цехов? После догадался: отучены были!" — слова звучат правдиво, но не мстительно к прежнему директору, строившему управление предприятием на несколько иных принципах: централизованные совещания в комнате № 13, оперативное руководство — у главных специалистов, объезды территории...

Коновалов начал проводить оперативки в цехах, стал выслушивать самые административные низы, и мнение начальника цеха единственным, тем более исчерпывающим уже не являлось и не было господствующим.

Напротив: ссылки на поставщиков, на внешние разные обстоятельства, препятствующие выполнению заданий, бывало, отступали перед собственными замедлениями, промахами, нестыковками. ПОЧЕМУ? — этот коноваловский вопрос был совершенно конкретен к мастеру, начальнику участка, а то и... к бригадиру.

Не сразу это заметили, но постепенно схлынуло напряжение последней декады месяца, накопление процентов по плану стало более равномерным, больше появлялось задела. Только не надо думать, что при Коновалове все это разом кончилось, начисто исчезло и никогда не возвращалось. Важно другое: нарастала тенденция ритма производства. Ритмичности! Человек любого завода скажет, что этому цены нет.

Вспоминает один из цеховых технологов: "Ты его ведешь по цеху, знакомишь и видишь: понимает. И не просто понимает, а у него сразу предложение зреет, как механизировать, где автоматизацию поставить. Все помнил, а когда уходил с завода, сказал мне: "Мы все-таки с вами не во всем нашли общий язык, кое-что так и не сделали..."

Пожалуй, уж эти свидетельства раскрывают почерк Коновалова-директора.

Что поначалу цепляло, даже обижало заводских? Любил ссылаться на свой прежний опыт: "А вот у нас в Усть-Каменогорске... А вот в Глазове..." Но, пожалуй, тут играло поначалу роль словосочетание "у нас", относящееся не к Затишью, а к другим, — это электростальским душам было невтерпеж слушать... Мол, мы кто ему — троюродные?! И лишь немногим приходило на ум, что новый директор еще не оторвался душой и мозгом от прежних атомных заводов, что присох и там, и там, ибо привык вкалывать. Такой же трудоголик, как и Каллистов, как Золотуха... Только время, эпоха диктовали новые привязанности в работе, диктовали приоритеты.

Перед нами выбор: либо удерживаться в рамках хронологии, либо взглянуть на проблему целиком, для чего придется и назад вернуться, и вперед забежать. Крупные технические проблемы, как и рабочие судьбы людей, не очень-то покорно укладываются в ложе календаря, не поддаются гладкописи, ворочаются по-своему.

Вот что писал главный инженер Егоров:

"Переход к серийному производству обнажил недостатки и недоработки проектов организации производств, непригодность технологических процессов к серийному производству, нестабильность в качестве изготовления, а следовательно, и эксплуатационных характеристик твэлов, недостаточную информацию об эксплуатации твэлов и степени их отказов, высокую трудоемкость изготовления. Таким образом, созрела необходимость как в технических, так и организационных мерах по исправлению создавшегося положения".

И по сей день работающие и уже не работающие заводчане, вдруг вспыхивая и возгораясь, увлеченно перебирают обстоятельства тех событий — и каждый раз выходит, что уровни технических

решений, технологических приемов, способы контроля могут быть сопоставлены с любыми зарубежными аналогами, а в некоторых аспектах техники, не говоря уже об охране труда, превосходили их. Правда, стоимость новой техники, особенно первых образцов, несравненно выше разрозненных установок. Но это и побуждало к экономическому анализу.

Профессионализм не только поднимался, но и ширился:

шли работы по механизации и частичной автоматизации сборочного производства, эти операции коснулись таких участков, которые прежде считались технически неподдающимися. Егоров отмечал, что "инженерные службы, коллективы цехов 39, 52, 51, 2, а также 62, 31, 69 и другие провели серьезную работу по механизации и частичной автоматизации как серийной продукции, так и продукции, выпускаемой малыми сериями".

Как видим, "коноваловские страницы" истории "Элемаша" ведут завод в гору. Что у Коновалова было за спиной?

В пятьдесят шестом, после окончания Политехнического института в Свердловске, направлен в Усть-Каменогорск на Ульбинский металлургический завод. Мастер. Старший мастер. Начальник отделения. Начальник цеха. Карьерный человек? Допустим. Но об этом говорят, когда такой — на вершинах, скомкав начала с их потом, бдениями, поисками и отдачей... Защита кандидатской диссертации. Государственные премии за разработку и освоение производства тантала и сверхпроводящих материалов. С 1975 года — директор Глазовского завода. И если теперь понятно, откуда шло "у нас там-то и там-то", то нелишне взглянуть и на первую страницу нашей повести: заводы, где работал Коновалов, с еще некоторыми вкупе образуют акционерное общество с загадочным названием "ТВЭЛ" или близки к нему.

Как сказал один большой начальник, посетивший завод, большую атомную энергетику вручную не поднять... Сама идея автоматической линии заключалась в том, что весь процесс изготовления твэлов расчленяется на простые операции, на каждой ставится свой автомат. Модуль! Фрагменты линии: зачистка посадочного места, запрессовка заглушки, сварка шва... Все это и многое другое еще до Коновалова будоражило умы, как бы нащупывалось в лаборатории автоматики и механизации цеха КИП, где начальствовал Б.Л.Александровский и работал Ю.В.Чуканцев.

Чуканцев вспоминал:

— Видимо, Коновалову кто-то рассказал о наших попытках автоматизировать сборку твэла. Он пришел к нам чуть ли не на второй день. Все выслушал. Потом спросил: "Почему этим занимается КИП, а не конструкторы?" Отвечаем: "Так сложилось,

Виталий Федорович". Он промолчал. И мы тогда едва ли догадывались, чем все обернется и какой примет масштаб в самое близкое время.

Обо всех событиях конца 70-х — начала 80-х Чуканцев помнит четко и объясняет:

— Как мне не помнить, если при Коновалове все мои замыслы осуществились... Какие? А вот возьмем нашу линию. Проблема ввода фиксатора — я предложил засовывать его, не царапает... Групповая опрессовка — тоже наша идея... С нагнетанием гелия перед сваркой... В мире ничего подобного не было! А немцы на своих ВВЭРовских линиях у нас шли долгим путем — громоздили, громоздили. Их линии на цеховых этажах — метров по триста. А у нас, извините, тридцать... Наши конструкторы и технологи схватывали суть дела!

Замечено: терминология, малодоступная непосвященному, с разночтениями, всевозможными оттенками и акцентами излагается и профессионалами, ими же уточняется и потому, чтобы приблизиться к объективности, возьмем цеховой альбом.

Вот данные: "Из истории цеха № 46 (1969—1987) 65 листов, 109 фотографий. Хранить постоянно".

Не упуская даты, сначала прочтем введение, написанное красивыми, с завитушками, буквами, как бы отражающими самые возвышенные чувства:

"Наступило время описания увлекательной истории создания и организации в очень короткие сроки одной из крупнейших в мире атомной промышленности Советского Союза, — промышленности, которая по своей культуре, высокой точности исполнения, использованию новых материалов и оборудования, бесчисленного множества точнейших приборов превзошла все то, что было сделано ранее".

Такой вот стиль... И он напрашивается не зря. Хотя будничная жизнь завода трудна, беспокойна и на вид как бы обыденна. Решая рабочие вопросы, часто незаурядные, пионерные, люди не думают о красоте, значимости своего труда: другие напряжения, иные мысли владеют ими. И только когда садятся заводские историографы за описание работ и дел, осмысливают происходившее, тогда и возникает пафос. Тот, который никогда не родится при заурядности, серой ограниченности исполнителей какой-нибудь вполне примитивной, бездумной работы.

Пропуская в альбоме цеха неизбежные общие слова, подойдем к абзацам, приближающим к интересующей нас проблеме:

"...после нескольких попыток был создан промышленный агрегат струйного травления, избавивший работающих на этом участке женщин от вредной работы с кислотой. В то же время начинают закладываться основы АСУТП. Это и формирование паспорта

годной продукции, и попытка перевести на машину решение задач по учету хода производства".

"Были созданы предпосылки перехода от отдельных технологически совершенных агрегатов к ПОТОЧНОЙ ЛИНИИ изготовления твэлов. Для межоперационной транспортировки понадобился универсальный механизм – ТРАНСПОРТНЫЙ МОДУЛЬ. Он был создан службой главного прибориста Б. Александровского. Оригинальная конструкция позволила сократить и производственные площади более чем в два раза по сравнению с ручной сборкой. Причем линия была насыщена автоматическими средствами контроля, повысилась надежность разбраковки..."

Далее рассказывается, что концепция разработки линии привела к необходимости комплексных исследований, в том числе РЕАКТОРНЫХ ИСПЫТАНИЙ. Работу такого масштаба возглавил директор, а коллектив цеховых энтузиастов – Г. Потоскаев.

Вот как об этом сообщается в документе:

"Для обеспечения слаженности всех работ по созданию модульной линии РБМК-1000 была принята организационная матричная структура, включающая штаб управления при обязательном условии реализации и "принципа первого лица", и творческие комплексные бригады исполнителей. В августе 1979 года приказами по заводу утверждены состав штаба и 16 бригад. Возглавил штаб В.Ф. Коновалов".

Молчание директора при первой беседе об автоматических линиях обернулось широко продуманной организацией работы. Без пожелательных и других общих слов был создан механизм того, КАК делать дело.

– Знаете, как Виталий Федорович ставил задачи, какие принципы выдвигал? – говорит нынешний директор по производству "Элемаша" Геннадий Григорьевич Потоскаев, бывший тогда начальником 46-го цеха. — Первое. "Не надо, чтоб человек участвовал в самом процессе изготовления твэла – он должен настраивать и регулировать линию".

Второе. Ему говорят: здесь и здесь невозможна автоматизация. Он отвечает: "Плоха та технология, которая не поддается автоматизации. Значит, надо все менять". И меняли! Автоклавирование – на анодирование, например. Что это дало? Твэл в реакторе работал три года, теперь – четыре–пять лет. Далее, несравнимо поднялась производительность, когда электронно-лучевую сварку заменили контактно-стыковой. А когда понадобилось опытную партию твэлов испытать на работающем реакторе, Коновалов с Решетниковым пробили это решение, испытания велись на Ленинградской атомной.

Вернемся к цеховому альбому, там рассказывается: — "В состав комплексных бригад вошли разработчики, конструкторы, исследователи, эксплуатационники. Причем эти специалисты не были освобождены от своих основных обязанностей. Так, каждая бригада создает свой агрегат от разработки документации до пуска его в эксплуатацию. Четкий контроль обеспечивал своевременную помощь".

Работа захватила множество людей. Никто не считался со временем. Вопросы дисциплины отпадали сами собой, у всех одно желание: добиться только, чтоб получилось задуманное!

— Когда мы ознакомили директора с нашими разработками модулей, — говорил Чуканцев, — он сразу дал указание: через неделю провести техсовет. Спешка, конечно, была. Я рисовал эскизы прямо на миллиметровке, спрашиваю Коновалова:

"Виталий Федорович, можно так?" Говорит: "Сойдет. Совещание у нас рабочее". В общем, поставили шестнадцать модулей! И я хочу вот что сказать... Вот вызрело у нас какое-то предложение, идем к Коновалову... И что же? Оно у него уже есть! — Чуканцев изучающе смотрит на собеседника и делает окончательный вывод: — Если б не Коновалов, ничего не было бы.

В альбоме говорится:

"В результате весь объем работ по созданию линии был выполнен за полтора года вместо 5—6 лет. В марте 1981 года комиссия Главка разрешила пуск линии в эксплуатацию, а в октябре линия выведена на проектную мощность".

Вот так гладко на бумаге выглядит работа с марта по октябрь. А что было?

— Когда линию смонтировали, каждая операция прошла по отдельности успешно. А когда все вместе стали испытывать — не идет, и все. То там сбой, то здесь, — вспоминает Чуканцев. — Тактика пуска была такая: берем один твэл и пропускаем по всем модулям. Устраняем недостатки. Потом со вторым так же. Потенциал, конечно, большой — люди чувствовали интерес и двигали дело. Коновалов сначала приказал включить в план изготовление десяти твэлов на линии. Потом — двадцати... Стали наращивать, наращивать... Чуканцев делает жест, уводящий в бесконечность.

СПРАВКА: "С вводом автоматической линии изготовления твэлов расход рабочей силы на единицу продукции сократился в 2,5 раза, длительность технологического цикла — в 3.

Экономический эффект от внедрения первой, а спустя год второй линии составил 1 млн. рублей. Эта цифра получена в том числе за счет снижения технологических оборотов. Стабильность машинных операций такова, что в отдельные месяцы браковались

лишь 3–5 изделий на 1000 (показатель в 5–7 раз лучший, чем при ручных операциях)".

"Элемаш" поднимал высотную планку развития, оправдывая звание поистине современного завода, в который раз подтверждал свою новаторскую природу.

Многие на заводе подчеркивали, что Коновалов пришел и работал не всеобщим распорядителем-администратором, а подлинным деловым лидером, хотя и бывал крут в обиходе.

Но уж это черта многих руководителей в бывшем Затишье. Ничего не поделаешь...

Есть одновременные свидетельства, что, при всей требовательности, может, и нецеремонности Коновалов был внимательным к людским судьбам, умел блюсти слово по истечении любого времени; следовал логике обстоятельств – что-то развивал, а что-то не менял, если негативные последствия могли перевесить... Случайно или не случайно, он почти никого не привел с собой, оставляя людей на ключевых должностях, не торопился с кадровыми переменами. Случайно ли подключал любые инстанции к сложнейшим делам, проявляя совсем не провинциальную решительность при постановке проблем с одновременными четкими предложениями их реализации? Может, был односторонен в своих привязанностях к производству в ущерб всему другому?

...Для удобства изложения интервью Коновалова по случаю заводского юбилея было чуть сокращено. Но там говорилось:

– Конечно, много души пришлось вложить в строительство и оборудование детских учреждений, школ, баз отдыха, магазинов, спортивных сооружений, совхоза.

Обширное наследство получил Коновалов и не только ничего не растерял, не разбазарил, а выводил на новую ступень. Легко ли это, если наследство отнюдь не бедное и не скудное, если все нажитое довольно высокого уровня и потенциал предприятия содержал немалые возможности?

Вероятно, все эти вопросы покажутся запоздалыми, если учесть, что нам уже известно многое об автоматизированных линиях на "Элемаше".

Одного этого достаточно с лихвой, чтобы коноваловский период вошел в историю завода с плюсовым знаком.

Но предстояло еще многое сделать. И многое пережить. В том числе и из ряда вон выходящее, что надолго определит судьбу завода. И не только завода.

Сергей Викторович Суриков руководитель группы АСУ нынешнего информационно-вычислительного центра, пришедший на завод в 1975 году, заговорил со стремлением объяснить существо вещей:

— Коновалов многое сделал, чтобы перевести завод на новые технологии. Сам все время где-то учился, и когда Академию народного хозяйства заканчивал, плотно информировал наших заводских. Не давал покоя начальникам служб, отделений, мастерам. Это сказывалось. Все ополчились против бумажной канители, технологические проблемы перекладывались на язык машин. Как своевременно увидеть узкие места? Как вмешиваться в процесс подготовки производства, вести выпуск изделий? А ведь только лишь цех концевых деталей имел номенклатуру в 1500 наименований. С трудом верится? Но АСУ — это глаз! Самый дорогой товар — информация! Машины стали вмешиваться в производственный процесс, "влезать" в самые болевые точки, диагностировать, выправлять ситуации.

Из слов Сурикова, как прежде и от Чуканцева, выходило, что на заводе действовал **современный** директор. Но мы это еще и раньше заметили.

Припомним осложненную обстановку с цехом кальция в 79-м году.

— Цех кальция нужен стране! И далее:

— В цехе магнитов есть что механизировать.

Эта целеустремленность Коновалова была заразительной. Ничего не повисало в воздухе. На завод поступало и на заводе делалось новое оборудование: линии, приборы, станки с ЧПУ. Обретало размах строительство.

Стихия заводской жизни, сотканная из строгих планов, трудоемкого исполнительства, творческих начал, втягивала в себя подавляющее большинство судеб. Однако, внедряя автоматизацию и механизацию, завод столкнулся с проблемами сокращения численности, требовался маневр рабочей силой, возникали разные ситуации перераспределения людей. Шли и другие процессы — например, выдвижения кадров.

— Давать мне согласие на работу в горисполкоме? — спрашивал директора недавний начальник цеха магнитов и тогдашний зам. секретаря парткома Владимир Бахтин. — Идти или не идти?

— Надо идти, — отвечал Коновалов.

— Но Виталий Федорович... Дайте слово: если что — я вернусь на завод?

— Даю тебе слово.

И Бахтин потом вернулся. Своих истинных сыновей завод не терял.

НАСЧИТЫВАЕТСЯ ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК, ПРИШЕДШИХ ВСЛЕД ЗА КОНОВАЛОВЫМ с тех заводов, где он работал: Гавриленко, Шевелев — с Глазовского, Алферов — с Ульбинского — вот, пожалуй, и все "другие". Они остались в

Электростали и после выдвижения Коновалова начальником Главка, двое последних трудятся по сей день, а нынешний пенсионер Э.В. Гавриленко работал заместителем директора завода по строительству, это была новая должность, введенная не по случаю, а в силу размаха строительных работ, под его началом были ОКС (Севрук) и отдел оборудования (Миронов).

И уж этот заводской замес производил государственников, как Коновалов, ставший через недолгое время после директорства на МСЗ... на изломе времени... (89–92 гг.) министром атомной энергетики и промышленности СССР.

И тут как раз началась эпопея с автоматическими линиями. Коновалов каждый день в цехе... Ну это уже было всерьез!

Многие подробности нам уже известны — они-то и угомонили кочевую душу мастера в поисках радости, насытили трудовое самолюбие да и материальные потребности. Бяхов двадцать лет на заводе, и все вокруг свое: техникум, который окончил, и цех, где, если зовут, уже на подходе — по звуку линии — знает, в чем причина осложнений, и квартира — за собственные, горбом заработанные рубли, и сотоварищи, и уже в копилке сердца выдающиеся профессионалы, такие, как Бабкин Лев Тихонович из института Бочвара, как нынешний начальник цеха Разин Владимир Петрович — всех не счесть...

— На котлетах, "Беломоре" и мате-перемате мы все это делали! — говорит Бяхов, и слышится в его словах то сердечное заклинание, выше которого ничего не бывает, пробивается глубинная благодарность заводу, давшему возможность выложиться во всю меру способностей и окончательно оглядеться в этой земной жизни... Идут твэлы с линии — куда они денутся! Вот вам и Бяхов.

С такими власть никогда не наговоришься. Бахтин, например, рос еще до Коновалова. С каждой ступеньки завода, начиная с техникума, вынес не только профессиональный опыт, но и нравственный завет, в нем дух производства не напоказ и обращен в сторону человека, заводчанина, как отец и мама, как товарищи, особенно стареющие, теряющие опору, стеснительные в просьбах, и сверстники к нему тянутся, а как на юбилее техникума выступал, как кланялся своей альма-матер...

Разговоры наши с ним отрывочны, больше на бегу, по касательной, но кое-что все же удалось записать:

— Отличная группа у нас в техникуме была. Многие потом большую пользу заводу принесли.

— Если контролируешь твэлы, важно точно забраковать! Не дай бог, забраковать годный твэл, вдвойне ответишь: слишком дорогое изделие!

— Когда начальником в цехе магнитов стал, поехали с Гуровым в Донецк барий пробивать. Так Гуров меня тренировал, молодого. "Нет, ты скажи, как с директором этого гиганта будешь объясняться. Вот ты приходишь в кабинет..." — "Ну я говорю, у нас письмо из главка... Нам новую номенклатуру магнитов делать, нужен новый порошок..." Мужик неплохой попался, понимающий. Мы договорились, Гуров тогда радовался...

— Я в исполком пришел — ни бюджетных денег, ни тех связей, звоню Коновалову: "Виталий Федорович, подскажите". Он и подсказывал и помогал.

Начальник цеха комплектующих деталей и узлов — Вадим Михайлович Хусаинов вспоминал об использовании АСУ и даже как бы "художественно" изобразил:

При выпуске изделий на полторы тысячи наименований — разные трудоемкость, цена, материалы, сроки ...Так началась "асупизация". Но в каждый момент времени цеховая ситуация меняется: то запчасти запаздывают, то конкретный станок сломался или токарь заболел... Если встанет сборка — катастрофа! Ведь из-за отсутствия одной несчастной гайки подведешь всех и вся. Решено входить в связку с ВЦ. И пошли мы впереди всего завода по части использования АСУ.

Однажды утром Виталий Федорович проснулся и решил, что пора начинать работать ритмично. С помощью АСУ для этого основания были — весь процесс расписан. Но он созвал руководство цехов и сказал, что надо создавать заделы и треть продукции отправлять на склады, не сдавать с колес. Что тут поднялось... Почти все возражают, говоря, что это невозможно:

поставки, сроки изготовления... А Коновалов отвечает: "Считаете, не по силам?.. Ради бога! Но кто добьется этого, получит премию не тридцать, а сорок процентов". При наших немалых зарплатах десять процентов разницы были весомыми, весьма "чувствительными", и мы решили попробовать.

Анатолий Алексеевич Сенюшкин вспоминает о сложной ситуации с цехом кальция. До вызова к Коновалову он в этом цехе никогда не бывал.

— Коновалов сразу сказал, что ставят меня на цех. — На мою просьбу — подумать он отвечает: — Единственное, что могу дать, — белый лист бумаги, чтоб написал заявление с просьбой назначить...

И сам меня повел в цех, представил и удалился. А я то одет сиголочки. Еще когда шли, испачкался, так одна женщина сжалась и говорит: "Анатолий Алексеевич, идите в свой кабинет, а я вам принесу спецовку, переоденетесь, тогда и пойдете по цеху."

Сенюшкин чуть остановился, давая мне возможность оценить сердечность заводской сотрудницы, и продолжал: — Коллектив цеха был невелик, человек двести. Надо было набирать людей. И помощь Коновалова была в чем? Чтобы облегчить набор — к нам ведь в цех шибко народ не шел, зазывали людей через знакомых и родственников, — Виталий Федорович решился **авансом** поднять в цехе зарплату.

И снова Анатолий Алексеевич выдержал паузу, предоставляя простор понять все разом: и меру директорского риска, и полноту его уверенности в дальнейшем успехе дела, и свое, молодого инженера — химика, самочувствие в новой для себя роли начальника прорывного цеха.

Близились 26 апреля 1986 года.

В ночь на это число случилась крупнейшая техногенная катастрофа XX века — чернобыльская авария. Событие, потрясшее мир.

Бывшее Затишье было единственной точкой на земной суше и вообще в подлунном мире, где возможными оказались такие слова: "Взорвался четвертый блок, А В НЕМ ТЫСЯЧА ШЕСТЬСОТ НАШИХ КАССЕТ".

...Что ж, на таком заводе находимся. О таких цехах ведем речь. И какое небо было над Затишьем — спокойным, громовым? Как шли ночные смены? Дневные? Как воспринимались официальные известия, какие слухи ходили? В конце концов, ведь это заводские "дрова" — в самой сердцевине атомного радиационного ада!

Завод работал.

И те, кому положено, не сидели и не строили догадки, не изнывали в предположениях — группа работников лаборатории качества и надежности без промедления пришла в архив. Какие именно кассеты — чернобыльские? Каков был контроль? Ревизуя каждый твэл, проверяли паспорта изделий, заново вглядываясь в технологические карты... Не сразу, а спустя некоторое время было сказано с достаточной твердостью: "Виноваты не кассеты — все параметры выдержаны".

...О тех, уже дальних, днях беседую в одном из министерских кабинетов на Ордынке с Виталием Федоровичем Коноваловым.

— То был последний период вашего директорства на "Элемаше"...

— Да, так. Сообщили: блок развален, надо помогать. Добровольцев немало выезжало...

— Вам лично пришлось быть в Чернобыле?

— Август-сентябрь-октябрь... Там же руководители менялись. Работал с зам. министра Усановым, закрывали блок саркофагом... А вообще моя задача была — дезактивация оборудования на месте с последующим вывозом техники, доставленной с разных краев, она была нужна нашей отрасли. Из Чернобыля уже не вернулся на завод.

Он предан отрасли

Л.Д. Рябев

Писать о Виталии Фёдоровиче одновременно и просто, и сложно. Просто потому, что он рядом с нами уже не одно десятилетие, вся его жизнь со студенческой скамьи связана с атомной промышленностью, его действия понятны, проникнуты заботой об отрасли. Сложно потому, что внешние и внутренние причины не позволяют говорить полным голосом об этом замечательном человеке.

Впервые я встретился с Виталием Фёдоровичем в 1976 году в Глазове, когда он работал директором Чепецкого механического завода (ЧМЗ). В тот период во ВНИИЭФ резко возросла программа ядерных испытаний и опытной отработки конструкций, и необходимо было разместить дополнительные заказы у смежников. Я побывал на Сибхимкомбинате у Зайцева С.И., Ульбинском металлургическом заводе у Мурина Ю.И., комбинате "Маяк" у Бреховича Б.В. и, наконец, ЧМЗ произвёл на меня весьма благоприятное впечатление: урановое и циркониевое производство поразили своей масштабностью и высокой культурой. Чувствовалась твёрдая рука директора, дисциплина и порядок. В. Ф. живо откликнулся на наши просьбы, и мы быстро договорились об объёмах и сроках поставок. Далее наше сотрудничество продолжилось, когда он в сентябре 1986 г. пришёл в аппарат Минсредмаша на должность начальника 3-го Главного Управления.

В отрасли в те годы существовала практика перемещения кадров не только по вертикали, но и по горизонтали. И до прихода в Главк В.Ф. прошёл большую школу руководства разными по профилю производствами (Ульбинский металлургический завод, Чепецкий механический завод, Машиностроительный завод в г. Электросталь) и многотысячными коллективами. Всё это способствовало его дальнейшему быстрому продвижению на важнейшие участки работы. И когда Министерству, как и другим оборонным ведомствам поручили заниматься проектированием и изготовлением оборудования для молочной промышленности, то лучшей кандидатуры на руководство этим участком в ранге заместителя министра (наряду и с другими не менее ответственными задачами), чем В.Ф., трудно было найти.

В кратчайший период он глубоко вникнул в технологию производства продукции, с присущим ему напором сумел быстро сплотить коллективы на решение задач, поставленных перед отраслью. В своих блестящих докладах на совещаниях у Лигачёва Е.К. и Белоусова И.С. (ВПК) он изложил чёткую программу действий. И когда я уходил из Министерства, у меня не было сомнений, что В.Ф. — достойный кандидат на пост Министра. Но развал СССР в 1991 году сорвал многие планы. В этот период была поставлена под вопрос судьба отрасли. В.Ф. видел выход в создании корпорации. И здесь мы с ним разошлись во взглядах. Перипетии этой борьбы изложены в статье В.Н. Михайлова, и я не буду на них останавливаться.

Скажу лишь одно, что В.Ф. всегда вырабатывает свою собственную позицию, свой взгляд на решение тех или иных проблем и бьётся за их решение, невзирая на то, как это отзовется на его должностном положении. Он бьётся за дело, он предан отрасли, а то, что у нас могут быть разные позиции, то это естественно, особенно при обсуждении сложных вопросов. Гораздо хуже для дела, когда все поют в один голос. Нужно обсуждать проблемы, искать наиболее верные решения, тогда меньше будет ошибок. Отрадно, что в отрасли воспитаны такие люди.

Бывает, что В.Ф. и пошутит, но у него нет желания нанести кому-нибудь обиду. Он прост в обращении, чуток к людям, требователен, работоспособен, и мне остаётся только пожелать от всей души крепкого здоровья.

Несколько слов о работе с Виталием Фёдоровичем

В.А. Сидоренко

Моё плотное сотрудничество с Виталием Фёдоровичем Коноваловым началось, когда он, будучи Министром атомной энергетики и промышленности СССР, предложил мне в начале 1990 года перейти из Госпроматомнадзора в Минатомэнергопром на должность Первого заместителя министра по вопросам атомной энергетики. Свои задачи в Госатомнадзоре (а затем в Госпроматомнадзоре) я к тому времени практически исчерпал и готов был приложить усилия к решению новых задач и к завершению проблем в атомной энергетике отрасли, оставшихся после Чернобыльской катастрофы. Виталий Фёдорович моё отношение к проблемам принимал, доверял моему знанию атомной энергетики, а я ощущал его знание отрасли и ориентировку в основных её производствах.

У нас сложились хорошие деловые отношения. Виталий Фёдорович поддерживал разработку Концепции развития атомной энергетики, основные решения и направления работ по повышению безопасности работающих атомных электростанций, направления разработки новых энергетических установок. Появилась необходимость и объяснять свои позиции. Это проявилось, например, в развитии разработок, проводившихся в ОКБМ г. Горького и начатых по поручению В. Ф. до моего прихода и посвящённых созданию альтернативного водо-водяного реактора средней мощности (ВПБР-600) и вертикального парогенератора для ВВЭР-1000. Поручение было вполне оправданным и имело целью поискать оптимальные конструктивные решения и привлечь высокий потенциал ОКБМ к водо-водяному направлению в атомной энергетике. Разработчики продвинулись довольно далеко, и появились планы реализации разработок, однако изменившаяся экономическая ситуация заставила делать выбор, и он был объективно сделан не в пользу этих разработок. Виталий Фёдорович был явно расстроен, что замысел не осуществился.

С полным взаимопониманием мы прорабатывали в условиях начавшихся хозяйственно-экономических преобразований в стране логику дальнейшего развития отрасли.

В период форсирования экономической реформы в стране отрасль находилась в сложных условиях "двойной конверсии": уменьшение производства вооружений и военной техники и резкое сокращение проектирования и строительства новых АЭС, вывода из эксплуатации части действовавших блоков, значительного уменьшения объёмов добычи и переработки урана. Переход на новые хозяйственные отношения должен был происходить при выполнении условий сохранения единого ядерно-энергетического комплекса, сложившихся хозяйственных связей и инфраструктуры. В этих условиях в руководстве Министерства было признано, что более соответствующей рыночным отношениям организационной структурой, обеспечивающей повышение экономической заинтересованности и ответственности организаций и предприятий в результатах хозяйственной деятельности, является создание государственной корпорации (названной "АТОМ") с последующим возможным переходом к акционерной форме собственности и создание на этой основе государственной акционерной корпорации.

Подготовительная работа началась в самом начале 1991 года и к концу года значительно продвинулась. По мере развития процесса суверенизации союзных республик и назревания развала Союза усиливался другой фактор целесообразности создания подобного хозяйственного образования. Территориально предприятия Минатомэнергопрома СССР располагались в целом ряде республик, при этом на территории РСФСР функционировало более 70 % предприятий, для обеспечения деятельности которых расходовались более 80 % централизованных вложений. В случае ликвидации государственных союзных структур управления отраслью хозяйственное объединение, превращающееся в межгосударственное хозяйственное объединение, могло создать основу сохранения технологических и хозяйственных связей предприятий, находящихся в разных республиках, сохраняя единство ядерно-энергетического комплекса. При этом для государственного регулирования деятельностью части предприятий, остающихся на территории Российской Федерации, предлагалось создать соответствующий орган государственного управления РСФСР.

Конкретно предлагалось создать в структуре государственного управления РСФСР Государственный комитет по атомной промышленности и энергетике для осуществления долговременной ядерной политики, поддержания ядерного оборонного паритета, развития фундаментальной науки, соблюдения международных обязательств и гарантий в области ядерного оружия и ядерной энергетики и т. п. Однако со стороны руководства Правительства РСФСР было проявлено резкое противодействие созданию межреспубликанского хозяйственного объединения, в результате чего последовавший развал

СССР привёл к отделению от ядерного комплекса страны оставшихся 30 % предприятий, в числе которых оказались практически все урандобывающие, а также около половины АЭС.

В результате ликвидации Советского Союза Минатомэнергопром СССР прекратил своё существование, не претерпев никаких существенных преобразований.

В новом государстве – Российской Федерации – после рассмотрения различных вариантов управления ядерно-энергетическим комплексом (в том числе и варианта хозяйственной корпорации для неоружейной части Комплекса в сочетании с Государственным комитетом по атомной энергии, осуществляющим наряду с функциями государственного регулирования всей ядерной промышленности, функции прямого управления предприятий, связанных с ядерным оружием) было образовано Министерство Российской Федерации по атомной энергии – Минатом России. Министром был назначен Виктор Никитович Михайлов.

В этот переходный период я выполнял роль Председателя ликвидационной комиссии Минатомэнергопрома СССР и настоял на обсуждении у руководства страны (Бурбулис, Гайдар) вопроса о руководстве отрасли, пригласив на это обсуждение основных руководителей и ведущих специалистов Министерства. На этом совещании я представлял Виталия Фёдоровича Коновалова как фактического лидера отрасли, но, как впоследствии выяснилось, решение уже было принято заранее. Коновалов остался в новом министерстве Российской Федерации первым заместителем министра, меня назначили заместителем министра.

Для меня остаётся загадкой: что и кого имеет в виду В.Н. Михайлов, когда в своих современных публикациях об этом периоде говорит об "отдельных ловких людях, ищущих себе комфортное место в новых условиях", чьи "личные интересы превалируют над государственными".

В новом Министерстве мне пришлось совместно с Виталием Фёдоровичем длительно искать форму образования в России эксплуатирующей организации атомных электростанций в рамках сложившейся законодательно-нормативной базы, взаимодействия с Государственным комитетом по имуществу. В результате образованный в рамках Минатома в марте 1992 г. концерн "Росэнергоатом" в сентябре 1992 г. Указом Президента России был наделён полномочием "эксплуатирующей организации".

Период моей работы в отрасли в тесном общении с Виталием Фёдоровичем Коноваловым был не очень продолжительным, но наполнен полезными делами. Спасибо ему за это.

Коренной "Средмашевец"

Ю.И. Тычков

Когда говоришь о Виталии Фёдоровиче Коновалове, первое, что невольно приходит на ум и обращает на себя внимание — это типичность его судьбы в нашей родной отрасли.

Как и многие из нас — ветеранов, пришедших в родной Средмаш в пятидесятые годы, Виталий Фёдорович начинал свой трудовой путь в отрасли молодым специалистом сразу после окончания спецфака Уральского политехнического института.

Те годы (1950—1960) были характерны бурным развитием, точнее — созданием новых производств с технологиями, не имевшими аналогов в отечественной промышленности. В этой ситуации шла быстрая, естественная "ликвация" кадров. В обстановке, в полном смысле слова, бешеных темпов работы, огромной ответственности, необходимости принимать решения в ситуациях, когда неопределённость была чрезвычайно велика, и сплошь и рядом выручала инженерная интуиция, специалисты, подобные Виталию Фёдоровичу, неизбежно "ликвидировали" на поверхность, брались за заметку руководителями, проверялись на конкретных ответственных поручениях и, если выдерживали этот жёсткий отбор, — сами начинали делать быстрые шаги вверх по служебной лестнице, как правило, не перепрыгивая через ступеньки.

Именно так и складывалась судьба и карьера Виталия Федоровича. Поэтому и воспоминания о нём я счёл правильным назвать — "коренной средмашевец"!

Когда мы оба были директорами предприятий, но работали в разных главках, нам не пришлось пересекаться по делам служебным. Но на одном из общеминистерских совещаний я невольно обратил внимание, и мне запомнилось яркое, напористое выступление молодого представителя Глазовского завода, выделявшееся логичностью, чёткостью изложения, отсутствием трафаретных мыслей и формулировок.

Я сидел рядом с одним из легендарных средмашевских директоров — Броховичем Борисом Васильевичем, с которым у меня, несмотря на большую разницу в возрасте, сложились очень тёплые отношения. Так вот, Борис Васильевич со свойственным ему юмором и иронией ответил мне, перефразируя известную поговорку,

"Молодой человек, отрасль должна знать своих героев! Запомни, это твой коллега из Глазова Коновалов Виталий Фёдорович. Советую побывать у него. Увидишь много интересного".

Уже много позже, будучи заместителем министра я не раз бывал на предприятиях, которые возглавлял Виталий Фёдорович.

И как и в Глазове, так и в Электростали мне приятно было отмечать чистоту и порядок в подразделениях. Все атрибуты внешней культуры в цехах и на территории: цветы, малые архитектурные формы в оформлении, прекрасно оборудованные комнаты отдыха в цехах, тренажёрные залы и сауны. И, если для приборных заводов Средмаша это было естественным, то для машиностроительных предприятий (а оба предприятия относились к этой группе) это впечатляло. Также приятно было слышать ответ на свои вопросы: "А это стиль нашего директора!" А ведь Виталий Фёдорович в это время уже работал начальником 3-го Главка. Такая память о директоре в коллективе и есть высшая оценка ему, данная не формально, а как признание коллектива!

Естественно, с моим переводом в Министерство (а Виталий Фёдорович был призван в Министерство на несколько месяцев раньше) мы познакомились ближе, участвуя в работе Коллегии, а также контактируя в вопросах развития машиностроения и приборостроения в отрасли, за что я отвечал в это время непосредственно.

Инженерный и организаторский талант Виталия Фёдоровича ярко проявился и в период организации в отрасли производства оборудования для переработки молочной продукции.

В конце 80-х годов Правительством СССР было принято решение подключить предприятия оборонного комплекса к выпуску оборудования для переработки продукции сельского хозяйства. Средмашу было поручено заниматься всем комплексом оборудования для переработки молока.

В первые месяцы после решения Правительства эта проблема в нашей отрасли была поручена мне. Так вот, работая с начальниками главков по этой проблеме, я не могу не отметить, что наиболее профессионально и вместе с тем ответственно и грамотно подошёл к решению этого вопроса Виталий Фёдорович.

Решался вопрос о распределении комплексов молочного оборудования между предприятиями главков. Естественно, никто из руководителей ГУ не был в восторге от этой новой, совершенно несвойственной и непрофильной нагрузки. В чём проявились профессионализм и объективность Коновалова в этой ситуации. Он попросил у меня несколько дней для ответа и затем с безупречной корректностью и профессионализмом обосновал, что возьмут на себя предприятия его Главка. После этого у меня не было забот

с работой предприятий 3-го Главка по этой тематике — так чётко и организованно была построена вся работа!

Естественно, когда встал вопрос о назначении в каждом министерстве оборонного комплекса специального заместителя министра по этой тематике, выбор в Средмаше был сделан однозначно. Так Виталий Фёдорович стал заместителем министра. И надо сказать, что в нашей отрасли эта работа была организована наилучшим образом. В самые сжатые сроки Виталий Фёдорович организовал не только производство ранее разработанного оборудования, но, что особенно важно, обеспечил разработку и постановку на серию новых, современных комплексов оборудования для переработки молочной продукции. Ещё одно подтверждение несомненной талантливости этого человека. Закономерным стало и назначение Виталия Фёдоровича на высокую должность министра в связи с выдвижением Льва Дмитриевича Рябева на пост заместителя председателя Совмина СССР.

Но, увы, редко случаются в карьере крупных руководителей сплошь "безоблачные" периоды. После августа 1991 года, как и все руководители Правительства СССР и ведомств, Виталий Фёдорович был отстранён от должности без всяких обоснований или претензий. В тяжёлые, смутные для отрасли полгода, последовавшие за этим событием, когда шла борьба за судьбу отрасли и её кадры, проявились такие черты характера Виталия Фёдоровича как твёрдость, убеждённость в своих взглядах и, что я хотел бы отметить особо — порядочность. Он достойно вёл себя в этот период, выстоял и остался в родном министерстве на посту первого заместителя министра.

Об этом сложном периоде, в том числе и в нашей отрасли, я думаю, будет написано ещё немало. Уверен, что полезно было бы в том, что касается нашей отрасли, создать коллективный труд, который дал бы максимально объективную оценку событий того периода. Здесь я хотел бы выделить то, что характеризует гражданское мужество (не побоюсь этого слова) и принципиальность Виталия Фёдоровича, когда дело касается определяюще важных вопросов.

Дело в том, что в ходе дебатов на всех уровнях о судьбе отрасли, нами была подготовлена чёткая концепция её функционирования в условиях распада СССР и призывов к переходу к рыночной экономике. Эта концепция была подготовлена после тщательного изучения и обобщения опыта ведущих мировых ядерных держав. Нельзя не упомянуть, что в этом большую роль сыграл ЦНИИАтоминформ и лично его директор — В. Г. Терентьев.

Суть заключалась в том, чтобы были чётко разделены функции государственного управления (Госкомитет или Министерство по атомной энергии, в непосредственном управлении которого

находится ядерно-оружейный комплекс) и хозяйственного (экономического) управления в виде крупных хозяйственных комплексов (атомно-энергетическая подотрасль, подотрасль ядерно-топливного цикла, машино- и приборостроение и др.), находящихся в той или иной степени в экономической и оперативно-хозяйственной зависимости (управлении) от органа государственного управления. Несмотря на оголтело-популистские идеи полного разрыва России с бывшими советскими республиками (провозглашалось как государственная доктрина, что Россия одна и самостоятельно не только не выживет, но и быстрее перейдет к рыночной экономике!), мы в своей концепции пытались сохранить хозяйственно-экономические связи с предприятиями отрасли, оставшимися на территориях бывших республик СССР. Нельзя было безразлично отнестись к сотням тысяч наших работников и членов их семей, оставшихся "за рубежом". С этой целью предлагалось учредить некий межгосударственный совещательный орган.

Не скрою, не все члены коллегии однозначно поддерживали эту концепцию. Были возражения у Б.В. Некипелова. Мне до сих пор не понятна позиция, которую занимал В.Н. Михайлов (возможно, в связи с тем, что он близко и хорошо был знаком только с проблемами ядерно-оружейного комплекса).

Такова была ситуация перед известным многочасовым совещанием у Б.Н. Ельцина, где должно было быть принято окончательное решение о судьбе отрасли и её руководстве.

Мы с Виталием Фёдоровичем и, если мне не изменяет память, Александром Григорьевичем Мешковым перед совещанием обсуждали — стоит ли Виталию Фёдоровичу, который должен был выступить с сообщением, упоминать и представлять по подготовленной схеме новой структуры отрасли предполагаемый межгосударственный совещательный орган, который хоть в какой-то мере мог сохранить связи с нашими "зарубежными" предприятиями. Зная крайний популизм Б.Н. Ельцина, его маниакальное стремление к "полной независимости России" конъюнктурно Коновалову целесообразно было бы умолчать об этом совещательном органе, что повышало бы его шансы быть восстановленным в должности министра, но присущая Виталию Фёдоровичу принципиальность возобладала. В своём сообщении он говорил и об этом органе, обосновывая его важность и целесообразность, что, как мы и предполагали, вызвало крайнее раздражение Б.Н. Ельцина, который, встав и, подойдя к схеме, перечеркнул эту ячейку схемы, безапелляционно и не вникая ни в какие обоснования, заявил: "...а вот этому не бывать!".

Время и опыт взаимоотношений между государствами СНГ показали, чего стоили такие популистские подходы к важнейшим государственным вопросам.

Присущие Виталию Фёдоровичу черты: обострённое чувство нового (будь то техника, или организация и экономика), непрерывный поиск наиболее оптимальных решений, упорство привели к тому, что по его инициативе на базе предприятий 3-го Главка и его аппарата Указом Президента была создана первая в системе Министерства Государственная акционерная компания, президентом которой тем же указом был утверждён Коновалов В.Ф. Споры и борьбы вокруг этого решения было много и на всех уровнях, но время подтвердило жизненность и эффективность новой организации, а следовательно, и правоту инициатора её создания!

Прочитал написанное и с грустью подумал, что это типичные воспоминания "трудоголика" о "трудоголике"! Но что поделаешь! Увы, мне к сожалению, не пришлось общаться с Виталием Фёдоровичем во внеслужебной обстановке. Но из разговоров с людьми, близко знающими его и в этой области, я не раз слышал, что и здесь он является яркой, нетривиальной личностью. Его увлечения рыбалкой и охотой ещё раз подтверждают главные черты характера этого незаурядного человека: увлечённость, упорство и настойчивость.

О талантливом инженере и крупном руководителе

А.Д. Никулин

Воспоминания о встречах с В.Ф. Коноваловым возникли у меня во время работы последней (апрель 2002 г.) балансовой комиссии на Чепецком механическом заводе (г. Глазов). Это была очередная комиссия, которая ежегодно проводилась и возглавлялась В.Ф. Коноваловым. Как представителю научно-исследовательского института мне много раз приходилось участвовать в подобных мероприятиях.

Во время работы данной комиссии, то ли в связи с возвращением на должность в качестве Первого вице-президента ОАО "ТВЭЛ", то ли с приближающимся его семидесятилетием, у меня возникло желание сравнить умудренного опытом крупного руководителя В.Ф. Коновалова с тридцативосьмилетним начальником цеха, с которым мы встретились впервые более 30 лет назад.

Уже многое стерлось из памяти, но многое об этом незаурядном инженере и руководителе, удачливом и неудачливом человеке не могло не сохраниться.

Более десяти лет выпускник Уральского политехнического института В.Ф. Коновалов отдал созданию современного металлургического производства тугоплавких металлов на Ульбинском металлургическом заводе. Уже в те далекие времена он выделялся среди "могучей кучки" специалистов завода, многие из которых впоследствии возглавили предприятия отрасли. Ему были свойственны четкость в организации работ и своевременность выполнения принятых решений. Будучи хорошо образованным инженером — металлургом он возглавил разработку новых технологий получения металлического тантала. Впервые в Союзе в его цехе вместо технологии спекания танталовых порошков были освоены высоковакуумные плавки в дуговых и электронно-лучевых печах, позволившие производить тантал высокой чистоты. Эта работа явилась основой кандидатской диссертации В.Ф. Коновалова, особенностью которой было удачное решение как технических, так и экономических задач нового производства. Сочетание техники и экономики проявилось у Виталия Федоровича еще при работе над

диссертацией с двумя научными руководителями – специалистами по металлургии и экономике.

Наиболее ярко в качестве инженера и ученого он проявил себя при создании технологии производства сверхпроводящих материалов. Сверхпроводники – это особый класс материалов, которые не имеют электросопротивления при низких температурах.

Проблема сверхпроводящих материалов даже в прикладном аспекте обширна и многогранна. Она охватывает изучение сложных электрофизических явлений в материалах, находящихся в сверхпроводящем состоянии, откуда вытекают задачи перед разработчиками сверхпроводников. Тесно переплетаются вопросы, решением которых занимаются специалисты в области электрофизики, физики твердого тела, материаловедения, физико-химии, металлургии и пластической деформации. Технические сверхпроводники представляют из себя сложную композитную систему, состоящую из разнородных материалов, отличающихся физико-химическими, механическими и физическими свойствами. Обычно это многоволоконный провод, в котором нити из сверхпроводящего материала находятся в матрице из меди или ее сплавов с диффузионными барьерами и другими элементами композита. Как правило, это длинномерные провода диаметром 0,5–1,5 мм, содержащие несколько тысяч сверхпроводящих нитей диаметром несколько микрон.

Сверхпроводники способны нести высокий транспортный ток в больших магнитных полях, что, собственно, явилось основным аргументом использования этих материалов в различных областях науки, техники и народного хозяйства.

Приступить к созданию производства такой сложной и наукоемкой продукции в условиях Казахстана 60–70-х годов могли только высокообразованные и смелые люди, к числу которых прежде всего относятся В.Ф. Коновалов и бывший директор УМЗ В.П. Потанин. Природная Коноваловская увлеченность заразила новой задачей весь коллектив возглавляемого им цеха. За короткий период на заводе совместно с сотрудниками нашего и других институтов было создано единственное в Союзе современное производство технических сверхпроводников качества мирового уровня. Были разработаны уникальные процессы гарнисажной плавки ниобий-титановых сплавов, оригинальные приемы деформирования и термообработки сложных композитных сборок и контроля характеристик сверхпроводников при температурах жидкого гелия.

Созданное производство было высоко оценено академиками А.П. Александровым и А.А. Бочваром при посещении цеха Коновалова во время проведения всесоюзной конференции по сверхпроводникам.

Заложенные с участием Виталия Федоровича основы технологии сверхпроводников позволили освоить промышленное производство, в том числе впервые в мире производство сверхпроводников из хрупких интерметаллидов. В результате в СССР были созданы крупные магнитные сверхпроводящие системы для установок термоядерного синтеза, ускорителей и других электротехнических устройств.

Уже работая начальником главка, а затем Министром и Президентом ОАО "ТВЭЛ", Виталий Федорович уделял и уделяет внимание этому научному направлению.

Интересно было наблюдать за начальником цеха Коноваловым. Рано утром в белом халате он обходил все корпуса цеха, беседовал с мастерами и рабочими. При появлении в строго и просто обставленном кабинете начиналась будничная, но энергичная деятельность руководящего персонала цеха. Краткие оперативные совещания завершались конкретными предложениями и распоряжениями. Обстановка, создаваемая Виталием Федоровичем, имела лишь деловую направленность, практически исключая беседы на посторонние темы. Энергия, с которой он обсуждал, иногда с эмоциональным оттенком, как организационные, так и технические вопросы, заражала собеседников и не допускала равнодушия и пессимизма.

Как правило, заранее обоснованные и продуманные решения завершались удачными результатами. Случались и ошибки, как, например, настойчивое, несмотря на противоположное мнение специалистов нашего института, но неудачное предложение о выплавке однородного ниобий-титанового сплава методом дуговой плавки. Свойственная Коновалову принципиальность при решении тех или иных производственных вопросов проявлялась в несогласии даже с дирекцией завода и завершалась иногда временным отстранением его от руководства цехом.

Виталий Федорович с большим уважением и вниманием относился к нашим совместным исследованиям, в большом объеме выполняемым в непростом действующем производстве. Он очень строго относился к нежеланию некоторых производственников к экспериментальным работам, что позволяло в короткие сроки проверять идеи научных работников.

Виталий Федорович всячески поощрял стремление молодых цеховых инженеров к проведению поисковых технологических работ. До десяти специалистов цеха успешно закончили аспирантуры и защитили кандидатские диссертации. Многие остепененные сотрудники нашего института выполняли экспериментальные работы в цехе Коновалова, получив хорошую производственную закалку.

Рабочий день Коновалова обычно заканчивался поздно. Часто обсуждения различных проблем заканчивались поздно вечером. Естественно, хотелось побыстрее добраться до гостиницы. Хотя начальник цеха имел право вызвать заводской транспорт, наши предложения заказать машину заканчивались обычно фразой: "Ничего, доберемся на трамвае". Так же он иногда поступал и при организации нашего отдыха в выходные дни, загружая командированных сотрудников в собственный, соответственно подготовленный автомобиль, на котором мы выезжали в великолепные места отдыха в окрестностях Устья Каменных гор. Хотя без этого можно было бы обойтись, так как дирекция завода всегда обеспечивала наш выезд за город на заводском транспорте.

Всесоюзно известные, созданные заводскими энтузиастами — рыбаками и охотниками, базы отдыха на Сибирских озерах, на Бухтарминском водохранилище, на Зайсане и на высокогорном озере Маркаколь требовали солидной подготовки при их посещении. Требовался многоместный автомобиль. Часто возглавлял такие отдыхательные компании из цеховых и командированных сотрудников сам начальник цеха, то есть Коновалов. Трескучие морозы зимой и жара летом не позволяли прогулочного подхода к таким поездкам. Виталий не позволял любителям выпить лишние дозы спиртного, что иногда при других командирах оканчивалось нежелательными последствиями. Веселый и энергичный, он создавал приятную отдыхательную атмосферу. Конечно, не обходилось без шахмат, кандидатом в мастера по которым он был, и без игры в подкидного дурака, непревзойденным игроком в которого он славился.

Неуемная охотничья и особенно рыбацкая страсть Коновалова широко известна. Как в молодые годы, так и сейчас, он проводит отпуск на рыбной ловле, не забывая при этом прихватить ружьишко. Эта страсть могла однажды окончиться трагически, когда ранней весной на озере Алаколь в Казахстане он вынужден был в ледяной воде долго добираться до берега. В результате — тяжелейшее воспаление легких и длительное восстановление природного уральского здоровья.

Отдыхать в небольшой компании, когда Виталий, несмотря на присутствие женщин, становясь поваром, любезно готовил разные кушанья, было одно удовольствие. Пользуясь изобилием рыбы и дичи, умением собирать подножный корм в виде дикого лука, душистых трав и сладких ягод, он создавал шедевры поварского искусства.

Таких бань, как в Усть-Каменогорске и его окрестностях, по моему, нет нигде. Коновалов обожал как сухие, так и парные бани, особенно, если они находились на берегу озера или реки.

Банноохотничьи и рыбацкогрибные увлечения не могли мирно спать в пылкой натуре Виталия Федоровича, когда он был переведен на работу в г. Глазов, а затем в г. Электросталь, где, к сожалению, заводские базы отдыха не были так первоклассно оборудованы, как в Усть-Каменогорске. Со свойственной ему энергией он решил создать наилучшую финскую баню при ледовом дворце г. Глазова. Близких своих знакомых он торжественно пригласил на открытие бани, которая оказалась наполненной удушливыми сернистыми газами в результате растрескивания при нагреве внешне красивых, но не пригодных для бани камней, полученных им от одного директора завода из далекой Сибири.

Перевод директором на Чепецкий механический завод, который к тому времени обладал богатыми металлургическими традициями, современным оборудованием и хорошим кадровым составом, был для Виталия Федоровича крупным и желанным событием. Четырехлетняя работа директором позволила ему расширить кругозор и профессиональные знания и приобрести опыт руководства большим и сложным производством. Вместе с тем, он внес ценный вклад в организацию и управление производством.

Его побаивались на заводе и старались соответствовать улучшенному стилю в работе. У него не было любимчиков. Он одинаково относился к рядовым сотрудникам и руководителям. Являясь директором, он уже не имел возможности заниматься теми или иными конкретными работами. Наши инженерные творческие связи изменились по сравнению с тем, что было в Усть-Каменогорске. Но он по-прежнему уделял большое внимание новым разработкам. С участием наших специалистов было начато освоение технологии изготовления уникальных специальных изделий из высокопрочных урановых сплавов и высокопластичного нелегированного урана, что явилось основой создания на заводе нового крупного и ответственного производства.

Большой вклад внес В.Ф. Коновалов и в циркониевое производство. В связи с Правительственными решениями о развитии атомной энергетики необходимо было удвоить производство циркониевого проката. В связи с этим выполнены большие организационные и технические мероприятия по расширению производства циркония. Вместе с начальником главка В.П. Потаниным и с участием нашего института были начаты работы по увеличению размеров слитков циркония, модернизации дуговых печей и освоению электронно-лучевой плавки. Реконструировалось производство циркониевых труб с установкой нового оборудования, в том числе и принципиально новых прокатных станов по разработкам Московского института стали.

Способность В.Ф. Коновалова оценивать перспективность новых направлений проявилась интенсивной поддержкой разработанного во ВНИИНМ нового циркониевого сплава Э-635, обладающего высокими эксплуатационными характеристиками в атомных реакторах. При его активном участии были отработаны основы технологии сплава и изготовлены первые опытные партии труб для испытаний в коммерческих реакторах, которые подтвердили его хорошую радиационную стойкость.

Очень большие изменения по инициативе В.Ф. Коновалова произошли в социальной сфере г. Глазова. Началось строительство левобережной части города. Построены новые детские сады и школы. Укрепилось подсобное хозяйство завода; гордостью Коновалова явилось разведение новой породы свиней.

Привыкший к водным, горным и степным просторам предгорий Казахского Алтая, Виталий Федорович не мог удовлетвориться сравнительно небогатымидыхательными возможностями Удмуртии. Грибное изобилие было по душе, но хотелось большего и по его предложению было начато сооружение искусственного озера сравнительно недалеко от Глазова. К сожалению, эта затея, вероятно из-за его очередного переезда, не реализовалась.

Из глазовских воспоминаний нельзя пройти мимо гостеприимной квартиры директора с очаровательными женой и дочерью и четвертым членом семьи в виде красивого и ласкового сеттера. Приключений с этой квартирой было у Коноваловых предостаточно. Дело в том, что демократизм и скромность Виталия Федоровича не позволили ему занять, как это обычно делалось, отдельный директорский коттедж, и его семья поселилась в обычной трехкомнатной квартире обычного городского дома. Пользуясь свободным доступом к директорской квартире, желающих поговорить с директором оказалось больше, чем достаточно. Незваные посетители, некоторые из которых находились в возбужденном и подвыпившем состоянии, доставляли массу неудобств хозяину и членам семьи. Бывая в гостях у Коноваловых, нам приходилось присутствовать при этих визитах даже в позднее вечернее время.

Когда Коновалова перевели директором Электростальского машзавода, он уже не отказался от отдельного заводского домика, в котором его семья прожила около семи лет без такого нашествия посетителей.

О скромности и шепетильности Виталия Федоровича. Характерен пример, когда меня и члена-корреспондента Академии наук А.С. Займовского, находящегося в командировке в г. Глазове, он пригласил к себе в гости, сказав своей супруге об этом всего за полдня до визита. Желая встретить гостей как можно лучше

и зная состояние с продуктами в магазинах города в то время, Нелла Викторовна оказалась в затруднительном положении, о чем она мне и сообщила. Зная, что руководство завода имело возможность получать отдельные дефицитные продукты в отдельном заводском магазине, я попросил Виталия Федоровича позволить воспользоваться такой возможностью. На что получил вежливый отказ. Подобное наблюдалось за Коноваловым и в Электростали, когда его часто видели при покупке товаров в обычных городских магазинах. Его шепетильность в таких вопросах проявилась, например, в асфальтировании въезда на участок служебного дома в Электростали за свой счет, хотя это должны были выполнять хозяйственные службы завода. Зная подобные особенности Виталия Федоровича, даже близкие его товарищи, за редким исключением, не считали возможным обращаться к нему с личными просьбами. Таков Коновалов!

Во время работы директором Электростальского завода из-за моей тематической направленности наши производственные контакты носили эпизодический характер. Тем не менее, мне известно, что при его непосредственном участии на заводе были созданы автоматические линии производства ТВЭЛ, а позже по его инициативе разработана новая удачная конструкция тепловыделяющих сборок реактора ВВЭР-1000.

В результате тридцатилетнего опыта работы непосредственно на предприятиях отрасли он естественным образом вырос и по принятым ранее правилам подготовки руководителей в Министерстве был назначен начальником главка, а позднее Министром и Президентом ОАО "ТВЭЛ". Об этом периоде деятельности я мог судить в известной степени со стороны и по рабочим контактам в качестве начальника отдела и заместителя директора ВНИИНМ и уже нечастым товарищеским беседам.

В восьмидесятые и девяностые годы В.Ф. Коновалов внес большой вклад в создание на современном уровне промышленного производства атомного горючего. Под его руководством на двух металлургических заводах Министерства созданы новые машиностроительные производства тепловыделяющих сборок для атомных реакторов. Вместе с тем успешно развивались и металлургические производства урана, циркония, бериллия, тантала, ниобия и других сверхпроводников.

Виталий Федорович был доступным руководителем даже в должности Министра. Высокие должности мало повлияли на стиль работы и манеру обращения с людьми различного положения и поведение на совещаниях и при посещениях различных организаций. За ним не наблюдалось никакой суетливости и растерянности.

Его не смущало обращение с высокостоящими руководителями, о чем я могу в частности судить из телефонного звонка вице-преьера Правительства, находившегося в зените Ельцинской славы, А.Б. Чубайса и их разговора в моем присутствии.

Став большим начальником, он никогда не подчеркивал этого, что создавало деловую и приятную атмосферу общения с ним по многим вопросам, по которым приходилось обращаться к нему как к Министру или заместителю Министра. По окончании официальных разговоров, Виталий Федорович несколько спеша и с какой-то неловкостью оказывал старым товарищам элементарные знаки внимания, как бы говоря, что возможностей для прежнего более продолжительного общения у него не осталось.

В.Ф. Коновалову досталась нелегкая доля в период перестройки, известного путча и распада Советского Союза. Понимая значимость для страны Минсредмаша, этого оборонного, промышленного и научного гиганта, он разработал проект интегрированного из стран СНГ и предприятий отрасли промышленного объединения. Как мне стало известно, на совещании у Президента Б.Н. Ельцина Министру среднего машиностроения В.Ф. Коновалову было предоставлено лишь короткое выступление в конце многочасового заседания. Изложение предложений о реорганизации и судьбе отрасли в таких условиях не было поддержано Президентом; и в результате многие важные предприятия отрасли оказались отрезанными от центра атомной промышленности. Это серьезно отразилось и отражается на судьбе предприятий отрасли и привело к развалу целого ряда важных производств, находящихся за пределами России.

В результате прекращения деятельности Правительства СССР Министр Коновалов В.Ф. оказался не у дел, хотя Министерство сохранилось. Сложившаяся ситуация без должности и без заработной платы в течение нескольких месяцев больно ударила по преданному делу человеку. Наши сочувствия и предложения о поддержке Виталия Федоровича в тяжелой обстановке при подавлении путча, когда были возможны разные катаклизмы, были восприняты им с благодарностью о внимании с очень краткими комментариями в разговоре по телефону. Как и в других сложных ситуациях, он показал себя мужественным человеком без проявления обид и жалости; в коротких разговорах с ним я старался не затрагивать болезненной темы.

В смутное время перехода к новым методам хозяйствования В.Ф. Коновалову удалось сохранить и даже развить основные производства бывшего третьего главного управления. Был создан сначала концерн "ТВЭЛ", а затем и акционерное общество "ТВЭЛ",

работа которого организована на новых принципах. В.Ф. Коновалов был заслуженно избран Президентом ОАО "ТВЭЛ", а после неза заслуженного освобождения от этой должности назначен Первым вице-президентом.

Возвращаясь к началу заметок о работе балансовой комиссии на Глазовском заводе, следует отметить, что манера проведения и зазор, с которым В.Ф. Коновалов проводил многочисленные совещания в последние годы, были очень похожи на те, что были свойственны ему в ранние годы его деятельности. Те же четкие и конкретные технические вопросы отчитывающимся представителям завода и института, те же краткие предложения по решениям. Деловой немногословный и спокойный разговор, иногда сопровождавшийся довольно резкими Коноваловскими высказываниями и репликами. Но во всем чувствовались глубокие и всесторонние знания по широкому кругу вопросов и убежденность в правильности предлагаемых решений, свойственная опытному руководителю, государственному деятелю и профессионалу высокого уровня. Особенно это вытекало из его программного выступления о деятельности акционерного общества, которое он сделал на собрании инженерно-технических работников завода.

Из всего видно, что В.Ф. Коновалову удалось сохранить хорошие качества и приемы руководителя старых советских времен и умело перестроиться в новых экономических и политических условиях.

Как и для многих людей, Виталию Федоровичу свойственны и некоторые черты, которые мешают ему в производственной деятельности и повседневной жизни, но, тем не менее, не изменяют мнение о нем как о незаурядном и надежном человеке и талантливым руководителем.

Боец отрасли

И.А. Беляев

Рябев Лев Дмитриевич – министр с 1987 г., после Е.П. Славского проработал два года с небольшим. В 1988 году решался вопрос по программам Минатома, эти программы были четко представлены и утверждены и Лев Дмитриевич стал зампредом Совмина, а Виталий Федорович Коновалов, будучи заместителем министра, без всяких проволочек стал министром.

Несколько слов о его трудовом пути. После окончания института в Свердловске направление в Усть-Каменогорск на Ульбинский металлургический завод. Работа от мастера до начальника танталового производства (это единственное производство в СССР). Защита кандидатской диссертации и Государственная премия за разработку и освоение тантала и сверхпроводящих материалов. Это производство подчинялось 3 ГУ Министерства, начальник ГУ Квасков. В 1975 году Виталий Федорович директор Глазовского завода. В 1975 году на смену Кваскову приходит В.П. Потанин. Первое действие его было собрать и обновить команду, сгруппированную в Главке. Одним из первых его действий была поездка в Электросталь, для агитации П.М. Верховых. Он работал там замом главного инженера, начальником производства. Поговорив и уговорив П.М. Верховых, он назначает его заместителем начальника 3 ГУ – главным инженером.

Одной из самых главных задач В.П. Потанина было решение по обновлению, омолаживанию директорского состава комбинатов. Там работали почтенные люди, Герои Социалистического труда, но возраст... И одним из первых В.Ф. Коновалов назначается директором Электростальского завода в 1979 году.

На посту директора Виталий Федорович оставил заметный след в производстве. Там были созданы поточные автоматизированные линии по производству твэл, начало которым положили немцы, а потом были созданы свои линии.

1979–1986 гг. – на заводе удалось создать творческую обстановку – мастера, начальники отделений, участков, цехов решительно повернулись лицом к новой технике и передовой технологии, к широкому внедрению ПЭВМ, к экономическому анализу. Учился и сам директор.

При всей требовательности, Виталий Федорович был внимательным к людским судьбам, умел держать слово по истечении любого времени. Всегда следовал логике обстоятельств. Не торопился с кадровыми переменами. Односторонний в своих привязанностях.

Наследство, которое он получил, не растерял, не разбазарил, а вывел на новую ступень.

Целеустремленность В.Ф. Коновалова была заразительной. Ничего не повисало в воздухе. На завод поступило и на заводе делалось новое оборудование: линии, станки, приборы, обретало размах новое строительство.

Было много сделано в реконструкции завода и цехов. Не забыта была и социальная сфера. Жилье, соцкультбыт все находило интерес директора. В.Ф. Коновалов проработал директором 5 лет.

В 1986 г. П.М. Верховых становится заместителем министра и Ю.С. Семендяев просил его поговорить с Коноваловым, о переходе его начальником ГУ. Разговор был не простой, хотя и товарищеский, в результате В.Ф. Коновалов стал начальником 3 ГУ. Это случилось за месяц до Чернобыльской аварии.

В Чернобыле Виталий Федорович работал начальником района по дезактивации строительной техники, притом в Чернобыль он приехал практически не приступая к работе в ГУ. Он полностью создал структуру этого участка и много облученной техники вернул в производство.

"Август—сентябрь—октябрь. Моя задача была — дезактивация оборудования на месте с последующим вывозом техники, доставленной из разных краев. Она была нужна нашей отрасли" — вспоминает В.Ф. Коновалов.

При разбирательстве причин катастрофы по Чернобыльской АЭС А.Г. Мешков присутствует на правительственной комиссии и его просто так, для отчета, снимают с должности первого заместителя министра, не обвиняя его ни в чем. Конечно это был удар по А.Г. Мешкову и только действия министра Е.П. Славского назначившего его на должность директора Электростальского завода, как-то успокоили его.

В это время решением правительства ликвидируется Министерство машиностроения пищевой промышленности и нашему министерству поручается разработка и изготовление оборудования для молочной промышленности. Одновременно выделяется должность заместителя министра по этому направлению. На эту должность и назначается В.Ф. Коновалов.

В короткие сроки была разработана программа участия практически всех производственных предприятий министерства в решении

отдельных и комплексных вопросов создания оборудования для молочной промышленности с использованием научных производственных наработок отрасли. Был задействован научный потенциал отрасли. В результате в короткие сроки произошел существенный сдвиг в этом направлении.

Специальные транспортные средства для перевозки, баки-наполнители для молока, агрегаты для переработки и расфасовки, все это с новыми научными наработками в короткие сроки внедрилось на заводах.

Заводы, получив новые технологических подходы безболезненно начали реагировать на конъюнктуру рынка, переходя на оборудование, которое требовал заказчик.

Выставки, проводимые по инициативе нашего министерства показали, что сегодня мы в некоторых областях выше мирового уровня по переработке молока, хранению и транспортировке молочных продуктов.

И так, В.Ф. Коновалов министр. А в это время происходит развал Союза, разрыв экономических связей. Республики претендуют на самостоятельность. Министр ставит себе основной задачей сохранить и удержать урановое производство и рынок урана. Были брошены все силы министерства, уговоры, доводы но ничто не помогло решить эту задачу, республики ни в каком варианте не хотят оставить уран в единой системе, все самостоятельно торгуют, заключают договора, а результат плачевный – рынок урана ушел с 40\$ за кг до 16\$ – это был просто обвал. Продавали излишки, которые были не нужны республикам для получения сиюминутной выгоды. Обидно.

В этот момент начинает падать объем оборонного заказа в стране. На некоторых предприятия с 80% до 10%. Предприятия не готовы к таким изменениям. Кто не среагировал сразу был обречен на провал. Все это требовало непосредственного вмешательства Министра.

Одновременно Коновалов В.Ф. формирует новую структуру министерства.

Структура состоит из трех блоков:

Первый блок – туда входит все, что связано с проектированием и изготовлением ядерного потенциала страны, наука, контроль за международными соглашениями и все остальное, для чего требуется бюджетное финансирование.

Второй блок – все предприятия 3, 4 ГУ, машиностроения, строительная отрасль.

Третий блок – международное сотрудничество. Министр поддерживает разваливающийся строительный комплекс, очень болезненно реагирует на развал промышленности.

Характер вспыльчивый, но отходчивый, принимает правильное решение, не гнушаясь признать свои ошибки.

Представленный им вариант новой структуры не поддержали в Правительстве.

Структуры относящиеся в первому блоку заволновались понимая, что вопросы финансирования будут затруднены.

В результате В.Ф. Коновалов – первый заместитель министра. Не смирясь с этим, он в короткое время создает концерн ТВЭЛ, где становится генеральным директором и продолжает работать над объединением всех уранодобывающих и перерабатывающих производств, внедряясь в международное сотрудничество, пытаясь захватить часть рынка урана на Западе.

Были не забыты проектные профильные организации, с которыми выборочно были заключены договора – это была явная поддержка ученых.

И вот новый поворот судьбы. Снятие с руководства ТВЭЛ, суровая закрутка в банковской структуре "Конверсбанка". Все это безусловно повлияло на судьбу. Смена министра дала возможность Коновалову восстановиться на работе в качестве первого заместителя руководителя ТВЭЛ. И конечно, постоянная борьба за отраслевой банк. Виталий Федорович был и остается твердым бойцом за отрасль.

С Коноваловым было надежно

Глаголев Александр Алексеевич,
начальник инструментального цеха «Элемаш»

Я познакомился с Виталием Федоровичем Коноваловым солнечным весенним утром 1-го мая 1979 года. Заканчивалось мое дежурство по заводу, когда совершенно неожиданно бывший тогда военным комендантом Алиев Мовла Мамиевич сообщает, что сейчас должен приехать новый директор завода. Выходим из здания, смотрим на дорогу — ни одной машины. Зато по тротуару идет уверенной походкой коренастый мужчина. Подходит, останавливается и, обращаясь к нам, говорит: "Здравствуйте, я Коновалов. Ну, что, комендант, пойдем-ка посмотрим на периметр". Алиев, видимо прикинув, что такое наш периметр, осторожно предложил поехать на дежурной машине, но директор категорически отказался — "так мы ничего не увидим".

Удивил сам факт прихода на завод в праздничный день, ранним утром и пешком!

Впрочем, позднее мы еще не раз удивлялись и демократизму его характера, и огромной работоспособности, и невероятной шепетильности во всем, что касалось его личных благ, и энциклопедическим знаниям в совершенно далеких друг от друга областях.

Я помню, как зашел у нас с Виталием Федоровичем спор об устройстве установок "Булат", разработке Харьковского физтеха, только-только тогда появившихся. Не буду вдаваться в технические подробности, скажу только, что я установку видел, а Виталий Федорович еще нет. Но спор выиграл он!

Между прочим, эта "aura уверенности" окружала его постоянно, он заражал и заряжал ею всех, кто с ним работал.

Коновалов — директор — был жестким руководителем, умел не только убеждать, но и принимать волевые решения, даже если они казались невыполнимыми. И ничего, выполняли...

А в то же время вспоминаю, что Виталий Федорович начал первый со мной телефонный разговор с вопроса "Ты не занят? Можешь подойти ко мне? На вчерашнем совещании ты задал много вопросов, я хочу помочь тебе их решить". Ничего подобного ни до, ни после я больше не слышал, хотя цех вниманием руководителей завода обделен не был никогда.

Человеку всегда хочется стабильности и уверенности в будущем.

С Коноваловым было надежно. Поэтому, когда Виталий Федорович уходил в Министерство, мной владело двоякое чувство: жалко было, что уходит, и понятно, что он человек другого, гораздо более крупного масштаба, чем директор завода.

Основные даты трудовой деятельности В.Ф. Коновалова

14 сентября 1932 г. — Родился в г. Свердловске.

1950 г. — Окончил школу в г. Свердловске.

1950-1956 г.г. — Студент Уральского политехнического института им. С. М. Кирова г. Свердловск.

1956-1957 г.г. — мастер-дублёр Ульбинского металлургического завода в г. Усть-Каменогорск.

1957-1958 г.г. — мастер, начальник смены Ульбинского металлургического завода.

1958-1962 г.г. — старший мастер, начальник отделения, начальник смены Ульбинского металлургического завода г. Усть-Каменогорск.

1962-1975 г.г. — начальник цеха Ульбинского металлургического завода г. Усть-Каменогорск.

1966.07.26 — Указом Президиума Верховного Совета СССР награждён орденом Трудового Красного Знамени.

1970 г. — За разработку и создание современного производства тантала ему, в числе других авторов присуждена Государственная премия.

1970.03.30 — Медаль: "За доблестный труд". В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

1974.09.20 — Присуждена учёная степень кандидата технических наук "Исследования и оптимизация технологии промышленного производства компактного тантала".

1976 г. — За работу по созданию новых материалов для науки и техники ему и группе сотрудников присуждена Государственная премия.

1975-1979 г.г. — Директор Чепецкого механического завода г. Глазов.

1979-1986 г.г. — Директор Машиностроительного завода г. Электросталь.

1981 г. — Награждён Орденом октябрьской Революции.

1986-1988 г.г. — Начальник Третьего главного управления Министерства среднего машиностроения СССР г. Москва.

1986 г. — Награждён орденом Ленина.

1988-1989 г.г. — Заместитель Министра среднего машиностроения СССР г. Москва.

1989-1991 г.г. — Министр атомной энергетики и промышленности СССР г. Москва.

1992-1996 г.г. — Первый заместитель Министра Российской Федерации по атомной энергии г. Москва.

1996 г. — Награждён Орденом Почёта.

1996-2000 г. — Президент ОАО "ТВЭЛ".

1999 г. — За выдающийся вклад в развитие экономики Российской Федерации присуждена премия им. Петра Великого.

2001-н/вр. — Первый вице-президент ОАО "ТВЭЛ".

Оглавление

Предисловие	3
Начало. <i>Е.Букаева</i>	5
Кто несет ядерный факел? <i>В.С.Губарев</i>	21
Воспоминания:	
Сотрудников Ульбинского металлургического завода	175
(г. Усть-Каменогорск)	
Сотрудников Чепецкого механического завода	215
(г. Глазов)	
Сотрудников ОАО "Машиностроительный завод"	227
(г. Электросталь)	
Он предан отрасли. <i>Л.Д.Рябев</i>	243
Несколько слов о работе с Виталием Фёдоровичем. <i>В.А.Сидоренко</i>	245
Коренной "Средмашевец". <i>Ю.И.Тычков</i>	248
О талантливом инженере и крупном руководителе. <i>А.Д.Никулин</i>	253
Боец отрасли. <i>И.А.Беляев</i>	262
Основные даты трудовой деятельности В.Ф.Коновалова	267

В.Ф. КОНОВАЛОВ

Страницы жизни

Состовитель: В.В. Чернышев

Компьютерная вёрстка: Б.И. Оводов

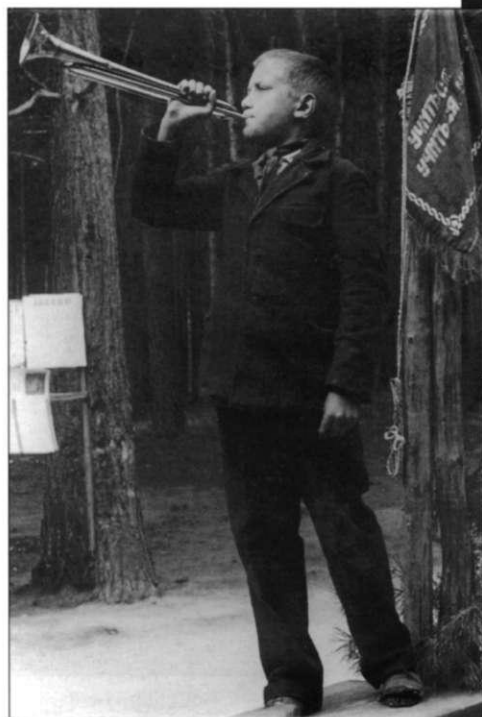
Подписано в печать 15.06.2002. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17. Тираж 1000 экз.
Заказ № 6424

Издательство по Атомной науке и технике ИздАТ
Международной Ассоциации Союзов "Чернобыль-Атом"
123182, Москва, ул. Живописная, д. 46: тел. 19090 97

Отпечатано в ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Г-49, Шубинский пер. 6

Родители – Мария Михайловна
и Федор Константинович

Как это
было
давно...

После свадьбы

Проголосовали...

Наша дочь Елена
и наш внук Антон

На даче с внуком

На даче

С братом Юлием

Окончен четвертый курс.
Профессор Дариенко, Ара, Нелла, Виталий

В день 50-летия физико-технического факультета

Выпускники 1950 года у памятника С.М. Кирову

Годы возмужания

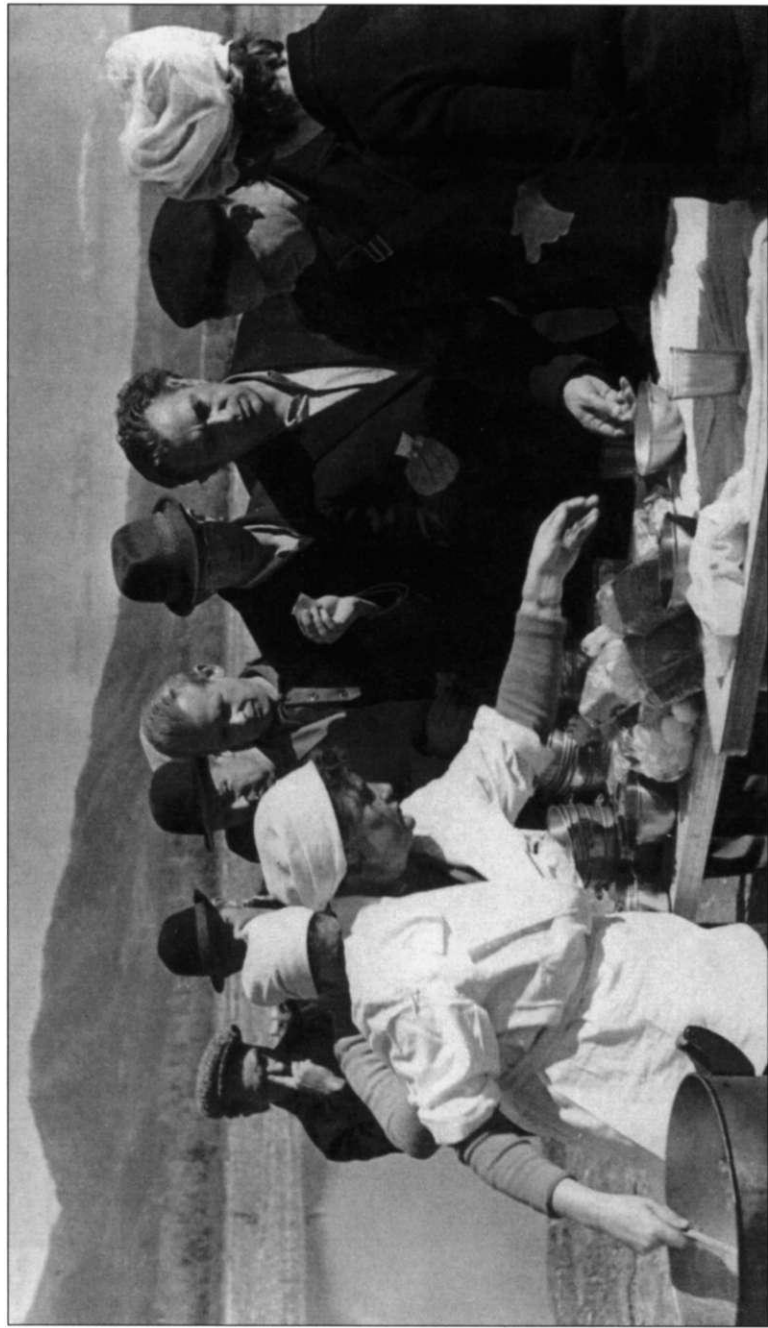

Белогорцев, Внуков, Кутний, Ганенко, Коновалов, Кузнецов
на демонстрации в Усть-Каменогорске

Ахроменков и Коновалов с сандружинницами

На сельскохозяйственных работах. Шефы помогают селу

Коновалов, Скворцов, Цыганов в Глазове

Журавлев и Коновалов на демонстрации в Глазове

Первый заместитель министра Н.А. Семенов вручает орден Ленина

На конференции рационализаторов

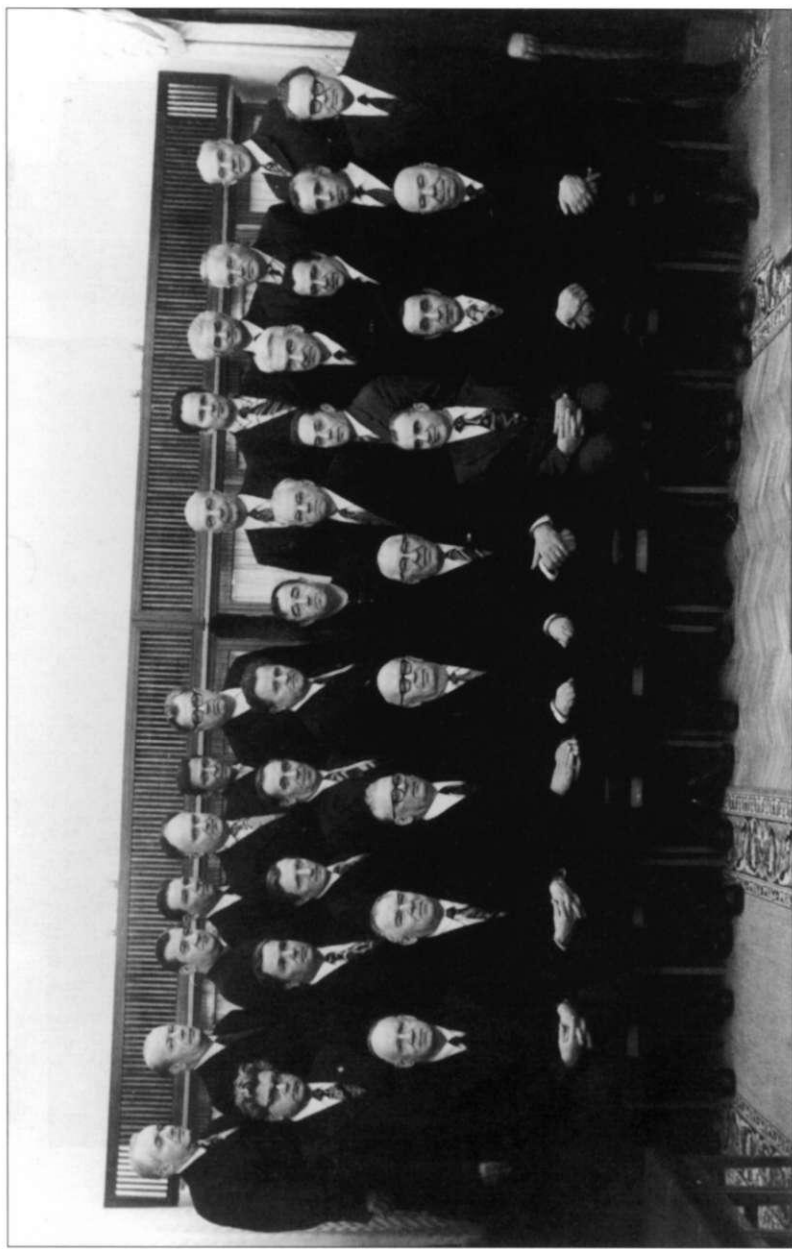
Директора предприятий 3 ГУ на учебе в ЦИПКе

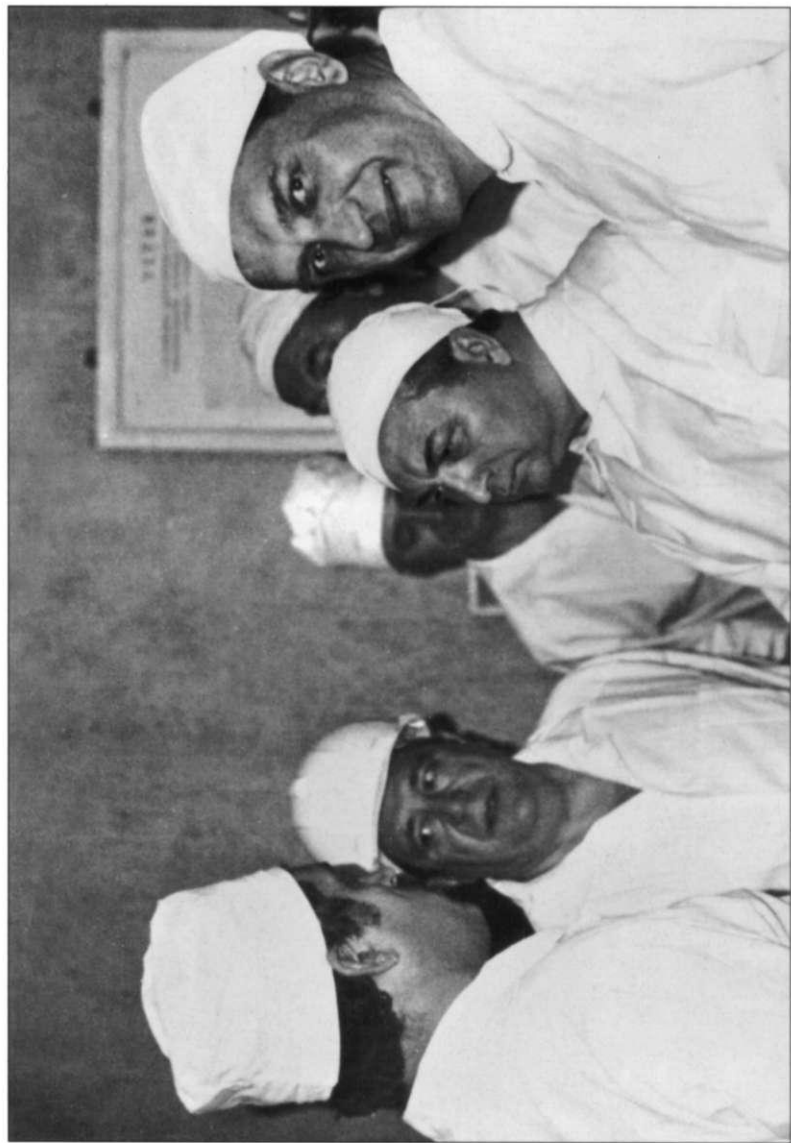
Председатель Президиума Верховного Совета СССР В.В. Кузнецов
на заводе в г. Электросталь

В музее трудовой славы "Элемаша" (конец 80-х годов)

В ЦИПКе после окончания учебы с Е.П. Славским

1986 год. Чернобыль

С Ю.И. Тычковым

С В.А. Сидоренко

Участники научно-технической конференции в г. Дмитровграде

Выступление на Курчатовской конференции (1990 г.)

Совещание руководителей Министерств оборонной "девятки" (1990 г.)

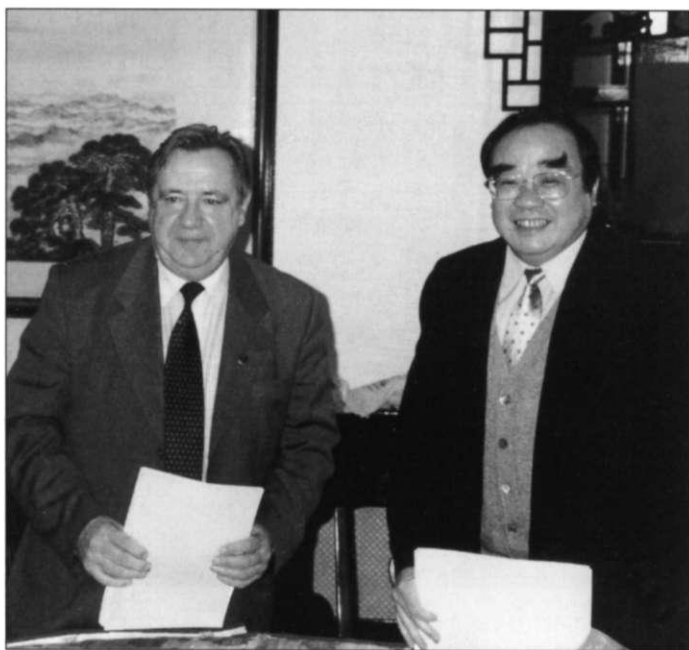

На научно-технической конференции во ВНИИНМ им. А.А. Бочвара (1999 г.)

Все ясно и без слов

Дела международные

Подписание первого контракта на поставку топлива на АЭС в Китай

Подписан договор со Словакией

Делегация Минатома в Японии

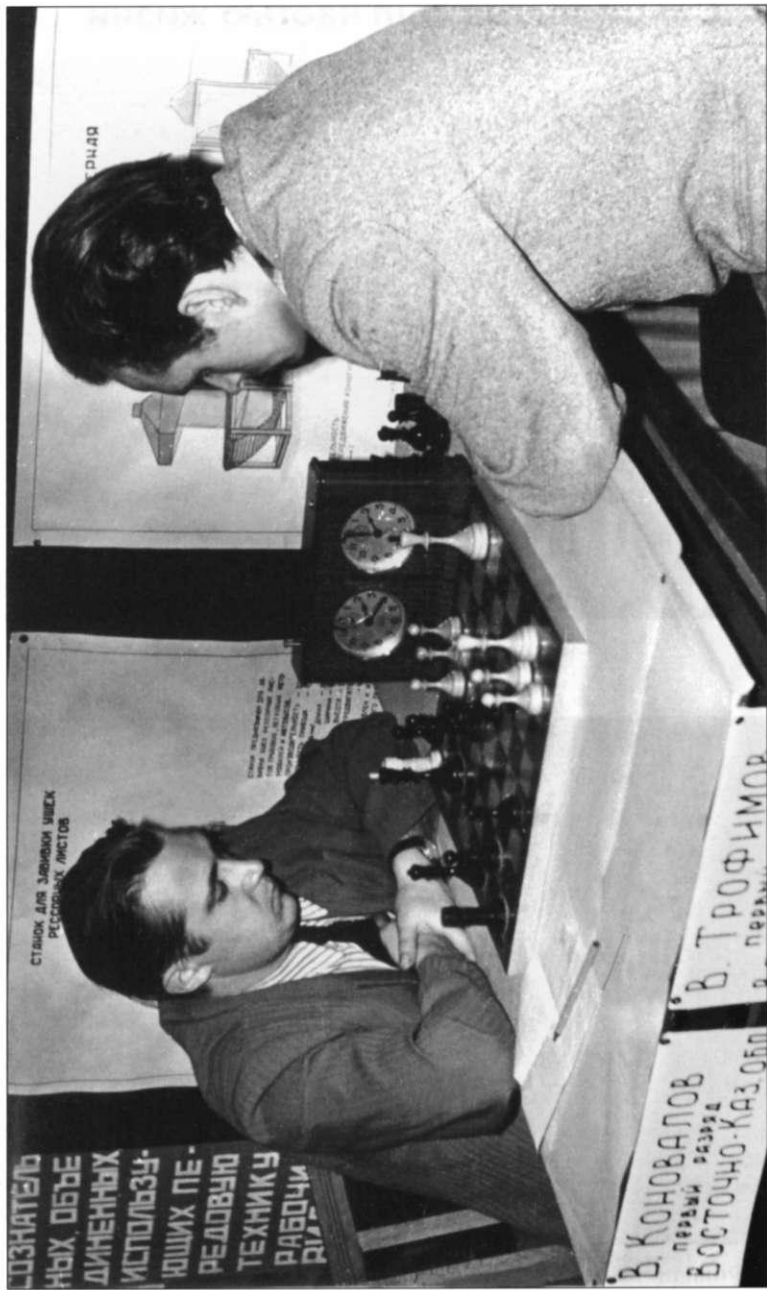
Спорт всегда был частью жизни

Сборная физтеха по баскетболу

Финалисты чемпионата Казахстана по шахматам (1960 г.)

На первенстве Казахстана (1958 г.)

На такой реке приятно отдохнуть

Улов
должен
быть
всегда!

